

К. В. Миньяр-Белоручев

Реформы и экспансия

в политике

США

К.В. Миньяр-Белоручев

РЕФОРМЫ И ЭКСПАНСИЯ В ПОЛИТИКЕ США

(конец 1830-х – середина 1840-х годов)

Издательский дом «Прспект-АП»
Москва
2005

УДК 327
ББК 664/665
М 62

РЕКОМЕНДОВАНО

*кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.С. Манькин
доктор исторических наук, профессор В.В. Согрин

Миньяр-Белоручев К.В.

М62 Реформы и экспансия в политике США (конец 1830-х – середина 1840-х годов). – М.: Издательский дом «Перспектив-АИ», 2005. – 176 с.

ISBN 5-98398-009-2

В монографии рассматриваются актуальные проблемы внешней и внутренней политики США середины XIX века. В этот период американское общество было вынуждено сформулировать ответы на два качественно различных «вызова» развития: промышленный и пространственный.

В середине XIX века были заложены экономические предпосылки для превращения Соединенных Штатов в ведущую мировую державу в XX столетии и выработаны основы современной экспансионистской внешней политики США. Уроки, которые можно извлечь из американского опыта, имеют практический интерес для современного российского общества.

Книга предназначена для специалистов-историков, политологов, экономистов, аспирантов и студентов, а также всех тех, кто интересуется американской историей и развитием современного общества.

УДК 327
ББК 664/665

ISBN 5-98398-009-2

© К.В. Миньяр-Белоручев, 2005
© Оформление ООО «Издательский дом «Перспектив-АИ»»

Введение

История Соединенных Штатов Америки, как и любого другого общества, представляет собой результат противоборства различных социальных сил. Сталкиваясь с требующим активного решения комплексом внутри- или внешнеполитических проблем, страна редко может выработать единый ответ на «вызовы» развития. Выражающие разнонаправленные интересы группы имеют собственное видение ситуации и выдвигают различные идеи, касающиеся необходимых в сложившейся ситуации действий.

Борьба между представителями соперничающих групп, вызванная столкновением их интересов, – это наиболее универсальный инструмент выбора того или иного пути развития общества. Подобный выбор далеко не всегда бывает осознанным, и последствия принятых решений в большинстве случаев становятся очевидными спустя десятилетия.

Особенностью развития американского общества является участие широких слоев населения в решении актуальных вопросов социально-экономической и политической жизни страны. Обсуждение этих проблем никогда не ограничивалось правительственными кабинетами, стенами конгресса или тесным кругом политической элиты.

Еще в колониальный период истории США были заложены основы представительного правления, зафиксированные затем в американской конституции. Рядовые американцы принимали участие в управлении страной – от местного до общенационального уровней – посредством выборов. Многочисленные социальные и общественные группы не только пришли к осознанию своих интересов (подобное осознание могло быть как истинным, так и ложным), но громко и отчетливо заявляли о них. Открыто игнорировать подобные требования власть, в условиях выборности должностных лиц, не могла себе позволить.

На рубеже 1830–1840-х годов Соединенные Штаты столкнулись с двумя качественно различными «вызовами»: промышленным и пространственным.

С одной стороны, было необходимо четко определить роль государства в социально-экономической жизни страны. От этого зависел способ решения целого комплекса проблем, для обозначения которого принято использовать термин «внутренние

улучшения» – регулирование кредитно-финансовой системы, изменение уровня ввозных пошлин и условий доступа к свободным землям Запада, развитие транспортной и социальной инфраструктуры (строительство каналов и железных дорог, обустройство портов и гаваней, совершенствование образования и медицины).

С другой стороны, на повестке дня стоял вопрос о территориальной экспансии. Существующие границы казались тесными для динамично развивающейся нации. Техас, Калифорния и Орегон манили рядовых фермеров и плантаторов, отправляющихся искать счастья в далеких краях, столь же сильно, как и наиболее влиятельных политиков в Вашингтоне. Между тем экспансия означала осложнения внутри страны и за ее пределами. Присоединение обширных территорий вело к дипломатическому и вооруженному столкновению с Мексикой и Великобританией, а также обостряло противоречия между Севером и Югом США, свободными и рабовладельческими штатами. От того, будут ли новые земли открыты для распространения рабства, зависел секционный баланс политических и экономических сил в стране и даже государственная целостность Соединенных Штатов.

Эти проблемы не были новыми. В том или ином виде они возникали на политическом горизонте на протяжении предшествующих пятидесяти лет. Однако на рубеже 1830–1840-х годов они обрели иное звучание. Конец 30-х годов ознаменовался тяжелейшим экономическим кризисом, который затронул все слои американского общества. В начале 40-х годов на него наложился кризис политический – ожесточенное противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти после скоропостижной кончины президента Гаррисона.

В сложившихся условиях паллиативные решения были неприемлемы. Страна в буквальном смысле оказалась на перепутье. Поиск адекватного ответа на «вызовы» развития непосредственным образом был связан с определением перспектив развития США на ближайшие десятилетия.

Если в начале 1840-х годов в центре внимания находились вопросы экономического развития, то в середине десятилетия повестку дня стала определять проблема экспансии. Неспособность партии вигов воплотить в жизнь комплексную программу социально-экономических преобразований, включавшую вос-

создание государственного банка, установление высокого протекционистского тарифа, финансирование транспортной и социальной инфраструктуры за счет средств федерального правительства, привела к отказу от «внутренних улучшений». Присоединение Техаса и Орегона, начало войны с Мексикой за право владеть богатейшими землями Калифорнии и Новой Мексики означали победу курса на пространственное расширение Соединенных Штатов и стали символами того, что континентальная экспансия выбрана в качестве магистрального пути развития страны.

Изучение американского общества в конце 30-х – середине 40-х годов XIX века ставит целый комплекс сложных проблем. Представляется необходимым определить степень взаимосвязи между двумя возможными путями развития американского общества – территориальной экспансией и социально-экономическими преобразованиями. Следует выяснить, являлись ли указанные пути альтернативными или органично дополняли друг друга. Для решения этих проблем необходимо найти ответ на следующие вопросы. Во-первых, был ли отказ от продолжения социально-экономических преобразований необходимым условием для осуществления новых территориальных приобретений. Во-вторых, в какой степени исход внутривластной борьбы вокруг реформ предопределил курс на возобновление экспансии.

* * *

Рассматриваемые в монографии проблемы носят сложный, многомерный характер. Для их изучения потребовалось обратиться к нескольким концепциям, получившим широкое применение в мировой исторической науке: мир-системной перспективе Иммануила Валлерстайна, теории экономического роста Уолтера Ростоу и системному пониманию международных отношений.

В рамках мир-системного подхода Валлерстайна мировая капиталистическая экономика (иначе – европейская мир-экономика) рассматривается с точки зрения разделения труда между «ядром», полупериферией и периферией. Развитие «ядра» осуществляется за счет эксплуатации периферии, в то время как полупериферия занимает промежуточное положение и при благоприятных условиях имеет шансы попасть в «ядро». В сере-

дине XIX века «ядро» капиталистической экономики составляла Великобритания, а Соединенные Штаты включали в себя как полупериферийные, так и периферийные районы. Бурное экономическое развитие США на протяжении второй половины XIX столетия позволило им потеснить Великобританию и также войти в «ядро»¹.

Становление американского капитализма в XIX веке адекватно отражает теория экономического роста. Ее создатель Ростоу выделяет пять стадий экономического развития общества: 1) традиционное общество; 2) стадия создания предпосылок для подъема; 3) стадия сдвига; 4) стадия роста; 5) период высокого уровня массового потребления. В соответствии с этими построениями в первой половине 1840-х годов Соединенные Штаты вступили в третью стадию экономического развития (стадия сдвига), которая продолжалась вплоть до Гражданской войны².

При рассмотрении внешнеполитической проблематики была использована теория системности в международных отношениях³. В 1840-е годы Соединенные Штаты находились на периферии Венской системы. Экспансия США была локализована североамериканским континентом и не встретила жесткого противодействия «великих» европейских держав, поскольку это направление не являлось для них приоритетным. Даже Великобритания, имевшая самые непосредственные интересы в Орегоне, Техасе и Калифорнии, оказалась неготовой к вооруженному конфликту, что мастерски использовало американское правительство.

Какими же факторами определяется иерархия внешнеполитических целей государства? Внешняя политика является формой выражения политической воли определенных общественных сил, которые в каждый отдельный момент предлагают собственную трактовку государственных интересов своей страны. Таким образом, внешнюю политику следует рассматривать как продолжение политики внутренней.

Необходимо особо обговорить научный инструментарий работы. Развитие американского общества в XIX веке невозможно понять без учета деления страны на крупные географические районы, так называемые секции. Следует оговориться, что среди специалистов не существует единства в вопросе ни о количестве таких регионов, ни о конкретных границах между ними. Наиболее часто употребляются дуальное (Север – Юг) и тройственное

(Северо-Восток – Северо-Запад – Юг) разделение США. В то же время ряд исследователей выдвигают на первый план противоречия между «фронтиром» (Запад) и уже освоенными территориями (Восток).

Универсальными критериями разграничения между секциями считаются особенности социально-экономического развития Соединенных Штатов. Основой для размежевания между Севером и Югом является фактор наличия или отсутствия рабства – института как экономического, так и социального – и плантационного хозяйства с использованием подневольного труда.

Соответственно, Юг включает штаты «глубокого Юга» (Южную Каролину, Джорджию, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Арканзас, сюда же относится Флорида, получившая статус штата в 1845 году), «верхнего Юга» (Виргинию, Северная Каролину, Теннесси) и четыре «пограничных штата» (Мэриленд, Делавэр, Кентукки, Миссури), в экономике которых сочетались черты, характерные для нескольких секций. Юго-западные штаты (Алабама, Миссисипи, Луизиана, Арканзас, Миссури) и штаты Центрального Запада (Кентукки и Теннесси) редко рассматриваются в отрыве от остального Юга, однако ряд особенностей социально-экономического развития сближает их с северо-западными штатами (например, наличие фонда общественных земель, который, правда, в Кентукки и Теннесси был уже исчерпан), вместе с которыми они составляют Запад.

Свободные от рабства северные штаты распадаются на Северо-Восток и Северо-Запад. В состав Северо-Востока входят шесть штатов Новой Англии (Массачусетс, Коннектикут, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Мэн, Род-Айленд) и три среднеатлантических штата (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси). В изучаемый период Северо-Запад объединяет штаты Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиану, а также имевшие статус территорий Висконсин и Айову.

Для описания американской внешней политики и произошедшего в первой половине 1840-х годов поворота к экспансии в ходе работы над данным исследованием были разработаны две модели взаимоотношений американского правительства с иностранными государствами – договорная и конфронтационная.

Характерными чертами договорной модели являются стремление решать все международные проблемы не силовыми, а дипломатическими методами, готовность к компромиссам с дру-

гими государствами и отказ от эскалации международной напряженности. Договорная модель также выражается в желании политической элиты достичь консенсуса по внешнеполитическим вопросам внутри страны и изолировать те круги общества, которые выступают с непримиримых позиций.

Конфронтационная модель заключается в обострении отношений с иностранными государствами, использовании силового давления и балансирования на грани войны в качестве инструментов внешней политики. Кроме того, она всегда сопряжена с готовностью перевести конфликт в стадию открытого вооруженного противостояния, что резко повышает риск развязывания войны, но начало военных действий не является обязательным итогом конфронтационного подхода. Во многих случаях конфронтационная модель сопровождается размежеванием внутри страны по проблемам международной жизни и ориентацией политических лидеров на наиболее агрессивные круги общества – экспансионистов и «ястребов».

Хотя договорная и конфронтационная модели были выделены на основе изучения эмпирического материала внешней политики США в конце 30-х – середине 40-х годов XIX века, их применение возможно для других государств в различные исторические периоды.

* * *

Первые в нашей стране исследования по американской истории XIX века принадлежат А.В. Ефимову⁴. Советский автор прослеживает ход промышленного переворота в Северной Америке, демонстрируя наличие двух тенденций в развитии американского капитализма – «вглубь» и «вширь». В своих работах он останавливается на особенностях партийно-политического развития Соединенных Штатов и уделяет пристальное внимание формированию экспансионистской внешней политики США.

Последующее развитие отечественной американистики вело к углубленному изучению отдельных аспектов американской истории и появлению специализированных трудов, посвященных различным проблемам американской истории. Наиболее пристальное внимание исследователей середины XIX века привлекали экономическое развитие США, партийно-политическая борьба и экспансионистская политика американских правящих кругов.

С середины 1970-х годов отечественные авторы активно разрабатывают проблемы партийного строительства и двухпартийной системы США. Начало специальному изучению закономерностей функционирования двухпартийной системы США было положено Н.В. Сивачевым и А.С. Манькиным⁵. Важными обобщающими работами по данной проблематике являются спецкурс А.С. Манькина и коллективная монография «Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современность»⁶. Развитие политических институтов США на богатом фактическом материале прослеживает В.В. Согрин, который подробно останавливается на особенностях политической борьбы в середине XIX века⁷. Специальные исследования, посвященные особенностям взаимодействия демократической и вигской партий, принадлежат перу Г.А. Дубовицкого, М.А. Власовой и Н.Х. Романовой⁸.

В трудах отечественных американистов важное место занимает внешнеполитическая проблематика. В этом плане 1840-е годы, когда в состав Соединенных Штатов были включены обширные территории Техаса, Новой Мексики, Калифорнии и Орегона, представляют для историков особый интерес. Основы изучения американского экспансионизма заложил Н.Н. Болховитинов⁹. Наиболее значимые работы, в которых рассматривается внешнеполитический курс США в середине 1840-х годов, принадлежат перу Н.В. Потоковой, А.А. Ярыгина и И.И. Курилы, при этом Н.В. Потокова специально разрабатывала техасскую проблематику¹⁰.

Традиционно внимание отечественных авторов привлекает история американского капитализма, который рассматривается в тесной связи и зависимости от углубления капиталистических отношений в Западной Европе. В 1960–1970-е годы в отечественной историографии состоялась дискуссия, посвященная проблемам генезиса капитализма в США и хронологии промышленного переворота¹¹. Из последних работ, посвященных экономическому развитию США в середине XIX века, следует отметить монографии Б.М. Шпотова и И.М. Супоницкой¹². Наибольший интерес в рамках данного исследования представляют выводы И.М. Супоницкой. На основе сравнительного анализа Севера и Юга США она приходит к выводу, что «с промышленным переворотом два региона все больше превращались в разные социально-экономические и социокультурные системы

внутри американской цивилизации». В то время как Север «перешел к промышленному капитализму, созданию рыночной экономики, урбанизации», Юг «оставался аграрным, обращенным к внешнему рынку, задержавшись из-за плантационного рабовладельческого хозяйства на стадии торгового капитализма»¹³.

В Соединенных Штатах изучение 40-х годов XIX века имеет длительную традицию. Некоторые из научных трудов, увидевших свет сто лет назад, до сих пор не потеряли своей ценности и актуальности – здесь можно отметить Артура Коула и его книгу «Партия вигов на Юге», а также Джастина Смита, чьи работы «Аннексия Техаса» и «Война с Мексикой» до сих пор остаются непревзойденными по тщательности изучения дипломатических документов¹⁴.

Без сомнения, наибольшее влияние на последующую историографию оказали воззрения основоположника прогрессистской школы Фредерика Тернера, который выдвинул тезис о решающем влиянии западной границы – «фронтира» на американскую историю. Согласно точке зрения Тернера, развитие США в середине XIX века определялось двумя факторами – секционными противоречиями и постоянным движением американцев на Запад¹⁵.

Новый всплеск интереса к изучению американского общества, существовавшего до Гражданской войны, произошел во второй половине XX века. В первые десятилетия после Второй мировой войны были опубликованы работы представителей прогрессистской школы Артура Шлезингера «Эпоха Джексона» и Глендона Ван-Дойзена «Эра Джексона». В ставших классическими трудах авторы создают широкую панораму жизни страны в 30-х – начале 40-х годов XIX века¹⁶.

В середине XX столетия американские исследователи впервые отчетливо продемонстрировали интерес к экономической истории своей страны, когда свет увидели монографии Джорджа Тейлора «Транспортная революция» и Дугласа Норта «Экономический рост Соединенных Штатов». В этих трудах прослеживается становление американского капитализма в период между 1815 годом и Гражданской войной¹⁷.

После Второй мировой войны господствующие позиции в историографии внешней политики заняли представители «школы политического реализма». По их мнению, поведение госу-

дарств на международной арене определяется не отвлеченными идеалами, а набором так называемых реальностей – военным и экономическим потенциалом, государственными интересами. Наиболее влиятельным представителем «реализма», обратившим пристальное внимание на события середины XIX века, является Норман Гребнер. Задаваясь вопросом, насколько имеющиеся в распоряжении американского правительства средства были адекватны поставленным внешнеполитическим целям, исследователь приходит к парадоксальному выводу, что на международной арене Соединенные Штаты руководствовались не реалистической оценкой собственной мощи, а идеалистическими воззрениями на моральность и законность своих претензий¹⁸.

В 1960–1970-е годы были пересмотрены основные положения прогрессистской историографии, традиционной «экономической школы» и теории политического реализма. Широкое использование статистических материалов позволило представителям «новой политической истории» и «новой социальной истории» изучить электоральную поддержку обеих партий на местном уровне и пересмотреть вывод прогрессистов о том, что поведение избирателей определяется преимущественно социально-классовой принадлежностью. Сторонники этнокультурного подхода делают акцент на этническом, религиозном и культурном факторах для объяснения политической борьбы¹⁹. Представители «новой экономической истории» выдвинули тезис о том, что экономические и политические процессы протекают независимо друг от друга и что в середине XIX века политика американского правительства в социально-экономической сфере практически никак не влияла на экономическое развитие страны²⁰.

В середине 1970-х годов стало набирать силу критическое направление историографии, сторонники которого поставили своей целью опровергнуть господствовавшее в рамках «новой исторической науки» мнение о главенстве политического консенсуса в американском обществе. Для представителей этой школы характерно противопоставление двух ведущих партий и отстаиваемых ими ценностей. Так, Мэджор Уилсон, один из наиболее интересных авторов этого направления, утверждает, что если виги были ориентированы на социальное совершенствование общества во времени, то для демократов наиболее важным представлялось покорение пространства путем экспансии²¹.

Со второй половины 1960-х годов в исследованиях, посвященных американской внешней политике, главное внимание уделяется не долгосрочным государственным интересам Соединенных Штатов (что было характерно для представителей школы политического реализма), а субъективным факторам – краткосрочным интересам различных групп внутри американского общества и хитросплетениям политической борьбы. Существенный вклад в изучение территориальной экспансии США в середине XIX века в рамках этого подхода внес Фредерик Мерк. Он делает акцент на внутренних факторах, обусловивших присоединение новых территорий, – размежевание внутри страны по вопросу о рабстве, широкую пропагандистскую кампанию сторонников и противников экспансии, идеологическое влияние доктрины «предопределения судьбы»²².

На современном этапе развития американской историографии наиболее актуальным представляется создание новой обобщающей картины американской истории, в которой были бы объединены наработки, сделанные специалистами различных направлений. Это вызвано тем, что узкая специализация и подмена общеметодологических принципов частными исследовательскими методиками откровенно заводят историков в тупик. Большинство специалистов, занимающихся XIX веком, ищут выход из сложившейся ситуации на стыке экономической и политической истории.

Наиболее успешно с этой задачей справляются Ч. Селлерс, М. Холт, Г. Уотсон и М. Моррисон. В начале 1990-х годов Чарльз Селлерс выпустил свою интерпретацию эволюции американского общества в период между 1815 и 1846 годом, поставив во главу угла развитие американской экономики. Селлерс ввел в научный оборот термин «революция рынка». В своих исследованиях, посвященных политической истории США в середине XIX века, Майкл Холт делает акцент на изучении выборов и электорального процесса. Уделяя пристальное внимание этнокультурным факторам, Холт тем не менее убежден, что поведение избирателей определяется в конечном счете их экономическими интересами. Гарри Уотсона, специалиста по истории американского Юга, отличает стремление возродить политический нарратив, ушедший в прошлое с эпохой Шлезингера и Ван-Дойзена. Однако основу для межпартийного размежевания в 1830–1840-е годы Уотсон видит в

проблемах политической экономии. Для Майкла Моррисона характерно изучение территориальной экспансии в контексте общего политического развития США. По его мнению, истоки американского экспансионизма следует искать в политической культуре 1830-х годов. В то же время Моррисон признает, что основой для противостояния сторонников и противников территориальной экспансии стали экономические противоречия по проблеме рабства²³.

* * *

Конец 30-х – середина 40-х годов XIX века не является белым пятном в американистике. Хотя многие периоды истории Соединенных Штатов изучены гораздо более подробно, не вызывает сомнений, что исследователи по обе стороны Атлантики создали значительное число ценных трудов, посвященных американскому обществу в середине XIX века. В то же время проблема взаимосвязи внутренней и внешней политики, социально-экономических преобразований и территориальной экспансии применительно к указанному периоду не ставилась не только в отечественной, но и в американской историографии.

В изучаемый период США оказались перед необходимостью найти ответ сразу на два «вызова» развития – промышленный и пространственный, сделать выбор между внутренними реформами и внешней экспансией. Все это означало, что в первой половине 40-х годов XIX века будет определено развитие американского общества на ближайшие десятилетия.

Важность темы исследования заключается в том, что в середине XIX века были заложены экономические предпосылки для превращения Соединенных Штатов в ведущую мировую державу в XX столетии и выработаны основы современной экспансионистской внешней политики США. Таким образом, обращение к американскому опыту имеет не только теоретический, но и практический интерес для современного российского общества, которое стоит перед необходимостью определить дальнейшие пути своего развития. Широко известны слова, что история ничему не учит. Истинность утверждения В.О. Ключевского невозможно оспорить, однако стоит добавить, что история позволяет извлекать уроки, причем не только из собственного прошлого, но и из опыта других стран.

Глава I. Американское общество на рубеже 1830–1840-х годов

§ 1. Социально-экономическое развитие США

Социально-экономическое развитие Соединенных Штатов на рубеже 1830–1840-х годов отличалось противоречивостью. С одной стороны, США оставались преимущественно аграрной страной. В 1840 году в сельском хозяйстве было занято 77% трудоспособного населения страны. В США насчитывался 131 город, где проживало 1,8 млн. человек, то есть чуть более 10% всех американцев. Сельское хозяйство являлось ведущей сферой экономики, обеспечивая 73% национального дохода, на долю промышленности приходилось 18%, еще 9% приносило строительство. На протяжении 1830-х годов 90% экспорта обеспечивали продукты сельского хозяйства (две трети из которых покрывал хлопок). Если на мировой рынок Соединенные Штаты поставляли главным образом сырье и продукты питания, то ввозили они в первую очередь промышленные товары¹. Препятствием на пути экономического развития США было и отсутствие единого внутреннего рынка. В целом можно констатировать, что в изучаемый период Соединенные Штаты являлись полупериферией европейской мир-экономики.

Однако существовала и противоположная тенденция. Для Соединенных Штатов 1820–1830-е годы стали временем активного экономического развития. На этот период приходится начало промышленного переворота на Северо-Востоке, освоение свободных земель Запада, расцвет плантационного хозяйства на Юге и совершенствование транспортной инфраструктуры. За двадцать лет, с 1820 по 1840 год, население страны увеличилось с 9,5 млн. человек до 17 млн. Национальный доход за этот же период вырос более чем в два раза. Наиболее динамично развивалась промышленность. Общая стоимость произведенной в США промышленной продукции за двадцать лет выросла в 3,5 раза. За этот же отрезок времени текстильные фабрики увеличили переработку хлопкового сырья в 2,2 раза. Исключительное значение придавалось развитию транспортной инфраструктуры. В 1840 году в США существовали 3326 миль каналов и

3328 миль железных дорог. Для сравнения: в 1816 году общая протяженность каналов в стране не превышала 100 миль, а начало железнодорожного строительства было положено в самом конце 1820-х годов².

Динамичным развитием отличалась кредитно-финансовая сфера. Количество банков в стране увеличилось с 330 в 1830 году до 901 в 1840 году, а их совокупный капитал за этот же период вырос со 145 млн. долларов до 358,5 млн.³ Универсальным средством обращения оставалась звонкая монета – золото и серебро. Однако одни благородные металлы не были способны покрыть нужды растущей экономики. Наряду со звонкой монетой широко использовались бумажные деньги. Правом эмиссии обладали частные банки, в результате чего в каждом штате, в каждом городе в обращении находились свои банкноты, реальная стоимость которых зачастую не соответствовала номиналу.

Порядок и стабильность в финансовых вопросах могло гарантировать лишь государство. Подобная задача ставилась перед Государственным банком, существовавшим вплоть до 1836 года. Он являлся крупнейшим держателем банкнот частных банков. Тот факт, что дирекция Государственного банка в любой момент могла предъявить к оплате в звонкой монете банкноты, ликвидность которых вызывала у нее сомнения, заставлял частные банки ограничивать эмиссию. Государственный банк выпускал в обращение свои банкноты, которые являлись законным средством платежа на всей территории страны. Обеспечение страны валютой со стороны федерального правительства ограничивалось чеканкой золотой и серебряной монеты. Лишь в особых случаях в обращение выпускались государственные казначейские билеты.

Важной особенностью социально-экономического развития США являлся его неравномерный характер. Наибольшей динамикой отличалось развитие северных штатов, в первую очередь – Северо-Востока. Как видно из данных таблицы П-1/С (см. Приложение) в 1840 году на Севере проживало 9,7 млн. человек (6,7 млн. на Северо-Востоке и 3 млн. на Северо-Западе), против 7,3 млн. на Юге, из которых 2,5 млн. составляли рабы. Для сравнения: на момент образования Соединенных Штатов Север и Юг обладали равным населением – по 2 млн. человек⁴.

Самым большим городом в стране был Нью-Йорк (312 тыс. человек в 1840 году). По сравнению с 1830 годом его население

выросло в 1,5 раза. Следом шли Балтимор и Новый Орлеан (по 102 тыс. человек). Четвертое и пятое места делили Филадельфия и Бостон (по 93 тыс. жителей)⁵.

О степени урбанизации различных частей страны можно судить на основе данных таблицы П-2/С (см. Приложение). Наиболее урбанизированным был Северо-Восток страны, а на Юге и Северо-Западе количество городов было незначительным. Из десяти самых крупных городов страны шесть находились на Северо-Востоке, три – на Юге и один – на Северо-Западе. Из 100 крупнейших городов на Северо-Востоке располагались 67, на Юге – 23, и 10 – на Северо-Западе.

Еще более наглядно тезис о неравномерном развитии секций демонстрирует информация о занятости населения и инвестициях в промышленность, которые приведены в таблице П-3 (см. Приложение). Ведущей сферой экономики оставалось сельское хозяйство. В нем было занято 63% трудоспособного населения Северо-Востока, для Северо-Запада и Юга этот показатель составлял 80 и 88% соответственно. Северо-Восток являлся лидером промышленного развития страны. В промышленности работало 28% трудоспособного населения этой секции, против 15% на Северо-Западе и 9% на Юге. В целом по стране промышленность давала рабочие места 800 тыс. американцев, из них 500 тыс. приходилось на долю Северо-Востока. На первом месте по количеству занятых в промышленности был Нью-Йорк (175 тыс.). В трех наиболее развитых штатах, вместе взятых, – Нью-Йорке, Пенсильвании и Массачусетсе – в промышленности трудились 370 тыс. Четвертое и пятое места занимали Огайо и Виргиния (67 и 56 тыс. соответственно)⁶.

В 1840 году в северо-восточных штатах в промышленность было вложено 186 млн. долларов, на Юге 53 млн. и 28 млн. на Северо-Западе. Еще более показательны сведения о среднедушевом размере инвестиций в промышленность. По этому показателю южные штаты (5,5 долларов) демонстрировали существенное отставание не только от Северо-Востока (27,5 долларов), но и от Северо-Запада (9,5 долларов). Данные об инвестициях в промышленность представлены в таблице П-4/С (см. Приложение).

Практически половина всех инвестиций приходилась на три штата, все те же Нью-Йорк, Массачусетс и Пенсильванию – 129 млн. долларов. Промышленные инвестиции в одном Нью-

Йорке составили 55 млн., что было больше, чем во всех южных штатах, вместе взятых. На Юге лидером являлась Виргиния (11 млн.), которая в общем ряду занимала лишь седьмое место. Самый развитый штат Северо-Запада, Огайо (17 млн.) шел четвертым и опережал Виргинию более чем в полтора раза⁷.

Неравномерностью отличалось и развитие транспортной инфраструктуры. Как видно из данных, содержащихся в таблице П-6/С (см. Приложение), в 1840 году 57% всех каналов и половина железных дорог находились на Северо-Востоке. На долю Юга приходилось 16% каналов и 44% железнодорожных дорог. Для Северо-Запада этот показатель составлял 27 и 6% соответственно.

Хотя общая протяженность каналов и железных дорог в 1840 году была практически равной, подавляющая часть грузоперевозок осуществлялась по каналам. Протяженность каналов на Северо-Востоке более чем в четыре раза превышала аналогичный показатель на Юге. Наиболее развитыми системами каналов обладали Пенсильвания (954 мили), Огайо (744 мили) и Нью-Йорк (640 миль). Виргиния занимала четвертое место (216 миль). Лидерами в железнодорожном строительстве являлись Пенсильвания (576 миль), Нью-Йорк (453 мили), Виргиния (341 миля), Мэриленд (273 мили), Массачусетс (270 миль)⁸.

Об уровне развития секций можно судить не только на основании количественных показателей. В середине 1820-х годов в Новой Англии была создана «саффолкская система» – добровольная система обязательного резервного депозита, который размещался в головном Саффолкском банке и зависел от размера оборотного капитала. В результате банки-участники были гораздо менее чувствительны к кризисам и изменениям рыночной конъюнктуры. В текстильной промышленности Новой Англии успешно внедрялась «клоуэльская система», характерными чертами которой являются значительные финансовые вложения, концентрация производства, использование дешевого низкоквалифицированного женского труда и создание специальных фабричных поселков с жесткой регламентацией всей жизни рабочих. В конце 30-х годов Новая Англия была центром текстильного производства, а изготовление хлопчатобумажных тканей являлось ведущей отраслью промышленности страны.

Общий вектор развития Северо-Востока в этот период не вызывает сомнений. 1820–1830-е годы стали для этого региона

временем создания предпосылок для резкого взлета экономики в последующий период. Не случайно американский историк Дуглас Норт характеризует два десятилетия между 1818 и 1839 годом как «наиболее важный период экономического развития США»⁹. Хотя темпы экономического роста в следующем двадцатилетии (1840–1860) были более высокими, именно 20-е и 30-е годы XIX века заложили основу для становления промышленного капитализма на Северо-Востоке страны.

Как это обычно и бывает, американское общество по-разному воспринимало набирающий темпы промышленный подъем Северо-Востока. Реакция колебалась от восторженной поддержки до открытого неприятия. Однако наиболее острые противоречия вызывал вопрос о роли и месте государства в социально-экономической жизни страны в свете происходящих изменений.

Первой оформилась позиция национальных республиканцев, во главе которых стояли вначале шестой президент США Джон Квинси Адамс (1825–1829), а затем Генри Клей, видный американский политик, конгрессмен и сенатор, трижды баллотировавшийся на пост президента страны, а в период администрации Дж.К. Адамса стоявший во главе Государственного департамента. Наиболее полное выражение концепция национальных республиканцев получила в разработанной в начале 1820-х годов программе Клея «Американская система»¹⁰.

Во-первых, Клей предлагал установить высокие ввозные пошлины на иностранные товары для того, чтобы обеспечить благоприятные условия для развития американской промышленности, защитив ее от иностранной конкуренции. Укрепление промышленного сектора должно было привести к созданию емкого внутреннего рынка для сельскохозяйственных товаров и послужить стимулом для развития внутренней торговли.

Во-вторых, «Американская система» предусматривала распределение средств, вырученных от продажи общественных земель, между штатами таким образом, чтобы они использовались для финансирования «внутренних улучшений», главным образом для строительства каналов и железных дорог. Развитие транспортной инфраструктуры, которое должно было осуществляться при прямом участии как властей штатов, так и федерального правительства, вело к объединению изолированных в хозяйственном отношении регионов в единое экономическое

пространство. В свою очередь, это означало бы формирование широкого внутреннего рынка для промышленности и сельского хозяйства.

В-третьих, Клей настаивал на необходимости существования Государственного банка. Его деятельность должна была способствовать установлению финансовой стабильности, обеспечивать твердое денежное обращение и надежную систему кредитования по всей стране.

Центральным моментом для успешной реализации «Американской системы» являлось активное участие государства в экономической жизни страны, где ключевая роль отводилась федеральному правительству. Развивая положения Клея, некоторые его соратники призывали ввести прямое налогообложение и установить контроль федерального правительства над банковской системой США.

Противоположных воззрений на развитие страны в социально-экономической сфере придерживались сторонники седьмого президента США Эндрю Джексона (1829–1837), в конце 20-х годов конституировавшиеся в общенациональную демократическую партию. Их требования включали снижение протекционистского тарифа, отказ от «внутренних улучшений» в штатах за счет федерального правительства и облегчение доступа к свободным землям на Западе. Демократы также развивали тезис о непригодности Государственного банка для обеспечения «стабильного и единообразного» денежного обращения¹¹.

Особенности борьбы по вопросам социально-экономического развития США во многом определялись экономическими противоречиями между секциями – Северо-Востоком, Северо-Западом и Югом.

Экономика Северо-Востока опиралась на промышленное производство, ориентированное на внутренний рынок. Эта секция обладала наиболее развитой банковской системой и транспортной инфраструктурой. Старая элита региона с опаской относилась к идеям протекционизма, поскольку торговля с Европой, на которой она специализировалась, только теряла от подобных мер. Однако в 20-е годы влияние на Северо-Востоке переходит к новым, финансово-промышленным кругам, заинтересованным в установлении высокого протекционистского тарифа для защиты своей продукции от иностранной конкуренции. Отношение к Государственному банку на Северо-Востоке отлича-

лось противоречивостью: с одной стороны, здесь находился финансовый центр страны и здесь имелись влиятельные и последовательные сторонники банковской централизации; с другой стороны, Северо-Восток обладал наиболее развитой финансовой системой, способной эффективно существовать и при отсутствии центрального фискального органа. Многие частные банки тяготились регулирующей деятельностью Государственного банка, рассматривая его в качестве конкурента.

Северо-Восток также выступал за сохранение высоких цен на землю, рассчитывая предотвратить отток рабочих рук на Запад. Северо-восточные штаты, с их высокой плотностью населения, более всего выигрывали от схемы распределения средств от продажи свободных земель, предусмотренной «Американской системой». Однако, обладая самыми значительными финансовыми ресурсами, этот регион менее других зависел от федерального финансирования в области «внутренних улучшений».

Основой экономики Северо-Запада являлось сельское хозяйство, развивавшееся по фермерскому пути. Производимые продукты питания поставлялись на Северо-Восток и на Юг. Фермеры Северо-Запада не стремились переплачивать за необходимые им промышленные товары, но с середины 20-х годов началось втягивание этого региона, не имевшего прямого выхода на мировой рынок, в экономическую орбиту Северо-Востока, что способствовало сближению их интересов. В тарифном вопросе представители северо-западных штатов не имели четко выраженной позиции.

Северо-Запад был заинтересован в развитии транспортной инфраструктуры: удешевление сухопутных перевозок открывало фермерам доступ на рынки Северо-Востока. Во второй половине 30-х годов Северо-Запад переживал бум транспортного строительства, уступая по масштабам осуществления «внутренних улучшений» лишь Северо-Востоку. С 1836 по 1841 год на Северо-Востоке на нужды каналов было потрачено 37,8 млн. долларов, на Северо-Западе — 19,8 млн., а на Юге — лишь 7 млн.¹²

Северо-Запад обладал гораздо более ограниченными финансовыми ресурсами по сравнению с Северо-Востоком и был сильнее других частей страны заинтересован в федеральной поддержке «внутренних улучшений». Но фермерское большинство секции настаивало на облегчении доступа к общественным

землям, высокая продажная цена которых, согласно «Американской системе», являлась источником финансирования «внутренних улучшений». Подобное противоречие привело к возникновению популярного требования: передать распоряжение свободными землями и доход от них тем штатам, на территории которых они находятся.

Недостаточность финансовых ресурсов и неразвитость банковской системы вели к тому, что штаты Северо-Запада постоянно испытывали необходимость в удешевлении кредита и увеличении денежной массы. Местные банки тяготились жесткой эмиссионной политикой Государственного банка и выступали против централизации финансово-кредитной системы страны.

Хотя сельское хозяйство на Юге носило многоукладный характер (существенную долю населения составляли не имеющие рабов белые фермеры), основой экономики этого региона являлось плантационное рабство. Юг специализировался на выращивании хлопка, высокотоварном производстве, ориентированном на экспорт в Европу, преимущественно в Великобританию. Кроме хлопка на внешний рынок Юг осуществлял поставки риса, сахара и табака. Южане были главными противниками протекционизма: активно вовлеченные в мировую торговлю, они предпочитали покупать более дешевые и более качественные английские товары.

Транспортная инфраструктура на Юге находилась в зачаточном состоянии, но южане в своем большинстве не поддерживали увеличение федеральных ассигнований на «внутренние улучшения», поскольку рост расходной части бюджета мог компенсироваться лишь за счет повышения тарифа. Внутренняя торговля для Юга имела подчиненное значение и покрывалась судоходством по Миссисипи и вдоль Атлантического побережья.

Юг был важным источником звонкой монеты для американской экономики в целом. Более половины американского экспорта приходилось на хлопок. Однако экстенсивная южная экономика оказалась неспособной эффективно использовать получаемый доход – наиболее прибыльной инвестицией на Юге оставалась покупка земли и рабов для увеличения посевных площадей хлопка. Отсутствие развитой промышленности и финансовой системы вело к тому, что вырученные от продажи «колоннальных» товаров средства либо возвращались в Великобританию, либо перемещались на Северо-Восток, где они использовались

лись для инвестиций в промышленность. Как свидетельствуют данные таблицы П-4/С (см. Приложение), на 1840 год по общим объемам промышленных инвестиций Юг отставал от Северо-Востока более чем в три с половиной раза, а по инвестициям на душу населения – в пять раз¹³.

В конце 30-х годов в ряде южных штатов началось развитие текстильного производства, которое работало на местном сырье – хлопке. Наибольшего успеха здесь добились Виргиния и Северная Каролина. Однако развитие южной промышленности нуждалось во внешней поддержке.

Финансовая задолженность и зависимость Юга от Северо-Востока вызывала у многих южан неприятие Государственного банка. Поскольку южные штаты имели постоянный источник звонкой монеты, в них популярностью пользовалась идея «твердых» денег, что выражалось в стремлении сократить, а в идеале полностью ликвидировать эмиссионные полномочия всех банков, оставив в обращении только золото и серебро.

В 20-е годы, казалось, что возобладало видение экономического развития, характерное для национальных республиканцев. Еще в 1816 году был воссоздан Государственный банк, получивший название Второго банка США (Первый банк США существовал с 1791 по 1811 год). Центральный офис банка находился в Филадельфии, а его отделения открывались по всей стране. Деятельность банка была направлена на развитие тесной экономической взаимосвязи между регионами страны, облегчение торгового обмена, установление единообразного средства денежного обращения в виде выпускаемых банком банковских билетов, являвшихся законным средством платежа на всей территории США.

Во второй половине 20-х годов промышленная буржуазия Северо-Востока добилась установления высоких протекционистских тарифов. Тариф 1824 года предусматривал ставки в размере 35% на импортируемые изделия из железа, на хлопковые, льняные и шерстяные ткани. Через четыре года пошлины были подняты до 50%. Тариф 1828 года получил неофициальное название «тарифа абсурдов». Сильное недовольство новый тариф вызвал на Юге, экономика которого была тесно завязана на европейских рынках.

Одновременно в 20-е годы активно развивалась транспортная инфраструктура. Популярным решением стало строительст-

во каналов, которые увеличивали торговую и экономическую связность между регионами, а также резко удешевляли перевозки. Дж. К. Адамс был страстным сторонником «внутренних улучшений», но большинство членов конгресса не разделяли его энтузиазма. В годы его пребывания у власти на соответствующие нужды из федеральной казны выделялось лишь 700 тыс. долларов ежегодно. Ведущая роль в финансировании транспортного строительства принадлежала штатам.

Исключительно успешным оказалось строительство канала Эри, связавшего Нью-Йорк с Великими озерами. Канал Эри, работы над которым продолжались с 1817 по 1825 год, а протяженность составила 363 мили, стал важнейшей транспортной артерией, соединившей Северо-Восток и Северо-Запад США и, таким образом, способствовавшей складыванию единого рынка в северных штатах.

В результате деятельности канала Эри стоимость перевозок между долиной Гудзона и Великими озерами сократилась в двенадцать раз, а продолжительность пути – более чем в три раза. Доходы от эксплуатации канала уже на второй год составили 750 тыс. долларов. Торговый и финансовый успех этого канала вызвал к жизни настоящую «лихорадку каналов». Из наиболее важных проектов следует отметить каналы, связавшие Великие озера с бассейном Миссисипи, и систему каналов, протянувшуюся от Чесапикского залива до озера Эри.

Триумф идей Клея продолжался недолго. Его программа ориентировалась на долгосрочное развитие, в ближайшей же перспективе предлагаемые в «Американской системе» меры были не столь привлекательны для простых американцев. Сокращение притока высококачественных и дешевых товаров английского производства, ограничение доступа к свободным землям, рост государственных расходов – все это не вызывало энтузиазма у рядовых граждан страны.

Социально-экономическая программа национальных республиканцев оказалась слишком узкой, чтобы рассчитывать на долгосрочный успех у избирателей. В 30-е годы инициатива переходит к сторонникам Эндрю Джексона, начавшим демонтаж «Американской системы».

В 1836 году истекал двадцатилетний срок хартии Государственного банка. За четыре года до этого с подачи Клея конгресс принял закон, продлевавший полномочия банка, но пре-

зидент Джексон наложил на него вето. Президент заявил, что существование привилегированной банковской корпорации ущемляет интересы большинства американцев. Победа Джексона на выборах 1832 года, оставившая под его контролем Белый дом еще на один четырехлетний срок, предрешила судьбу Второго банка США.

Однако Джексон не стал дожидаться окончания хартии и предпринял новую атаку на Государственный банк. В 1833 году он пошел на беспрецедентное изъятие из него правительственных депозитов. С легкой руки президента финансовые активы федерального правительства были рассредоточены по местным банкам, получившим название банков-«любимчиков». Первоначально было выбрано семь банков, в последующие три года их число возросло до тридцати пяти, а после того как в 1836 году конгресс ограничил сумму депозитов, размещаемых в каждом банке, таких банков стало девяносто шесть.

Оплотом Второго банка США была Филадельфия, старый финансовый центр страны. Наличие в Филадельфии центрального офиса Государственного банка являлось важнейшим фактором, притягивавшим сюда финансовые потоки со всей страны. Его закрытие ослабляло Филадельфию в ее противостоянии с новым финансовым центром – Нью-Йорком. В 1834 году почти все банки Филадельфии направили правительству петицию о возвращении депозитов в Государственный банк.

Финансовые круги Северо-Востока поначалу с осторожностью отнеслись к инициативе президента. Многие банкиры опасались, что размещение депозитов в частных банках приведет к обесцениванию денег и финансовому хаосу. В 1833 году из двадцати пяти бостонских банков лишь четыре выразили согласие принять изъятые депозиты.

В войне против Второго банка США Джексон опирался на банковско-финансовые круги Нью-Йорка. Банкиры Нью-Йорка в противовес Филадельфии претендовали на ведущую роль в финансово-экономической жизни США (так называемая борьба Уолл-стрит против Чеснут-стрит). Шесть из первых семи банков-«любимчиков» находились на Северо-Востоке (из них три в Нью-Йорке, два в Бостоне и один в Филадельфии), и лишь один – на Юге. Без поддержки крупнейших нью-йоркских банков (Bank of America, Bank of Manhattan Company и Mechanics Bank, каждый из которых обладал колоссальным по тем време-

нам капиталом в 2 млн. долларов) изъятие депозитов было обречено на провал¹⁴.

Острая политическая борьба развернулась в начале 30-х годов и по тарифному вопросу. В 1832 году конгресс пересмотрел существующие ставки в сторону их снижения, но противники протекционизма на Юге продолжали выражать недовольство чрезмерными, с их точки зрения, пошлинами. Под давлением южных сепаратистов, угрожавших выходом из Союза (нуллификационный кризис в Южной Каролине), в 1833 году был принят новый тариф, предусматривавший значительное снижение тарифных ставок. За десять лет (1833–1842) пошлины снижались до 20% от стоимости товаров¹⁵.

Автором компромиссного тарифа выступил Генри Клей, который претендовал на роль общенационального лидера. Его «Американская система» не была ориентирована на какую-то одну секцию. Социально-экономические принципы национальных республиканцев не находили понимания у избирателей южных штатов, и, заняв дружественную позицию по отношению к Югу, Клей рассчитывал заработать политические очки на Юге. Особенно выгодно Клей смотрелся на фоне Джексона, пригрозившего применить силу против «бунтовщиков» Южной Каролины. Идеи, воплощенные в компромиссном тарифе, были далеки от идеалов Клея, однако, выступив в качестве автора тарифа, он смог свести к минимуму все его нежелательные последствия. Закон 1833 года означал постепенное снижение импортных ставок, при этом наиболее существенное сокращение пошлин должно было произойти лишь в начале 1840-х годов. По всей видимости, Клей предложил столь длительный срок в расчете на то, что его сторонникам удастся пересмотреть тариф до того, как пошлины будут радикально понижены. По расчетам Клея, президентские выборы в 1836 или, в крайнем случае, 1840 году, должны были принести победу его партии и открыть путь отмене компромиссного тарифа.

Сторонники Джексона не скрывали своего резко негативного отношения и к «внутренним улучшениям». В 1830 году президент наложил вето на финансирование строительства Мейсвилльской дороги в штате Кентукки за счет федеральных средств, мотивировав свое решение тем, что «власть, которую федеральное правительство будет использовать на благо нескольких штатов как главный держатель акций в корпорациях, контролирующей

щих каждые 60 или 10 миль любой сколько-нибудь важной дороги... опасна для свобод, которыми пользуется наш народ»¹⁶. Джексон также заблокировал и другие проекты подобного рода, выступая против выделения федеральных ассигнований на нужды строительства гаваней, маяков и каналов.

Демократы стремились урезать ассигнования на «внутренние улучшения», что, правда, у них получалось не очень хорошо. За время пребывания Джексона у власти ежегодные расходы федерального правительства на эти нужды составляли 1,3 млн. долларов, что почти в два раза превышало средства, выделяемые администрацией Дж. К. Адамса. Однако подобных сумм в масштабе страны было явно недостаточно.

На протяжении 30-х годов расходы на развитие транспортной и социальной инфраструктуры постоянно росли, и основная финансовая тяжесть лежала на властях штатов, вынужденных использовать заемные средства. В одном 1840 году лишь в строительство каналов было вложено 12 млн. долларов.

В 1833 году Клею удалось провести через конгресс закон, который предусматривал финансирование «внутренних улучшений» за счет распределения между штатами средств, вырученных от продажи общественных земель на Западе, но Джексон заблокировал его, использовав «карманное вето». Но еще в 1830 году был принят закон, разрешавший скваттерам, самовольно поселившимся на свободных землях до 1 декабря 1829 года, в течение года выкупить по минимальной цене участок, размер которого не превышал бы 160 акров¹⁷. Аналогичные законы принимались в 1831, 1832, 1833 и 1834 годах.

Существенные коррективы в ход и характер политической борьбы по социально-экономическим вопросам внес экономический кризис 1837 года. Он был частью первого за историю человечества мирового циклического кризиса перепроизводства. В марте 1837 года начались массовые разорения крупных компаний. В этих условиях американцы ринулись изымать из банков свои вклады, а также обменивать банковские билеты на золото и серебро. Лишившись за пять дней более чем 650 тыс. золотых и серебряных долларов, банки Нью-Йорка первыми объявили о временном прекращении выплат в звонкой монете. Вскоре их примеру последовали остальные финансовые учреждения страны.

К осени 1837 года треть всех работающих по найму оказались выброшенными на улицу. Те же, кому посчастливилось из-

бежать безработицы, были вынуждены трудиться за гораздо меньшее вознаграждение, чем раньше. За два года средняя зарплата сократилась на 30–50%. Начались массовые разорения средних и мелких предпринимателей. Одновременно резко выросли цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Социальное недовольство грозило вылиться в массовые беспорядки – голодные бунты прокатились по крупнейшим городам страны.

После частичной стабилизации кризис повторился в 1839 году. Общие потери, вызванные кризисом, к 1840 году составили 6 млрд. долларов, включая и обесценивание имущества. Фаза депрессии продолжалась вплоть до 1843 года.

Наиболее традиционным объяснением кризиса 1837 года является борьба Эндрю Джексона против Государственного банка. Согласно этой точке зрения, ликвидация центрального органа, осуществлявшего контроль над финансово-кредитной жизнью страны, привела к неконтролируемой эмиссии бумажных денег, не имевших достаточного обеспечения. Позднее американские ученые предложили альтернативное объяснение, в соответствии с которым причины кризиса связывались с инфляцией, вызванной резким увеличением притока в Соединенные Штаты серебряной монеты и финансовых капиталов из Великобритании, – фактором, не зависящим от политики американцев¹⁸.

Рассматривая события в Соединенных Штатах как часть мирового циклического кризиса, начавшегося в Великобритании в 1836 году, следует иметь в виду, что проводимая администрацией Джексона финансовая политика сделала американскую экономику более уязвимой для обрушившегося удара. Ликвидация Второго банка США подорвала доверие американцев к банковской системе; в условиях изменившейся мировой конъюнктуры США стали жертвой нестабильности кредитно-финансового рынка, а наличие Государственного банка могло если не предотвратить, то, по крайней мере, смягчить удар.

С началом банковского кризиса под угрозой банкротства оказались многие банки, в которых правительство разместило свои средства. Демократы предложили организовать управление государственными финансами независимо от банковских структур. В июле 1840 года был принят закон о создании Независимого федерального казначейства – правительственной финансо-

вой структуры, на которую возлагались функции сбора и хранения федеральных средств.

Тяжелое экономическое положение в стране давало важные козыри оппозиции, которая возлагала всю ответственность за кризис на неграмотную экономическую политику демократов. В условиях, когда администрация демократов была неспособна предложить адекватные меры по улучшению ситуации (обсуждение Независимого федерального казначейства затянулось на три года, а его деятельность не дала желаемых результатов), смена правящей партии становилась практически неизбежной. А это, в свою очередь, означало создание благоприятной обстановки для того, чтобы попытаться осуществить новое издание «Американской системы».

§ 2. Внешнеполитические проблемы и подходы к их решению

Континентальная экспансия являлась одним из приоритетных направлений развития американского общества в первой половине XIX столетия. В начале века Соединенные Штаты, руководствуясь конфронтационной моделью внешней политики, присоединили территории Луизианы (1803) и Флориды (1810–1819), а также безуспешно пытались овладеть Канадой в ходе войны с Великобританией (1812–1814/1815). Тогда же американцы впервые выдвинули претензии на Техас – при заключении договора о покупке Луизианы у Франции точные границы приобретаемой территории определены не были, что дало основание Томасу Джефферсону заявить, что Техас является частью Луизианы.

Для 1820–1830-х годов были характерны иные подходы к решению внешнеполитических проблем. Подписание Соединенными Штатами договоров с Великобританией (1818) и с Испанией (1819) ознаменовало окончание периода внешнеполитической конфронтации.

Согласно Трансконтинентальному договору с Испанией, последняя признавала захват Флориды, а Соединенные Штаты отказывались от более чем сомнительных претензий на Техас. Одновременно были зафиксированы границы между США и принадлежащей Испании Мексикой вплоть до Тихого океана: граница устанавливалась по течению рек Сабин и Красная (Ред-

Ривер), а затем вдоль линии 42° северной широты. Таким образом, в составе Мексики оставалась Калифорния, но Испания уступала Соединенным Штатам права на тихоокеанское побережье к северу от 42-й параллели, что усиливало американскую позицию в переговорах с Великобританией по орегонскому вопросу¹⁹.

Выход к Тихому океану США гарантировали себе годом ранее. Соединенные Штаты и Великобритания не смогли договориться о разделе Орегона – обширной территории, которая простиралась с севера на юг между 54°40' и 42° северной широты, на западе омывалась Тихим океаном, а на востоке упиралась в Скалистые горы. В соответствии с соглашением 1818 года Орегон объявлялся совместным англо-американским владением сроком на десять лет. Заключенный договор также предусматривал частичное урегулирование пограничных споров: граница между США и британскими владениями в Северной Америке устанавливалась по 49° северной широты от озера Лесное на востоке до Скалистых гор на западе²⁰.

Важнейшим внешнеполитическим шагом Вашингтона стало провозглашение в 1823 году доктрины Монро. Контекстом для этого события являлась борьба латиноамериканских колоний Испании за независимость, продолжавшаяся с 1811 по 1826 год. К 1823 году под контролем испанцев оставалась незначительная часть их бывших владений. В это же время европейские державы начали консультации о возможной интервенции в Латинскую Америку для восстановления «законной» власти испанской короны.

Подобная ситуация не устраивала Соединенные Штаты, которые решили изложить собственное видение проблемы. Созданный внешнеполитический документ получил название по имени пятого президента США Джеймса Монро, но его действительным автором являлся Дж.К. Адамс, занимавший в то время пост государственного секретаря. Главной идеей, утверждавшейся в доктрине Монро, стал принцип неколонизации Западного полушария. Американцы отрицали право европейских держав на насильственное восстановление своей власти в колониях, с оружием в руках завоевавших свою независимость, но соглашались не препятствовать развитию колониальных владений, сохранившихся на американском континенте и в Карибском бассейне. Президент США также подтвердил курс на не-

вмешательство в европейские дела и отказ от постоянных военно-политических союзов с государствами Европы²¹.

Доктрина Монро была ориентирована на долгосрочную перспективу. Фактически США объявляли все Западное полушарие зоной своих исключительных интересов. В 1820-е годы американцы не были готовы с оружием в руках отстаивать эти принципы. Тот факт, что интервенция не состоялась, объясняется нежеланием великих европейских держав воевать за интересы Испании и не был связан с американской позицией.

В 1820–1830-е годы Соединенные Штаты не присоединили новых территорий, но американское правительство не отказалось от курса на континентальную экспансию. Цели внешней политики США остались прежними – изменились методы. В отношениях с соседними государствами – Мексикой, в 1821 году добившейся независимости от Испании, и Британской империей – официальный Вашингтон руководствовался договорной моделью внешней политики.

Между 1825 и 1835 годом американское правительство четырежды (в 1825, 1827, 1829 и 1835 годах) обращалось к Мексике, рассчитывая купить Техас, но каждый раз встречало холодный отказ. В 1835 году администрация Джексона вынесла на повестку дня вопрос о покупке еще и Калифорнии к северу от бухты Сан-Франциско. Мексиканское правительство не согласилось даже рассматривать вопрос о продаже своих владений.

Безрезультатно окончились и попытки компромиссного размежевания в Орегоне – в ходе переговоров в 1824 и 1827 годах США предлагали продолжить линию 49° северной широты до Тихого океана, в то время как британская сторона желала установить границу по реке Колумбия. В итоге в 1827 году соглашение о совместном владении Орегоном было продлено на неопределенный срок.

Американское правительство не стремилось конфронтационными методами осуществлять внешнюю экспансию прежде всего потому, что гораздо более актуальной в этот период представлялась экспансия внутренняя. Неосвоенными оставались обширные территории на Западе, а также Флорида. На повестке дня стояла задача заселения и введения в хозяйственный оборот этих земель.

Страна успешно справлялась с поставленными задачами. Между 1820 и 1840 годом население пяти новых юго-западных

штатов (Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Арканзаса, Миссури) и Флориды выросло с 440 тыс. до 1,85 млн. человек, а население пяти штатов и территорий Северо-Запада (Огайо, Индианы, Иллинойса, Мичигана, Висконсина) увеличилось с 800 тыс. до 3 млн. Резко возросла продажа общественных земель. Если в 20-е годы было продано 10 млн. акров, то в следующем десятилетии эта цифра составила 62,5 млн. акров²².

Значительный потенциал для внутренней экспансии представляли земли, населенные индейскими племенами. Под контролем индейцев оставались значительные территории на Юге — в Северной Каролине, Джорджии, Теннесси, Миссисипи, Алабаме, Флориде, и на Северо-Западе — в Иллинойсе, Висконсине и Айове.

По договорам, заключенным с американским правительством, индейские резервации находились вне юрисдикции властей штатов, на территории которых они располагались. Индейцы жили по собственным законам, многие племена успешно приобщались к цивилизации. Наиболее впечатляющих результатов добились чероки, чьи земли находились на границе четырех штатов — Северной Каролины, Джорджии, Теннесси и Алабамы. Чероки создали собственный алфавит и конституцию, они занимались оседлым земледелием, вели плантационное хозяйство и использовали труд чернокожих рабов.

Индейский вопрос особенно остро стоял в южных штатах, где плантаторы откровенно стремились прибрать к рукам плодородные земли, «пропадающие» в руках «дикарей». После того как в 1829 году на территориях, занимаемых чероками, было обнаружено золото, судьба индейцев была предрешена. С подачи южан Джексон издал указы о переселении племен за Миссисипи, в пустынные и негостеприимные земли Оклахомы. Переселение было юридически оформлено в серии договоров, подписанных с 1830 по 1835 год, согласно которым индейцы «добровольно» уступали свои владения американскому правительству.

К концу 30-х годов принадлежавшие индейцам земли перешли в полное распоряжение американцев. Тысячи индейцев были безжалостно истреблены в ходе вынужденного переселения за Миссисипи и сопровождавших его вооруженных столкновений с армией США.

Акцент на внутреннюю экспансию не означал отказа от экспансии внешней, однако в 1820–1830-е годы она принимала не-

государственные формы. Американские поселенцы активно осваивали земли вне официальных границ Соединенных Штатов. В данном контексте уместно говорить об экспансии, а не об эмиграции по следующим причинам. Во-первых, колонисты, селившиеся в первую очередь на принадлежавшей Мексике территории, оставались американскими гражданами, сохраняли тесные связи с родной страной и устанавливали на занимаемых землях американские порядки и законы. Во-вторых, США оказывали всяческую поддержку американским поселенцам, даже тем из них, кто официально находился под юрисдикцией иностранного государства. В-третьих, осваиваемые территории находились в непосредственной близости от американских границ, и колонисты изначально брали курс на их включение в состав США.

Основным объектом внимания американцев в этот период стал Техас. Начало колонизации Техаса гражданами США относится к 1821 году. Мозес Остин и его сын Стивен добились разрешения вначале от испанских, а затем и от мексиканских властей на въезд первых 300 семей американских поселенцев, которые получили 200 тыс. акров земли. Принятые Мексикой законы о колонизации предусматривали льготную продажу земли, которая распространялась и на иностранцев. Предполагалось привлечь поселенцев не только из Соединенных Штатов, но и из европейских государств. Европейцы, вопреки ожиданиям, предпочитали ехать в более цивилизованные Соединенные Штаты, в то время как в Техас начался массовый наплыв иммигрантов из южных штатов США. Все попытки мексиканских властей запретить или ограничить иммиграцию окончились безрезультатно. Американцам было достаточно лишь пересечь реку Сабин, и они уже оказывались в Техасе, в то время как Мексика практически не контролировала отдаленную провинцию и не имела там адекватного репрессивного аппарата.

Уже в 1830 году в Техасе насчитывалось 20 тыс. американцев, а к середине 30-х годов общее число североамериканских колонистов (большая часть которых сохраняли гражданство США) в Техасе достигло 30 тыс. Кроме того, в Техасе проживали 3,5 тыс. мексиканцев и 14 тыс. индейцев. Многочисленные сложности сосуществования представителей разных культур усугублялись религиозным вопросом и проблемой рабства. Американцы открыто игнорировали требование местных вла-

стей принять католицизм. В 1829 году в Мексике было отменено рабство, что оказалось неприемлемым для поселившихся в Техасе южан. В результате центральное правительство вынуждено было пойти на компромисс, согласившись рассматривать рабов в качестве контрактных рабочих, договор с которыми заключался на 99 лет.

К середине 30-х годов противостояние достигло высшей точки. В 1835 году генерал Антонио Санта-Анна совершил государственный переворот, захватил власть в Мексике и отменил либеральную федеративную конституцию, установив взамен личную диктатуру. Смену режима в столице американские поселенцы в Техасе использовали как повод для восстания. В марте 1836 года Техас был провозглашен независимой республикой, границы которой в одностороннем порядке расширились на юг и западе до Рио-Гранде (границей Техаса традиционно считалась река Нуэсес).

Санта-Анна лично отправился на подавление мятежа. Одержав крупную победу при Лас-Аламо, он был разбит в битве при Сан-Хасинто (21 апреля 1836 года) и попал в плен. В плену он подписал договор, признававший независимость Техаса и границу новой республики по Рио-Гранде. Когда информация об этих событиях достигла Мехико, Санта-Анна был низложен, а заключенный им договор – дезавуирован. Новые мексиканские власти продолжали настаивать, что Техас является частью Мексики.

В начале 1837 года Соединенные Штаты первыми из иностранных государств признали Техасскую республику. Однако когда спустя несколько месяцев речь зашла о вхождении Техаса в состав США, американское правительство заявило о несвоевременности подобного шага.

Ведущие американские политики – Джон Квинси Адамс, Генри Клей, Мартин Ван-Бюрен – оказались в рядах противников аннексии, хотя совсем недавно именно от них исходила инициатива приобретения Техаса. Подобное изменение их взглядов не является случайным и было вызвано целым комплексом причин.

До середины 1830-х годов речь шла исключительно о покупке Техаса, то есть осуществление экспансии представлялось возможным в рамках договорной модели внешней политики. Теперь же аннексия была чревата дипломатическими осложне-

ниями, а возможно, и войной с Мексикой, то есть означала использование конфронтационной модели.

Изменилась ситуация и в самом Техасе. В 1820-е годы Техас был еще слабо заселен, и вопрос о рабстве применительно к этой территории носил гипотетический характер. Агрессивное освоение Техаса южанами стало заявкой на то, что в состав Союза войдет динамично развивающаяся рабовладельческая республика, из которой могло быть создано до четырех-пяти штатов. Подобная ситуация была неприемлемой для многих северян.

Во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов переговоры между США и Мексикой по территориальным вопросам велись на дипломатическом уровне, в то время как общественность оставалась в стороне от этих вопросов. Революция в Техасе сделала проблему аннексии предметом всеобщего обсуждения. На Юге события в Техасе были восприняты с воодушевлением, и многие американские добровольцы отправились защищать независимость «братской» республики. Население Севера резко негативно восприняло идею увеличения открытых для рабства территорий в составе США. Законодательные собрания восьми северных штатов приняли резолюции против присоединения Техаса, а общее число подписей под соответствующими петициями достигло шестисот тысяч. Существовала опасность, что техасский вопрос спровоцирует глубокий раскол американского общества по линии Север – Юг.

В этих условиях американское правительство не было готово перейти к конфронтационной внешней политике, поскольку территориальная экспансия не входила в число государственных приоритетов США.

На протяжении последующих лет Техас успешно развивался как независимое государство, получив международное признание со стороны таких великих европейских держав, как Великобритания и Франция. Исключительно напряженными оставались отношения между Техасом и Мексикой. Вооруженные столкновения продолжались практически непрерывно. Мексиканцы не предпринимали серьезных попыток подчинить мятежную провинцию, однако локальные операции и приграничные рейды постоянно напоминали об их претензиях. Техасцы безуспешно добивались официального признания независимости со стороны Мексики и столь же тщетно пытались распространить свою власть вплоть до Рио-Гранде.

В Соединенных Штатах техасская проблема не занимала значительного места на политической повестке дня. Тем временем поток американцев, устремившихся в Техас, неуклонно нарастал. К концу 1830-х годов население молодой республики достигло 70 тыс. человек.

Если интерес к Техасу во второй четверти XIX века носил массовый характер, то в Калифорнии и Орегоне до начала 40-х годов практически не было колонистов. Тихоокеанское побережье привлекало внимание американского общества с точки зрения расширения торговли. Удобные калифорнийские гавани Сан-Франциско и Сан-Диего, а также пролив Сан-Хуан де Фука (между южной оконечностью о. Ванкувер и материковой частью Орегона) интересовали новоанглийских купцов в связи с возможностью развития торговли с Китаем.

Местом столкновения американских и британских интересов оставалась Канада. Со времени окончания войны 1812 года США не выдвигали претензий на экспансию в северном направлении, чего нельзя сказать о жителях приграничных штатов. Когда в 1837 году в Канаде началось восстание, направленное на свержение владычества британской короны, это спровоцировало всплеск энтузиазма к югу от границы. Американцы поставляли восставшим оружие, припасы, а также отправлялись добровольцами сражаться за свободу канадцев. Правительство Соединенных Штатов беспомощно наблюдало за происходящим.

Кризис достиг апогея зимой 1837–1838 годов. Британские власти уничтожили американский пароход «Каролина», осуществлявший поставки восставшим. Инцидент произошел на реке Ниагаре в американском порту, что вызвало бурю негодования в США, и население соседних с Канадой штатов стало готовиться к войне. От Вермонта на востоке до Мичигана на западе было собрано около 20 тыс. добровольцев, готовых начать войну за освобождение Канады от власти британской короны. Отдельные отряды американцев даже вступили на канадскую территорию, но были разбиты.

В том же 1838 году вооруженные столкновения произошли на границе Мэна и британской колонии Нью-Брансуик. Со времени окончания войны за независимость США в этом районе так и не была установлена точная граница. Как американцы, так и канадцы претендовали на славящуюся своей древесиной Ару-

стукскую долину, и конфликт, начавшийся как противостояние лесорубов, грозил перерасти в полномасштабную войну.

Ни английское, ни американское правительства не были заинтересованы в эскалации напряженности. Вашингтон приложил все усилия, чтобы успокоить население, проживающее вдоль северной границы страны. Для «охраны» и успокоения местных жителей на границу был направлен генерал Уинфилд Скотт. Одновременно правительство США выразило готовность урегулировать спорные вопросы в ходе переговоров.

В целом позиция США на международной арене на рубеже 1830–1840-х годов выражалась определенным дуализмом. С одной стороны, четко прослеживаются территориальные претензии Соединенных Штатов к соседним государствам – Мексике и Британской империи. Кроме того, можно говорить о продолжении и активизации экспансии на негосударственном уровне, что являлось важнейшей заявкой на присоединение лежащих вблизи американских границ территорий в самом ближайшем будущем. Хотя американское правительство официально не имело никакого отношения к колонизаторским инициативам своих граждан, освоение примыкающих к США территорий соседних государств происходило при очевидном попустительстве властей. С другой стороны, в 1830-е годы в Вашингтоне вопросы внутренней политики преобладали над внешнеполитическими, и правительство, хотя и проявляло определенную заинтересованность в территориальной экспансии, не было готово использовать для этих целей конфронтационную модель внешней политики.

§ 3. Межпартийная борьба на выборах 1840 года

Конец 20-х – 30-е годы XIX века были временем становления второй двухпартийной системы США, системы демократы – виги. Двухпартийная система представляет собой особый способ взаимодействия двух ведущих политических партий, ключевыми элементами которого являются консенсус и альтернативность. Консенсус проявляется в общности подходов к выбору политической повестки дня и в отказе рассматривать наиболее острые и взрывоопасные вопросы. Альтернативность заключается в том, что партии предлагают различные способы решения обсуждаемых проблем. На определенных этапах развития отношений между партиями на первый план может вы-

ходить то консенсус, то альтернативность, но оба этих элемента продолжают оказывать влияние на политическую жизнь страны. Исчезновение одного из них означает распад системности в отношениях между партиями и приводит к партийной перегруппировке²³.

После того как в начале 1820-х годов распалась первая в истории США двухпартийная система федералисты – джефферсоновские республиканцы, в стране появились новые партии: национальные республиканцы и демократы. Существовали и более мелкие политические группировки. Наиболее значительной из «третьих» сил были антимасоны, известные своими эгалитаристскими лозунгами.

К концу 20-х годов ячейки демократической партии существовали по всей стране, а с 1828 года, когда президентом был избран Эндрю Джексон, демократы безраздельно находились у власти. Опорой национальных республиканцев были, главным образом, северо-восточные штаты, и достаточно скоро стало очевидно, что они не способны на равных соперничать с демократами. Большинство американцев, озабоченные насущными нуждами, не были готовы принять социально-экономическую программу национальных республиканцев – «Американскую систему», и ее сторонникам не приходилось рассчитывать на успех у избирателей. Необходимость преодолеть узость электоральной базы национальных республиканцев привела к возникновению коалиции антиджексоновских сил, в середине 30-х годов конституировавшейся в партию вигов.

Создание вигской партии стало возможным в результате сплочения четырех сил: 1) национальных республиканцев; 2) бывших федералистов; 3) антимасонской партии; и 4) бывших демократов, порвавших с партией Джексона в результате несогласия с его политикой в отношении банка, тарифов или «прав штатов». Каждая из этих групп преследовала цели, которые зачастую оказывались абсолютно несовместимыми с позициями, занимаемыми их союзниками. Так, некоторое время с Клеем сотрудничал Джон Кэлхун, глава и идейный вдохновитель южно-каролинских нуллификаторов, ревностный противник усиления полномочий федерального центра.

Эту ситуацию метко охарактеризовал американский историк Роберт Морган: «Создание партии вигов стало результатом союза национальных республиканцев Севера, являющихся сторон-

никами высокого тарифа и Государственного банка, с джефферсоновскими республиканцами Юга, выступающими за снижение тарифа и ликвидацию Государственного банка, при участии нуллификаторов, антимасонов, сторонников «прав штатов» из Виргинии и консерваторов в целом»²⁴.

Не следует полностью идентифицировать вигов с национальными республиканцами, хотя последние и представляли собой наиболее значительный компонент новой партии. Процесс выработки взаимоприемлемой социально-экономической и политической программы вигов был долгим и мучительным.

Размежевание между вигами и демократами определялось многими факторами, среди которых можно выделить экономический статус, этническую и религиозную принадлежность поддерживающих партию групп населения. Большинство представителей среднего и высшего класса являлись сторонниками партии вигов, в то время как идеи демократов чаще привлекали менее обеспеченных граждан. Однако сказанное не означает, что демократическую партию не поддерживали представители высших кругов общества.

Партия вигов пользовалась поддержкой широких слоев населения в городах и торговых центрах, но наиболее привлекательной их идеология оказалась для экономической и социальной элиты. Так, в Нью-Йорке и Бостоне среди граждан, обладавших состоянием свыше 100 тыс. долларов, доля вигов составляла 85 и 89% соответственно, а в не столь богатом Питтсбурге 75% жителей, имевших свыше 25 тыс. долларов, ассоциировали себя с вигами²⁵.

В южных штатах позиции вигов были наиболее сильны в тех районах, где преобладало плантационное, а не фермерское хозяйство, где рабы и рабовладельцы составляли значительный процент населения. Оплотом вигов на Юге традиционно являлись города, в которых активно развивались промышленность и торговля.

Коррективы в партийное размежевание вносили национальный и религиозный факторы. Демократов поддерживали большинство католиков. Пресвитериане, конгрегационалисты и баптисты являлись сторонниками вигов. В лоно демократической партии устремлялись иммигранты из Германии и Ирландии. Иммигранты-протестанты из Великобритании вливались в ряды вигов.

Демократы, консолидировавшиеся в общенациональную партию гораздо раньше, чем их оппоненты, в относительно короткие сроки смогли преодолеть основные противоречия между своими сторонниками в различных частях страны. Это стало возможно, потому что почти все, кто не был согласен с точкой зрения Эндрю Джексона по тем или иным вопросам, покидал партию и присоединялся к оппозиции. Несмотря на это, в рядах партии продолжали присутствовать различные подходы к социально-экономическим вопросам.

Северные демократы тяготели к более высокому тарифу, чем южные, – диаметрально противоположные позиции в этом вопросе занимали представители Южной Каролины, отстаивавшие бесполовую торговлю, и Пенсильвании, которые по своим воззрениям в этом вопросе приближались к северным вигам.

Демократы были едины в неприятии Государственного банка, однако в их рядах существовали расхождения, на какой основе строить финансовую систему. Южные демократы отстаивали концепцию «твердых» денег, стремясь сократить, а в идеале полностью ликвидировать эмиссионные полномочия всех банков, оставив в обращении только золото и серебро. На Севере, в первую очередь в северо-западных штатах, демократы высказывались за инфляционную эмиссию банкнот без финансового контроля со стороны центра.

Западные демократы выступали за передачу общественных земель штатам, на территории которых они находились, для продажи местным жителям. Восточные демократы предпочитали государственную распродажу земель.

Наибольшие различия в позициях вигов наблюдались при разграничении по линии Север – Юг. У северных вигов популярностью пользовались идеи национальных республиканцев, касавшиеся активной роли федерального правительства в экономической жизни страны. Однако и на Севере не существовало единства в отношении «Американской системы». Так, руководители партии в штате Нью-Йорк не разделяли оптимизм Клея в отношении Государственного банка.

Южное крыло вигов также не было монолитным. Одна группа состояла из сторонников «прав штатов», для которых протекционистский тариф, воссоздание Государственного банка и финансирование «внутренних улучшений» за счет поступлений от продажи свободных земель были неприемлемы. Другая часть

южных вигов разделяла взгляды северного крыла партии, выступая в поддержку банка, тарифа и «внутренних улучшений».

Исследователи, занимающиеся этой проблемой, не пришли к единому мнению относительно того, позиции какой части вигов господствовали на Юге в конце 1830-х годов. Ответ на этот вопрос может дать скрупулезное изучение материалов на уровне штатов. Артур Коул был убежден, что на начальном периоде становления партии вигов на Юге ведущая роль принадлежала «противникам банка, тарифа и “внутренних улучшений”». Чарльз Селлерс, наоборот, полагал, что южные виги по своим взглядам не отличались от своих северных собратьев. Более взвешенной точки зрения придерживался Глендон Ван-Дойзен, считавший, что в «пограничных штатах» среди вигов преобладали сторонники принципов «Американской системы», в то время как в штатах «глубокого Юга» ведущую роль в партии играли сторонники «прав штатов»²⁶.

Противоречия, существовавшие в партии вигов, не позволили им на выборах 1836 года согласовать единого кандидата на пост президента страны. Вигам удалось согласовать трех региональных кандидатов, каждый из которых мог рассчитывать на успех в строго определенной части страны. В Новой Англии был выдвинут Дэниел Уэбстер, основной соперник Клея в борьбе за лидерство в партии. В остальных северных штатах, а также в большинстве «пограничных штатов», более перспективной представлялась фигура отставного генерала Уильяма Гаррисона, чьи политические убеждения были неизвестны. Кандидатом южных вигов стал бывший соратник Эндрю Джексона судья Хью Уайт.

Если в Новой Англии виги поддерживали «Американскую систему», то на Юге Уайт выступал против протекционистского тарифа и Государственного банка. В основу предвыборной кампании Гаррисона легла рекомендация, данная главой Второго банка США Николасом Биддлом: «Ему не следует говорить ни единого слова о своих принципах и о своей точке зрения. Пусть он не говорит ничего и ничего не обещает. Ни один комитет, ни одно собрание, ни одна встреча с избирателями не должна заставить его говорить о том, что он думает сейчас или что он будет делать впоследствии»²⁷.

Расчет вигов в 1836 году строился на том, что ни одному из кандидатов не удастся набрать абсолютное большинство голо-

сов в коллегии выборщиков и выбор президента, как и в 1824 году, перейдет к палате представителей. Этого не произошло. Кандидат демократов Мартин Ван-Бюрен получил голоса 170 из 294 выборщиков, хотя за него проголосовали чуть более половины избирателей²⁸.

Однако на выборах 1836 года виги впервые доказали свою способность противостоять демократам в общенациональном масштабе. Кандидаты вигов в совокупности собрали 740 тыс. голосов, а Гаррисон одержал победу в семи штатах – Огайо, Индиане, Нью-Джерси, Вермонте, Кентукки, Мэриленде и Делавэре, за него проголосовали 73 выборщика (для сравнения: в 1832 году за Клея, единственного кандидата от национальных республиканцев, отдали голоса 49 выборщиков). Обе палаты конгресса оставались под контролем демократов, но в палате представителей виги вплотную приблизились к своим политическим оппонентам, получив 115 мест против 117 у демократов²⁹. Однако стало очевидным и другое: виги могут рассчитывать на успех у избирателей лишь в том случае, если они сумеют договориться о выдвижении единого кандидата на пост президента.

В преддверии выборов 1840 года виги собрались на первый общенациональный конвент, который состоялся в Гаррисберге (Пенсильвания) в декабре 1839 года. Полностью преодолеть внутривыборческие противоречия не представлялось возможным, поэтому было решено не принимать предвыборную платформу. Гораздо более важным представлялось определиться с президентской номинацией. Первоначально казалось, что наиболее вероятными претендентами являются Клей и Уэбстер, два самых авторитетных лидера вигов, а также Гаррисон, на которого работало его военное прошлое.

В ходе подготовки конвента расстановка сил в партии претерпела значительные изменения. В прошлом сторонник традиционных федералистских принципов, Уэбстер опирался на поддержку своего родного штата – Массачусетса, а за пределами Новой Англии его имя не вызывало особого энтузиазма. Для Юга кандидатура Уэбстера, открыто демонстрировавшего свои антирабовладельческие воззрения, была неприемлемой.

Шансы Генри Клея, который открыто не ассоциировал себя ни с одной из секций, также падали. Наиболее последовательной поддержкой он пользовался среди южных вигов. В южных штатах более чем настороженно относились к «Американской сис-

теме», но в пользу Клея играли следующие моменты: он был рабовладельцем, выходцем с Юга, в 1833 году зарекомендовал себя как «защитник» южных интересов, выступив автором компромиссного тарифа. Кроме того, в конце 30-х годов на Юге циркулировали слухи, возникавшие не без участия Клея, что в случае победы он не будет настаивать на реализации «Американской системы».

Но поддержка Клея южанами и его заигрывание с рабовладельцами работали против него в северных штатах, где существовали сильные антирабовладельческие настроения. Лидеры виггов Нью-Йорка, Уильям Сьюард и Терло Уид, выступавшие за постепенное уничтожение рабства, развязали против Клея кампанию слухов.

Клей не имеет шансов на победу из-за недостатка поддержки у избирателей, сокрушенно кивали головой виги. Слухи множились и распространялись с необыкновенной быстротой. Уже было невозможно понять, откуда они исходили и имели ли под собой какие-либо основания. Вскоре и соратники Клея при встрече убеждали друг друга, что тот не сможет одержать победу на выборах.

Лишь кандидатура отставного генерала Гаррисона оставалась по-прежнему популярной. Уроженец Виргинии, он давно перебрался в Огайо, что делало этого представителя Северо-Запада равно привлекательным как для Севера, так и для Юга. Фигура Гаррисона импонировала и колеблющимся избирателям — тем, кто тяготел к вигам, но прямо не идентифицировал себя с этой партией, а также тем, кто раньше голосовал за демократов, но чья поддержка партии Джексона не была последовательной. Соответственно, отсутствие у Гаррисона политических убеждений было достоинством, а не недостатком, так как виги могли интерпретировать его взгляды в зависимости от необходимости.

Неожиданно для Гаррисона у него появился конкурент, обладающий всеми его достоинствами. Им стал генерал Уинфилд Скотт, за кандидатурой которого стояли лидеры нью-йоркских виггов — Сьюард и Уид.

В результате закулисной борьбы на конвенте президентскую номинацию получил Гаррисон. На пост вице-президента был выдвинут известный виргинский политик Джон Тайлер, в прошлом конгрессмен, сенатор и губернатор штата Виргиния. Су-

существует распространенная точка зрения о «случайности» выдвижения Тайлера, который являлся бывшим демократом, сторонником «прав штатов» и не разделял многих взглядов, присутствующих у лидеров вигов.

В выборе Тайлера как в зеркале отразились присущие вигской партии противоречия. Гаррисон представлял северные штаты – значит, чтобы не оттолкнуть южных вигов, его напарником должен быть южанин. И без того Гаррисон оказывался в деликатной ситуации, когда сталкивался с обвинениями в том, что он является «если не аболиционистом, то противником рабства»³⁰. Идеальным кандидатом на пост вице-президента мог стать человек, близкий Клею, но обладающий определенным собственным политическим весом.

Тайлер удовлетворял всем вышеперечисленным критериям. Он традиционно выступал в поддержку Клея. Тайлера Клей, по его собственному признанию, «знал долго и очень близко», их сближала «долгая личная дружба». Как позднее отмечал Дэниел Уэбстер, Тайлер получил номинацию на пост вице-президента в результате усилий «сторонников Клея»³¹.

В 1836 году Тайлер уже баллотировался на пост вице-президента от партии вигов, правда, лишь на Юге, и набрал голоса 47 выборщиков от четырех штатов. Уже в ту кампанию впервые было выдвинуто предложение о создании связки Гаррисон – Тайлер, что должно было символизировать единство партии как на Севере, так и на Юге.

В качестве возможных кандидатов на пост вице-президента рассматривались и другие соратники Клея: Томас Клейтон (Делавэр), Бенджамин Ли (Виргиния), Уильям Престон (Южная Каролина), Уильям Мангум (Южная Каролина) – но все они от подобного предложения отказались. Согласно американской конституции, вице-президент, хотя и является вторым лицом в государстве, не обладает какими-либо определенными полномочиями. Главная функция вице-президента заключается в том, чтобы занять Белый дом в случае смерти, отставки или неспособности президента по каким-либо иным причинам исполнять свои обязанности. До 1841 года ни одному вице-президенту не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией, поэтому неудивительно, что при выдвижении Тайлера вероятность неожиданной смерти президента никто не рассматривал. Не случайно Джон Адамс, первый в истории США вице-президент, охарактере-

ризовал этот пост следующим образом: «Самая незначительная должность из всех, когда-либо созданных человеческим воображением»³².

В тот момент, когда на конвенте впервые прозвучало имя Тайлера, ни его прошлые связи с демократами, ни воззрения по социально-экономическим вопросам никого не смущали. Комплектация вигов на Юге в значительной степени осуществлялась за счет бывших приверженцев демократической партии, и далеко не все из них были готовы воспринять политическую экономию национальных республиканцев.

Выборы 1840 года были не борьбой программ и принципов, и даже не противостоянием сильных личностей, они стали сражением между двумя партийными машинами. Демократы выдвинули действующего президента – Ван-Бюрена, а для предвыборной платформы использовали положения, сформулированные еще Джексоном. Виги построили всю свою кампанию на критике находящейся у власти администрации и восхвалении личных достоинств Гаррисона и Тайлера. Центральной идеей платформы демократической партии являлся принцип невмешательства правительства в экономическую жизнь страны.

Единство вигов в социально-экономических вопросах ограничивалось возложением вины за тяжелое экономическое положение на демократов, а также стремлением ликвидировать только что созданное Независимое федеральное казначейство. Они сознательно не выносили на суд избирателей такие противоречивые вопросы, как Государственный банк или же «Американская система» в целом. Если часть вигов (в первую очередь на Севере) заявляли, что единственным способом покончить с финансовой нестабильностью является воссоздание Государственного банка и повышение тарифа, то представители противоположного крыла партии (в основном в штатах «глубокого Юга») публично отрицали необходимость подобных преобразований. Гораздо больше внимания виги обращали на проблемы, представлявшие актуальными на уровне штатов³³.

Успех вигов в 1840 году предопределил продолжавшийся экономический кризис. Находившиеся у власти на протяжении двенадцати лет демократы ассоциировались с тяжелым экономическим положением в стране, а неспособность администрации Ван-Бюрена предложить эффективные меры по улучшению ситуации толкала избирателей в объятия вигов.

Обещания вывести страну из кризиса и вернуть ее на путь процветания падали на благодатную почву, и для большинства американцев не столь принципиальным представлялось, каким конкретным способом это будет осуществлено. Страна была готова к тому, что в случае прихода к власти представители оппозиции предпримут решительные шаги по оживлению экономики.

Даже в таком консервативном штате «глубокого Юга», как Джорджия, где виги традиционно скептически относились к Государственному банку, они с пониманием отнеслись к согласию Гаррисона на воссоздание банка в случае, если «возникнут обстоятельства, которые сделают его существование необходимым, и большинство американцев поддержат подобную меру»³⁴.

Победа вигов выглядела достаточно убедительно. В коллегии выборщиков преимущество Гаррисона выглядело подавляющим – 234 против 63. Правда, при подсчете голосов избирателей разрыв не был столь значительным: Гаррисона поддержали 1 млн. 275 тыс. человек, Ван-Бюрена – 1 млн. 128 тыс. Одновременно под контроль вигов перешли обе палаты конгресса США: в сенате вигам теперь принадлежало 29 мест, демократам – 22, в палате представителей виги получили 133 места против 102 у демократов. Из 14 штатов, в которых в 1840 году проходили выборы губернаторов, виги одержали победу в 11³⁵.

4 марта 1841 года в Вашингтоне состоялась инаугурация Уильяма Генри Гаррисона. Виги во всех концах страны отмечали эту «славную» дату. Но за празднованием должны были последовать трудовые будни, а внутри партии вигов отсутствовало единство по основным социально-экономическим вопросам.

Генри Клей готовился предложить вниманию конгресса «Американскую систему». При этом было очевидно, что наиболее острая борьба разгорится по вопросу о воссоздании Государственного банка. Главным препятствием на пути воплощения в жизнь программы социально-экономических преобразований оставались внутрипартийные размежевания. Генри Клей, заслуживший к тому времени прозвище «мастера компромиссов», понимал, что лишь его личное присутствие в Капитолии, способность к политическому маневру, политический вес и красноречие способны объединить разнонаправленные интересы, представленные среди вигов в конгрессе. Именно поэтому Клей, который мог по собственному выбору занять любой пост в ка-

бинете Гаррисона, отказался войти в правительство и предпочел остаться неформальным лидером вигов в сенате.

Престарелый генерал Гаррисон, оказавшийся в Белом доме главным образом благодаря своей военной славе, не имел сколько-нибудь значимого влияния в руководстве партии. Фактически контроль над кабинетом оказался в руках Дэниела Уэбстера, который возглавил Государственный департамент. Показательным в этом плане является тот факт, что Джордж Баджер (Северная Каролина), назначенный на пост министра Военно-морского флота, сообщал президенту о своем согласии войти в кабинет через Уэбстера³⁶.

За спиной у только что избранного президента разгорелась борьба за действительное лидерство в партии. Дэниел Уэбстер контролировал президентскую администрацию, Генри Клей – конгресс, при этом оба видели себя в качестве преемника Гаррисона на высшем государственном посту на следующий четырехлетний срок. Уэбстер и Клей придерживались схожих воззрений на социально-экономическое развитие США, хотя поддержка Уэбстером «Американской системы» зачастую не была последовательной. В экономической сфере приоритетными для Уэбстера задачами являлись установление высоких таможенных барьеров безотносительно к существованию Государственного банка и обеспечение финансовой стабильности, что отвечало интересам стоявших за ним финансово-промышленных кругов Новой Англии.

Весной 1841 года логика внутрипартийной борьбы подсказывала: победа окажется за тем, кому удастся взять инициативу в свои руки. Согласно конституции, новый конгресс должен был собраться на свою регулярную сессию не раньше декабря. Подобная ситуация ни в коей мере не могла удовлетворить Клея: не занимая никакой должности в администрации, он на ближайшие девять месяцев фактически оказывался не у дел.

Кроме того, складывалась исключительно благоприятная ситуация для принятия ключевых мер «Американской системы» – весной 1841 года экономическая депрессия, казалось, достигла своей наивысшей точки. Банки отказывались осуществлять выплаты звонкой монетой. Находившаяся в обращении денежная масса по сравнению с 1836 годом сократилась более чем в полтора раза. Обремененные долгами штаты с трудом выплачивали проценты по взятым кредитам, и многие из них нахо-

дились на грани банкротства. От демократов администрация Гаррисона унаследовала пустую казну и расстроенные государственные финансы.

В этих условиях виги получали своеобразный мандат на преобразование. Тяжелое экономическое положение страны требовало радикальных решений. Клей имел все основания рассчитывать, что его предложения найдут поддержку даже у тех вигов, которые в целом настороженно относились к «Американской системе».

Впервые идею о необходимости созыва специальной сессии конгресса Клей озвучил в ноябре 1840 года и вскоре обратился с соответствующим предложением к Гаррисону. Однако члены только что сформированного правительства считали подобную спешку преждевременной, а амбициозные планы Клея вызывали раздражение президента.

Отношения между Клеем и Гаррисоном складывались напряженно. Клей бомбардировал президента своими рекомендациями, но тот гораздо охотнее прислушивался к советам Уэбстера. В марте Гаррисон недвусмысленно выразил недовольство настойчивостью сенатора: «Мистер Клей, вы забываете, что президентом являюсь я!»³⁷ Клей оказался в очень неприятной ситуации: он был вынужден оправдываться в ответ на обвинения в диктате по отношению к президенту, а в середине марта даже демонстративно покинул столицу в знак протеста против того, что администрация не считается с его точкой зрения.

Стремление Клея в ближайшие сроки созвать специальную сессию конгресса вызвало неоднозначную реакцию в партии. Разброс мнений был широкий: от сдержанно-негативного до возвышенно-восторженного. «Если существует хоть какая-нибудь возможность избежать специальной сессии, мы надеемся, что сторонники генерала Гаррисона объединят свои усилия, чтобы ее предотвратить», – писала *Alexandria Gazette*. «Страна вызывает о помощи, немедленной помощи против невзгод, которые нет сил долгие терпеть, и эту помощь может оказать только конгресс на своей специальной сессии», – уверяла *National Gazette*³⁸.

Между тем в развернувшейся в печати партийной дискуссии тон задавали сторонники Клея. В начале февраля газета *National Intelligencer*, неофициальный партийный орган вигов, опубликовала передовую статью, в которой обосновывалась необходи-

мость предложенной меры; Генри Клей собственноручно написал первый вариант статьи³⁹.

Клею все же удалось настоять на созыве специальной сессии конгресса, которая должна была начаться 31 мая. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграла экономическая ситуация в стране, в свете которой большинство вигов считали созыв специальной сессии конгресса «настоятельным долгом президента»⁴⁰.

Однако отсутствовала ясность, как президент относится к «Американской системе», основные положения которой Клей рассчитывал представить на обсуждение законодателей. Заявления Гаррисона выглядели противоречиво. Так, президент считал, что воссоздание Государственного банка необходимо, «если будет очевидно, что его отсутствие идет во вред интересам общества... и если общественность безоговорочно выскажется в его поддержку». Одновременно он полагал, что «правительство должно попытаться наладить осуществление своих финансовых операций без помощи Государственного банка». В том же случае «если существование банка для этих целей не окажется необходимым», Гаррисон не был уверен, что его «создание будет оправдано с точки зрения конституции»⁴¹.

Рекордная по продолжительности инаугурационная речь Гаррисона не способствовала прояснению позиции президента. Как едко отмечала демократическая газета *New York Sun*, «в ней ничего не говорится о том, каким образом предполагается восстановить финансовое обращение – нет ни слова ни за, ни против Государственного банка, ни слова ни за, ни против Независимого казначейства, ни слова о порядке доступа к свободным землям...»⁴²

Единственное, о чем Гаррисон заявил прямо и недвусмысленно, было его обещание не злоупотреблять принадлежащим президенту правом вето и использовать его только в исключительных обстоятельствах. Он соглашался с популярной среди вигов идеей, что в формировании социально-экономического курса страны основная роль должна принадлежать законодательной власти, в то время как президенту следует ограничиться «исполнением» законов.

Смерть президента 4 апреля 1841 года, ровно через месяц после вступления в должность, смешала все карты на американском политическом Олимпе. Новым президентом в соответствии с конституцией стал Джон Тайлер.

В целом к началу лета 1841 года расстановка политических сил в стране отличалась противоречивостью. Демократы, безраздельно находившиеся у власти на протяжении двенадцати лет, были вынуждены перейти в оппозицию, а правящей партией, впервые за свою недолгую историю, стали виги. Лидеры национальных республиканцев, наиболее влиятельной группировки внутри партии вигов, рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию для воплощения в жизнь «Американской системы», комплексной программы социально-экономических преобразований, противоположных по своей направленности тому курсу, который на протяжении 1830-х годов проводила демократическая партия.

Продолжавшийся с 1837 года экономический кризис в значительной степени дискредитировал рецепты демократов. Ситуация, сложившаяся к лету 1841 года, благоприятствовала планам сторонников «Американской системы» пересмотреть государственную политику в социально-экономической сфере. В то же время на руку демократам играли размежевания внутри партии вигов, далеко не все члены которой поддерживали выдвинутую Клеем программу преобразований.

На рубеже 30–40-х годов XIX века Соединенные Штаты оставались преимущественно аграрной страной, находившейся на полупериферии мировой экономической системы. Однако предшествующие два десятилетия стали временем активного экономического развития США. Промышленный переворот, наиболее бурно протекавший в северо-восточных штатах, означал, что стадия создания предпосылок для подъема (в терминологии Ростоу) близка к завершению.

Важная особенность социально-экономического развития Соединенных Штатов заключалась в его неравномерном характере. Две трети населения, занятого в промышленности и ремесле, трудились на Северо-Востоке страны, на эту же секцию приходилось 70% всех инвестиций в промышленность. Схожая ситуация наблюдалась и в сфере транспорта: 57% построенных к 1840 году каналов и половина американских железных дорог приходились на северо-восточные штаты.

Американское общество не было едино в своем видении дальнейших путей социально-экономического развития. Генри Клей, один из создателей и лидеров партии вигов, отстаивал не-

обходимость активного государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Его программа «Американская система» предусматривала воссоздание Государственного банка, финансирование «внутренних улучшений» за счет средств, вырученных от продажи общественных земель, и установление высоких ввозных пошлин на иностранные промышленные товары. Иных принципов придерживались последователи Эндрю Джексона, объединившиеся в партию демократов. Они выступали за облегчение доступа к свободным землям, снижение протекционистского тарифа, свертывание финансового участия федерального правительства во «внутренних улучшениях» и не видели необходимости в существовании Государственного банка.

В 1830-е годы у власти находились демократы, целенаправленно осуществлявшие провозглашенные идеи. Но экономический кризис конца 30-х годов привел к власти вигов и создал благоприятные условия для воплощения в жизнь «Американской системы».

Новые возможности для развития американской экономики открывала континентальная экспансия. Правящие круги США проявляли пристальный интерес к территориям соседних государств – Мексики и Техаса, а также к североамериканским владениям Британской империи. Однако внешняя политика Соединенных Штатов отличалась дуализмом. В 1820–1830-е годы каких-либо территориальных присоединений сделано не было, главным образом потому, что действия американского правительства на международной арене соответствовали договорной модели внешней политики. Оставаясь в ее рамках, было невозможно осуществить территориальные приобретения: безуспешно окончились попытки договориться с Мексикой о судьбе Техаса и Калифорнии, не было достигнуто и взаимоприемлемое размежевание с Великобританией в Орегоне. Подобное состояние дел не устраивало рядовых американцев. Пока официальный Вашингтон пытался урегулировать спорные вопросы дипломатическими средствами, они активно осваивали земли, лежащие за пределами границ Соединенных Штатов. Осуществление экспансии на негосударственном уровне являлось важнейшей заявкой на присоединение этих территорий в самом ближайшем будущем.

Таким образом, можно констатировать, что на рубеже 1830–1840-х годов американское общество стояло перед необходимостью дать ответы на промышленный и пространственный «вы-

товы». С одной стороны, существовала потребность интегрировать все секции страны в единое экономическое пространство, что было возможно при помощи углубления социально-экономических преобразований и усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. С другой стороны, все громче звучали требования присоединить обширные территории, прилегающие к границам Соединенных Штатов, — Техас, Орегон, Калифорнию. Этот путь подразумевал обособленное развитие секций, усиление существующих неравномерностей и обострение противоречий между различными частями страны.

В начале 1840-х годов, в условиях продолжающегося экономического кризиса, наиболее актуальным представлялось найти ответ на промышленный «вызов». В политической повестке первое место занимали вопросы социально-экономического развития, в то время как внешнеполитическая проблематика отходила на второй план.

Глава II. Судьбы социально-экономических преобразований в первой половине 1840-х годов

§ 1. На пути к новому Государственному банку США

31 мая 1841 года в Вашингтоне открылась первая сессия нового, 27 конгресса. Через неделю Генри Клей представил программу социально-экономических преобразований, которая легла в основу работы специальной сессии. Предложенные меры повторяли положения «Американской системы»: 1) ликвидация Независимого федерального казначейства; 2) воссоздание Государственного банка; 3) повышение ввозных пошлин и осуществление государственного займа для покрытия расходов предыдущей администрации; 4) принятие закона о распределении средств, полученных от продажи свободных земель между штатами для финансирования «внутренних улучшений»¹.

Из этой программы для Клея в 1841 году наиболее важным представлялось реформировать кредитно-финансовую систему страны. Центральный вопрос касался восстановления Государственного банка взамен созданного демократами Независимого федерального казначейства. По расчетам Клея, деятельность Государственного банка должна была стабилизировать денежное обращение, упорядочить кредит, гарантировать стабильность коммерческих связей, а также обеспечить создание единого финансового пространства по всей стране.

Лидеры вигов первоначально не ожидали никаких осложнений со стороны нового президента, Джона Тайлера, хотя его приверженность доктрине «прав штатов» и неприятие «Американской системы» не составляли секрета. Тайлер выразил полную готовность сотрудничать с правительством, которое досталось ему от Гаррисона. Представлялось невероятным, что президент решится поставить под удар свой авторитет в партии ради «абстрактных принципов» и открыто выступит против вигского большинства в конгрессе².

Более того, выдвижение Тайлера на первый пост в государстве, казалось, благоприятствовало планам Клея. Тайлер традиционно являлся сторонником Клея и в качестве такового полу-

чил номинацию на пост вице-президента. Молодость Тайлера (попав в Белый дом в 51 год, он был на тот момент самым молодым американским президентом), отсутствие у него политического веса и сам факт «наследования» высшего поста в государстве (в противовес полноправной победе на выборах) – все это как будто гарантировало, что Тайлер признает лидерство Клея и не станет препятствовать его проектам.

Послание конгрессу создавало впечатление, что новый президент поддерживает идею создания «соответствующего финансового агента» и готов одобрить схему, которую ему предложат законодатели, при условии, что она не будет находиться в «противоречии с конституцией» или каким-либо иным способом «угрожать процветанию страны»³.

Однако обсуждение проблемы Государственного банка вызвало внутривластный кризис и поставило партию вигов на грань раскола. Внешняя канва событий выглядит следующим образом.

В начале августа 1841 года конгресс принял законопроекты о ликвидации Независимого федерального казначейства и о создании Государственного банка (официально именовавшегося Финансовым банком), которые поступили на подпись президенту.

Новый Государственный банк с уставным капиталом в 30 млн. долларов создавался сроком на 20 лет. Федеральное правительство вносило треть уставного капитала, а президент США назначал трех из девяти директоров банка. Из числа возможных пайщиков исключались иностранные граждане и компании. Центральное отделение банка должно было располагаться в Вашингтоне.

Банк имел право принимать вклады от населения в любом штате, где будут открыты его филиалы; его банкноты признавались официальным средством платежа на всей территории Соединенных Штатов; в течение всего срока существования Финансового банка правительство обязывалось не основывать какой-либо другой Государственный банк. Обязанности банка включали выдачу беспроцентных ссуд конгрессу, оплату долгов правительства и безвозмездное обслуживание всех операций Министерства финансов⁴.

Президент Тайлер без колебаний подписал закон о ликвидации Независимого федерального казначейства, а на банковский

законопроект после десятидневного размышления 16 августа 1841 года наложил вето.

Подвергнув сомнению право конгресса учреждать Государственный банк, Тайлер настаивал на том, что ряд положений представленного его вниманию законопроекта не соответствуют конституции США. Недовольство президента вызвали условия, на которых предусматривалось открытие филиалов банка в штатах и их право осуществлять учет местных ценных бумаг. Основное нарушение конституции, по мнению Тайлера, заключалось в превышении полномочий федеральной власти в ущерб отдельным штатам⁵.

Клей был в ярости и демонстративно отказался от участия в обсуждении компромиссных проектов. В то же время многие виги в конгрессе полагали, что возражения, выдвинутые Тайлером, не носят принципиального характера, и рассматривали послание президента в качестве обещания одобрить следующий законопроект, если в нем будут должным образом учтены его «конституционные» замечания. Неделю спустя палата представителей приняла новый банковский законопроект (в нем банк именовался Финансовой корпорацией), который, как казалось, должен был удовлетворить президента⁶.

Однако через три дня после одобрения этого законопроекта сенатом, 9 сентября, президент наложил вето и на него. Вновь, как и в случае первого банковского вето, Тайлер подчеркивал, что ничего не имеет против Государственного банка как такового, однако, по его мнению, законодатели превысили данные федеральной властью полномочия, пойдя на создание «Государственного банка, который будет *независимо* действовать на территории всего Союза». Высказав сожаление, что конгресс не смог разработать схему, не противоречащую конституции, президент обещал зимой предложить свою версию банковского законопроекта⁷. В ответ лидеры вигов заявили о прекращении всех отношений с президентом, а правительство подало в отставку.

В декабре 1841 года Тайлер представил законодателям свой вариант Государственного банка (официально именовавшегося Казначейским советом). Однако Клей заблокировал принятие законопроекта, в основу которого легли предложения президента.

Возникает вопрос, насколько непреодолимыми являлись противоречия внутри партии вигов по банковской проблеме и

была ли неизбежна конфронтация президента с вигским большинством в конгрессе.

Вопреки расхожему мнению, Тайлер был готов согласиться на существование централизованного органа, который осуществлял бы в масштабах всей страны контроль над кредитно-финансовой системой. Основные противоречия касались полномочий будущего банка на уровне штатов.

Тайлер, в недавнем прошлом демократ, выражал точку зрения той части южных вигов, которые присоединились к вигам, покинув демократическую партию. Ключом к пониманию позиции вигов – сторонников «прав штатов» является стремление Тайлера максимально ограничить полномочия Государственного банка в плане его финансовой деятельности на территориях отдельных штатов.

Клей, в свою очередь, являлся наиболее последовательным приверженцем централизации кредитно-финансовой системы Соединенных Штатов и создания сильной банковской структуры, в наиболее полной форме повторявшей опыт Второго банка США. Клей достаточно уверенно контролировал фракцию вигов в конгрессе и соответственно законодательную ветвь власти в целом.

К сторонникам подхода, которые всячески старались найти формулу для Государственного банка, приемлемую как для Клея, так и для Тайлера, следует отнести членов кабинета. Они прилагали максимум усилий для того, чтобы примирить враждующие стороны.

Клей стремился использовать энтузиазм победы на выборах для того, чтобы объединить партию на базе «Американской системы», и рассматривал результаты выборов 1840 года как «санкцию» избирателей «на новый банк». Однако многие в руководстве партии, в первую очередь стоящие за Гаррисоном северные виги, предпочитали не спешить со столь радикальными мерами, опасаясь раскола в партии. Даже Николас Биддл, последний глава Второго банка США, советовал Уэбстеру «по возможности избежать обсуждения вопроса о Государственном банке и удовлетвориться компромиссным решением в рамках существующих институтов»⁸.

В начале июня министр финансов Томас Эвинг (Огайо) представил вниманию законодателей проект Государственного банка, поддержанный кабинетом и получивший одобрение са-

мого президента. Однако предложения Эвинга не удовлетворили Клея, и на закрытом собрании фракции вигов ему удалось провести свой вариант законопроекта, который затем был вынесен на рассмотрение конгресса. Принципиальное различие между двумя планами касалось условий открытия местных отделений банка – согласно разработкам министра финансов, для создания филиалов требовалось согласие штата, на территории которого они должны были располагаться⁹.

Многие виги с самого начала поддержали план Эвинга, хотя и не скрывали, что позиция Клея в вопросе о порядке создания филиалов была более последовательной. Однако даже редакция газеты *National Intelligencer*, наиболее авторитетного вигского издания, отдавала предпочтение проекту министра финансов, главным образом, из-за его компромиссного характера. «Лучше принять проект, против которого существует множество возражений, но который получил одобрение президента, чем настаивать на отдельных положениях и тем самым провоцировать раскол между исполнительной и законодательной ветвями власти», – развивала подобную точку зрения *Raleigh Register* (Северная Каролина). А редакция газеты *New York Tribune*, пользующейся огромным авторитетом среди вигов в северных штатах, прямо заявила, что считает план Эвинга самым удачным из всех, что когда-либо были предложены на рассмотрение конгресса¹⁰.

Поддержку плана Эвинга выражали члены кабинета, представители деловых кругов Северо-Востока и многочисленные рядовые члены партии вигов. Наиболее последовательно принцип компромиссного решения банковского вопроса отстаивал Дэниел Уэбстер, выступивший на страницах ведущих вигских изданий *National Intelligencer* и *New York Commercial Advertiser*. Даже если несколько южных или северо-западных штатов не согласятся на открытие филиалов на своей территории, писал Уэбстер, соседние штаты с удовольствием пойдут на создание дополнительных отделений банка, поскольку это поднимет их деловую активность. Так, в случае необходимости Мэриленд привлечет финансовые потоки из Виргинии, Северная Каролина – из Южной Каролины, Луизиана – из Алабамы. В результате под ударом окажутся штаты-«отказники»¹¹.

Авторитет Клея и насаждаемая им жесткая партийная дисциплина способствовали тому, что предложенный им законопроект был одобрен обеими палатами конгресса менее чем за

полтора месяца. Но тем не менее Клею пришлось пойти на определенные уступки в ключевом для него положении: о порядке создания местных отделений банка. В результате была принята компромиссная формула. Для открытия филиалов требуется согласие штата, на территории которого они будут существовать; однако если законодательное собрание штата на ближайшей сессии не запретит создание подобных отделений, это будет означать согласие штата; более того, в случае необходимости конгресс имеет право создавать филиалы банка даже вопреки прямому запрету штата¹².

Такое решение проблемы вызвало у многих вигов недоумение – а нужен ли вообще «компромисс», где «для проформы спрашивается согласие штатов», которое «фактически отвергается в следующем абзаце», и окажется ли принятая формулировка более приемлемой для президента, чем первоначальный вариант законопроекта, предложенный Клеем¹³.

При голосовании по банковскому законопроекту обе партии показали высокий уровень единства. В сенате «за» было подано 26 голосов, «против» – 23. В палате представителей голоса разделились 128 к 98. Все сенаторы, поддержавшие законопроект, были вигами, и лишь два вига – Уильям Райвз и Уильям Арчер (оба – Виргиния) присоединились к демократам. В нижней палате виги и демократы выступили столь же единодушно¹⁴.

Теперь страну волновал один вопрос – как воспримет предложенный законопроект президент. От создания Третьего банка США страну отделял лишь росчерк пера одного человека. «Все взгляды устремлены на президента. Виги опасаются, что он наложит вето, но не верят, что у Тайлера хватит на это мужества. Демократы, наоборот, надеются на подобный исход, но также не уверены в твердости президента», – писала в те дни демократическая газета *Mobile Commercial Advertiser*¹⁵.

Клей и его ближайшие сподвижники даже не пытались скрыть своего негодования, когда президент направил конгрессу свое вето, и обрушились на Тайлера с жесточайшими нападениями. Особенно непримиримую позицию занял конгрессмен Джон Боттс (Виргиния), который в открытом письме обвинил президента в том, что тот взял курс на союз с демократической партией¹⁶.

Позиция Клея нашла широкий отклик среди вигов в южных штатах. Так, на общем собрании вигов в Джонсборо, штат Тен-

неси, была принята резолюция, в которой Тайлер именовался предателем, а сам президент торжественно «возвращался» демократам. Ведущая газета вигов Луизианы *New Orleans Bee* опубликовала статью, в которой вето рассматривалось как непреодолимая стена, которую президент возвел между собой, с одной стороны, и партией вигов – с другой. Все громче звучали призывы к отставке правительства¹⁷.

Между тем большинство вигов восприняли вето спокойно. Конфронтация с президентом, предупреждала *National Intelligencer*, «ослабит, разобщит и, в конце концов, вероятно, уничтожит партию вигов и одновременно все надежды страны. Разве можно допустить, чтобы подобная катастрофа последовала за вето?.. Несомненно, что воссоздание банка... является важным вопросом, но в данный момент на рассмотрении конгресса находятся более важные меры, принятия которых ждет вся страна и по которым не существует разногласий с президентом... Мы надеемся, что... конгресс не только примет все эти меры, но и на текущей сессии вновь рассмотрит банковский законопроект»¹⁸.

В этих условиях на закрытом собрании фракции вигов в конгрессе было принято решение поддержать план Эвинга как наиболее отвечающий позиции Тайлера. Через неделю после президентского вето палата представителей приняла новый вариант банковского законопроекта, который, правда, не имел ничего общего с предложениями министра финансов. В основу законопроекта о создании Финансовой корпорации легла идея близкого друга Клея, генерального прокурора Джона Криттендена (Кентукки). Криттенден писал Клею, что главное возражение президента касается права отделений банка учитывать местные ценные бумаги, а не создания филиалов. Генеральный прокурор предлагал в новом законопроекте «вообще не упоминать о *согласии штатов*» на открытие местных отделений банка, а вместо этого ограничить финансовые операции банковских филиалов¹⁹.

Сложно сказать, насколько обоснованным было понимание Криттенденом точки зрения Тайлера. Президент не согласовывал с членами кабинета свою позицию по банковскому вопросу. Кроме того, Криттенден, в отличие от Уэбстера или Эвинга, никогда не был особенно близок Тайлеру и не являлся его доверенным лицом. По всей видимости, о позиции Тайлера Криттенден судил, как и все, на основании его вето.

Президент перечислял имеющиеся возражения против представленного на его подпись законопроекта, но не предлагал собственного плана. По мнению Тайлера, право учитывать местные ценные бумаги не отвечало задачам Государственного банка как общенационального института, а условия, на которых предусматривалось создание филиалов, не отвечали интересам штатов. В заключение президент прямо заявил, что не может поддержать решение об учреждении «Банка Соединенных Штатов, который обладает властью и правом открывать отделения учета и депозитов в штатах Союза с их согласия или без него»²⁰.

Предложения Криттендена легли в основу законопроекта о создании Финансовой корпорации, который представлял собой несколько подправленную версию отвергнутого Тайлером закона. Текстуальное сравнение двух документов свидетельствует об их исключительной близости. Речь шла о создании практически идентичных банковских структур, а имеющиеся различия не были принципиальными. Примерно на треть снижался размер уставного капитала, слово «банк» в новом законопроекте не фигурировало – вместо него было использовано более нейтральное «корпорация». Наиболее существенное отличие заключалось в том, что филиалы банка («отделения учета и депозитов»), теперь именовавшиеся «агентствами», не обладали правом производить учет по местным ценным бумагам, хотя могли без ограничений погашать переводные векселя, в том числе выписанные на территории другого штата. Для открытия «агентств» согласие штатов не требовалось²¹.

Соответственно более чем спорной является точка зрения, что принятие конгрессом законопроекта о Финансовой корпорации стало результатом поиска компромиссного решения, способного «преодолеть пропасть, разделяющую президента и его партию», стремлением фракции вигов в конгрессе «пойти навстречу президенту», с которым Клей не имел ничего общего²².

Представители фракции вигов сенатор Джон Берриен (Джорджия) и член палаты представителей Джон Серджант (Пенсильвания) дважды беседовали с президентом о судьбе банковского законопроекта. Эту проблему Тайлер обсуждал и с членами своего кабинета, прежде всего с Уэбстером и Эвингом. Президент высказывался двусмысленно, что, вероятно, было воспринято как принципиальное одобрение основных положений Финансовой корпорации. Характерно, что в конце сентяб-

ря – начале октября 1841 года Берриен и Серджант не могли прийти к единому мнению касательно их бесед с президентом и членами правительства. Но Тайлер специально предупредил министров, что его мнение, выраженное на заседании кабинета, не является обязательством перед законодателями. Более того, он вообще предпочитал отложить обсуждение банковского законопроекта до следующей сессии конгресса²³.

23 сентября, в тот день, когда проект закона был одобрен палатой представителей, Тайлер заявил, что Финансовая корпорация для него неприемлема. На заседании правительства президент обещал наложить на закон вето и попросил отложить его обсуждение в сенате. Министры с пониманием отнеслись к позиции Тайлера, однако, по их мнению, последнее слово должно было остаться за фракцией вигов в конгрессе.

Члены кабинета были уверены в необходимости принятия банковского законопроекта. В то же время они были готовы пойти навстречу президенту в его желании отложить обсуждение этого вопроса. Уэбстер направил письмо сенаторам от штата Массачусетс Айзеку Бейтсу и Руфусу Чоату с призывом дать президенту время «спокойно и добросовестно обдумать» вопрос о том, каким он желает видеть Государственный банк. Уэбстер обращал внимание на тот факт, что на специальной сессии конгресса было принято много важных законов, продемонстрировавших единство партии и президента. В этих условиях, продолжал он, необходимо отложить обсуждение банковского законопроекта до следующей сессии конгресса, чтобы не оказывать давление на президента²⁴.

Значительная часть конгрессменов-вигов благожелательно восприняли предложение Уэбстера, но Клей категорически возражал против отсрочки. Когда в сенате состоялось голосование по поводу целесообразности дальнейшего обсуждения закона о Финансовой корпорации, виги не были едины: 19 сенаторов во главе с Клеем выразили желание немедленно заняться этим вопросом, 8 проголосовали за отсрочку²⁵.

В тот же день министр финансов Т. Эвинг сделал запись в своем дневнике: «Клей намеренно торопит события, которые ведут к катастрофе, он стремится навязать Тайлеру новый банковский законопроект, вынудить его подписать закон или наложить вето – в последнем случае кабинет подаст в отставку». В результате, полагал Эвинг, Клей получит возможность «высту-

пить с обвинениями в адрес администрации и возглавить партию вигов в качестве кандидата... на пост президента» на следующих выборах²⁶.

Когда законопроект о создании Финансовой корпорации был поставлен на итоговое голосование, партии вновь продемонстрировали высокий уровень единства. В результате законопроект был одобрен 27 голосами против 22 в сенате и 125 к 94 в палате представителей²⁷.

Через день после второго вето, 11 сентября 1841 года, фракция вигов в конгрессе на закрытом собрании подавляющим большинством осудила действия президента и объявила о его исключении из партии, а 13 сентября пятеро из шести членов кабинета ушли в отставку. Сотрудничество с администрацией Тайлера продолжил лишь государственный секретарь Дэниел Уэбстер.

Ни первое, ни второе вето не нашли поддержки у вигов, не считая узкого круга близких Тайлеру политиков, представлявших, главным образом, Виргинию и Южную Каролину. Но далеко не все виги осудили действия главы государства; многие стремились затушевать разногласия, проявившиеся в вопросе о банке, и сохранить единство партии и президента.

Наиболее непримиримая позиция была характерна для южных вигов, в то время как представители северного крыла партии продемонстрировали готовность к компромиссу с Тайлером. «*Вислоухий виргинский осел*, который занимает кресло президента, наложил вето на законопроект о создании Финансовой корпорации Соединенных Штатов, иначе говоря, *Государственного банка*, – писала в эти дни вигская газета *Brownslow's Whig* в штате Теннесси. – Кабинету ничего не остается, как уйти в отставку». По мнению редакции *New Orleans Bee*, второе вето президента продемонстрировало, что он является противником существования банка как такового, и соответственно вигам не следует питать в отношении Тайлера несбыточных иллюзий. Как утверждалось в передовице *Raleigh Register*, поддержка Тайлером остальных законопроектов, одобренных в конгрессе, не может служить оправданием его позиции в банковском вопросе²⁸.

Совершенно другое отношение к президенту было характерно для северных вигов. *Boston Atlas*, хотя и сожалела насчет решения президента, не считала, что второе вето является поводом для отставки правительства и нагнетания напряженности

внутри вигской партии. На специальной сессии конгресса, полагала редакция газеты, было принято немало важных законов, свидетельствующих о безусловном успехе вигов. Ознакомившись с текстом президентского вето, *New York Tribune* выражала удовлетворение содержащимся в нем обещанием достигнуть взаимоприемлемого решения банковского вопроса на следующей сессии конгресса. *Cincinnati Gazette* (Огайо) не видела необходимости в отставке правительства. По мнению редакции, вместо того чтобы нагнетать напряженность, сенаторам и конгрессменам от вигской партии следовало вернуться к рассмотрению банковского законопроекта, приняв его в той форме, которая сможет удовлетворить президента. Даже на Юге многие виги продолжали надеяться, что на следующей сессии конгресса Тайлер сможет договориться с законодателями по банковскому вопросу. В этом контексте обвинения президента в предательстве представлялись бессмысленными и даже опасными, поскольку отталкивали его и играли на руку демократам²⁹.

В целом северные виги отнеслись к новому кабинету Тайлера более благожелательно, чем южное крыло партии. Вопреки обвинениям, что он то ли переметнулся к демократам, то ли пытается создать третью партию, рассчитывая таким образом обеспечить свое переизбрание в 1844 году, президент заполнил вакантные места в правительстве вигами.

Изучение переписки Тайлера свидетельствует о том, что осенью 1841 года банковский вопрос оставался наиболее важным для президента. Ближайшие соратники Тайлера пытались разработать такой вариант «финансового агента», который был бы способен удовлетворить приверженцев Государственного банка и в то же время не вызывал бы возражений президента. Тайлер самым активным образом принимал участие в обсуждении предлагаемых его вниманию вариантов³⁰.

В начале декабря 1841 года, менее чем через три месяца после отставки правительства, конгресс собрался на регулярную сессию. Тайлер, со свойственной ему педантичностью, представил на обсуждение законодателей свою схему организации финансовой системы страны. Предложения президента (их настоящим автором был Дэниел Уэбстер) предусматривали создание Казначейского совета (его также называли Казначейским банком), который, по словам нового министра финансов Уолтера Форварда (Пенсильвания), являлся промежуточным вариан-

том между Государственным банком и Независимым федеральным казначейством³¹.

Фактически речь шла о создании государственного некоммерческого банка, управляемого советом казначейства в составе министра финансов, государственного казначея и назначаемых президентом чиновников, но функционирующего независимо от исполнительной власти. Проект предусматривал четкое разграничение полномочий коммерческих банков штатов и новой федеральной банковской структуры. Местные отделения Казначейского совета не становились конкурентами банков штатов, поскольку сферы их деятельности практически не пересекались. Казначейский банк должен был осуществлять финансовые операции федерального правительства, обеспечивать единое для всей страны средство денежного обращения посредством выпускаемых им казначейских банковских билетов, а также выступать посредником при осуществлении платежей между штатами путем проплаты переводных векселей, выписанных в других штатах. В то же время кредитование и учет местных векселей оказывались в исключительном ведении банков штатов.

National Intelligencer восприняла новый план с плохо скрываемым скептицизмом, однако к концу февраля 1842 года, когда специальный комитет сената представил переработанный вариант проекта, позиция неофициального органа партии вигов изменилась, хотя принципиальная разница между предложениями сенатского комитета и правительства отсутствовала. По мнению редакции газеты, Казначейский совет не мог полностью заменить Государственный банк, но был в состоянии выполнять большую часть его функций, в первую очередь обеспечивать стабилизацию финансового обращения, и в любом случае его создание «не должно принести стране никакого вреда»³².

Среди вигов Северо-Востока широкое распространение получила точка зрения, что, поскольку в создавшихся условиях нельзя рассчитывать на воссоздание Государственного банка по образцу Первого или Второго банка США, следует пойти на создание Казначейского банка. Однако в штатах Северо-Запада вигская пресса выступала против Казначейского совета, на том основании, что предложенная схема не имеет ничего общего с банком³³.

Если некоторые издания вигов на Юге, такие как *Baltimore American* (Мэриленд) и *Columbus Enquirer* (Джорджия), под-

держали проект Казначейского банка на тех же основаниях, что и северо-восточное крыло партии, то большинство южных вигов негативно оценили план президента. Главным аргументом против Казначейского совета стало утверждение, что он ничем не отличается от ненавистного вигам Независимого федерального казначейства и его создание приведет лишь к еще большему усилению полномочий исполнительной власти в кредитно-финансовой сфере. Небольшая луизианская газета *Richmond Compiler* поначалу даже выразила уверенность, что автором плана является кто-то из демократов, а в ведущем издании вигов Южной Каролины *Charleston Courier* предложения правительства рассматривались как необдуманный эксперимент, который лишь усугубит тяжелое экономическое положение страны³⁴.

Решающее слово в судьбе Казначейского банка оставалось за конгрессом, где сторонники Тайлера находились в явном меньшинстве. Для Генри Клея создание Казначейского совета было равнозначно восстановлению Независимого федерального казначейства. Его ближайшие соратники считали, что предложенное президентом «лекарство», призванное оздоровить кредитно-финансовую систему США, принесет больше вреда, чем сама «болезнь»³⁵.

Между тем в рядах фракции вигов в конгрессе раздавались и голоса, призывающие к компромиссу с президентом. Эту линию наиболее последовательно проводил сенатор Натаниел Талмадж (Нью-Йорк), председатель специального комитета, в котором были переработаны и дополнены первоначальные предложения правительства. Законопроект о Казначейском совете в редакции Талмаджа оказался приемлемым для многих вигов из северо-восточных штатов.

Обсуждение Казначейского совета в конгрессе продолжалось около трех месяцев, однако закончилось ничем: Генри Клей приложил все усилия, чтобы не дать ходу предложениям президента, которые мало напоминали Государственный банк, предусмотренный «Американской системой».

В целом расстановка сил внутри партии вигов свидетельствует, что противоречия по вопросу о воссоздании Государственного банка не являлись непреодолимыми. Большинство вигов, как в конгрессе, так и за его стенами, не разделяли позицию президента в банковском вопросе, но были готовы на разумный

компромисс. Основой для него мог стать план Эвинга или же проект Казначейского совета.

Но компромисс найден не был. Возникает вопрос – почему? Это кажется тем более странным, что Клей являлся главным вдохновителем многих компромиссов как до 1841 года, так и после: среди наиболее известных – Миссурийский компромисс (1820), компромиссный тариф (1833), компромисс по вопросу о статусе юго-западных территорий (1850).

По мнению ряда исследователей, Клей руководствовался в первую очередь личными политическими амбициями, и летом 1841 года его главная задача заключалась не в том, чтобы достигнуть компромисса в вопросе о банке, а в том, чтобы упрочить свое лидерство среди вигов. Искусственно спровоцировав кризис в партии, продолжают сторонники этого подхода, Клей нанес сокрушительный удар по двум своим наиболее сильным конкурентам в борьбе за президентскую номинацию в 1844 году – Тайлеру и Уэбстеру. Большую популярность получила и противоположная точка зрения, представители которой уверены, что Тайлер преднамеренно стремился расколоть вигов, рассчитывая таким образом создать свою собственную партию³⁶.

Однако подобные объяснения не являются удовлетворительными. По всей видимости, ответ кроется в том, что половинчатые решения банковского вопроса полностью противоречили нуждам «Американской системы», которую отстаивал Клей.

Государственный банк являлся краеугольным камнем «Американской системы». Клею была нужна сильная, независимая от федерального правительства и властей штатов структура, способная унифицировать и интегрировать кредитно-финансовую и валютную систему США. Каждая уступка в банковском вопросе ставила под сомнение целостность и эффективность всех остальных мер, предусмотренных программой. Соответственно если план Эвинга как-то и мог его удовлетворить, то предложенный Тайлером Казначейский совет абсолютно не вписывался в «Американскую систему». Клей сам признавался, что банк представляет для него один из тех «принципиальных вопросов», в которых для него «компромисс является неприемлемым»³⁷.

Здесь уместно вспомнить, что Клей никогда не был готов идти на уступки в банковском вопросе. Так, в первой половине 1830-х годов, во время борьбы Эндрю Джексона против Второго

банка США, Клей сражался до последнего. В 1841 году Клей попросту не видел необходимости в компромиссе: вигское большинство в конгрессе находилось под его жестким контролем, рядовые избиратели поддерживали воссоздание Государственного банка. До определенного момента Клей не воспринимал Тайлера как равного противника – Тайлер не имел серьезной опоры в партии, и виги были готовы идти ему на уступки лишь потому, что он являлся президентом.

Ход рассуждений Клея был простым: Тайлер будет вынужден либо уступить политическому давлению и согласиться на воссоздание Государственного банка, либо пойти на открытую конфронтацию с верхушкой партии. В первом случае Клей получал банк, полностью отвечающий его целям, и становился единственным признанным лидером партии, во втором – он также оказывался во главе партии, а всю ответственность за провал банковского законодательства мог возложить на президента.

Тайлер, в свою очередь, тоже не продемонстрировал политической мудрости. Он дважды поставил свои личные «конституционные предрассудки» выше мнения большинства народных избранников, а затем предложил создать вместо Государственного банка Казначейский совет, который мог получить одобрение вигов исключительно по принципу «за неимением лучшего». Партия вигов, изначально объединившая противников «диктаторской» политики «короля Эндрю», не была явно не лучшим местом для подобных экспериментов.

Разделения вигов на «сторонников Клея» и «сторонников Тайлера» не произошло – буквально в едином порыве партия сплотилась вокруг Генри Клея. Но если сторонники жесткой линии стремились полностью отмежеваться от Тайлера, то приверженцы компромиссного подхода рассчитывали, что руководству вигов удастся найти общий язык с президентом и сохранить, хотя бы частично, взаимопонимание между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Наиболее последовательную поддержку Клей получил среди южных вигов, в то время как северное крыло партии во главе с Уэбстером ориентировалось на компромисс с президентом³⁸. Подобная расстановка на первый взгляд вызывает удивление: приверженцы «прав штатов», к которым принадлежал и Тайлер, традиционно являлись важным компонентом партии вигов на Юге, в то время как «Американскую систему» принято рассмат-

ривать как «новоанглийскую». Ответ на этот непростой вопрос заключается в тех изменениях, которые произошли в партии вигов на рубеже 1830–1840-х годов.

Экономический кризис 1837 года, который не был преодолен и в 1841 году, гораздо сильнее сказался на кредитно-финансовой системе южных штатов, менее развитой и устойчивой к потрясениям, чем на Севере. Весной 1841 года газета *National Intelligencer* сообщала, что большинство казначейских билетов оседают в северных штатах, в то время как на Юге нет ни звонкой монеты, ни казначейских билетов, ни надежных местных банкнот. В результате все платежи между Севером и Югом осуществлялись по исключительно невыгодному для южных штатов курсу³⁹.

Банкноты, выпущенные южными банками, оценивались существенно ниже номинала и пользовались меньшим спросом, чем аналогичные банкноты северных штатов. «За десятидолларовую банкноту, выпущенную в Нью-Йорке, приходится отдать десять долларов и пятьдесят или шестьдесят центов в виргинских деньгах... Разница в стоимости между банкнотами Джорджии и Нью-Йорка колеблется от четырех-пяти до двадцати пяти процентов, а иногда и больше. Разница между банкнотам Алабамы и Нью-Йорка составляет десять – двенадцать процентов»⁴⁰.

В начале 1842 года специальный корреспондент газеты *Charleston Courier* следующим образом описывал состояние дел в Вашингтоне: «Местные банки не выпускают бумажных денег. В Балтиморе те банки, которые еще не разорились, поддерживают в обращении лишь незначительное количество банковских билетов. Все расчеты осуществляются банкнотами виргинских банков, большая часть из которых выпущена Банком Виргинии, однако их отказываются принимать остальные банки штата. Поэтому основное средство платежа и оценивается здесь на двадцать процентов ниже номинала. В обращении не осталось ни звонкой монеты, ни казначейских билетов – их мгновенно скупают и вывозят на Север...»⁴¹

Южное крыло партии вигов опиралось прежде всего на те социальные группы, чьи интересы были тесно связаны с развитием рыночных отношений и которые ориентировались на укрепление союза с буржуазией Севера. Южные виги в своем большинстве выступали за развитие кредитно-финансовой сис-

темы на местном уровне, однако в силу аграрно-плантационного характера южной экономики это оказывалось невозможным без поддержки федерального правительства и регулирующей деятельности Государственного банка.

Следовательно, южные виги больше других были заинтересованы в стабилизации кредитно-финансовой системы страны силами федерального правительства. Клею не представляло труда убедить южное крыло партии в том, что воссоздание Государственного банка лучше всего отвечает поставленной цели. Под влиянием экономического кризиса конца 1830-х годов даже многие виги – сторонники «прав штатов» пересмотрели свое негативное отношение к банку. Чрезвычайное ослабление Государственного банка также оказывалось не в их интересах. В том случае если борьба по вопросу об открытии отделений банка на местах переносилась на уровень штатов, именно южные штаты более всего рисковали остаться без филиалов банка.

Северо-Восток, наоборот, обладал хорошо развитой кредитно-финансовой системой, и северные банки успешно преодолевали последствия кризиса. Менее всего в результате прекращения выплат звонкой монетой пострадали Нью-Йорк и Новая Англия. В Новой Англии благодаря «саффолкской системе» местные банкноты сохраняли номинальную стоимость даже в годы экономического кризиса. Стабильностью и надежностью отличались банки Уолл-стрит. Как не без удовольствия констатировала *National Intelligencer*, Нью-Йорк является «великим банкиром для всего союза». Неудивительно, что представители деловых кругов по всей стране предпочитают расплачиваться ценными бумагами, выписанными на Нью-Йорк⁴².

Резкое ограничение полномочий Государственного банка или даже его отсутствие не так сильно ударило по торгово-финансовым интересам северных вигов, как южных. Соответственно северные виги в своем большинстве были готовы пойти на создание Государственного банка в редакции министра финансов и даже не возражали против плана Казначейского совета, чего нельзя сказать о южном крыле партии. Если в 1830-е годы Второй банк США опирался на торгово-финансовые круги Северо-Востока, тесно связанные с национальными республиканцами, а затем и с вигами, то в начале 1840-х годов наиболее бескомпромиссную позицию в банковском вопросе заняли южные виги.

Разногласия среди вигов по вопросу о восстановлении Государственного банка и последовавший разрыв между Клеем и Тайлером играли на руку демократам. «Банковская война», в которой Джексону удалось одержать решительную победу, возобновилась с новой силой, но на это раз демократы не контролировали ни Капитолий, ни Белый дом. Первоначально они не ожидали ничего хорошего от Тайлера, предполагая, что президент поддержит любой проект, который предложит Клей. Центральный орган демократической партии, газета *Washington Globe*, иронично именовал Тайлера «заместителем президента», подразумевая, что реальная власть находится в руках Клея⁴³.

Возможности для политического маневра у демократов были ограничены: наиболее важные решения виги принимали на закрытых собраниях своей фракции, а на пленарных заседаниях конгресса отстаивали заранее согласованные позиции. Но в разгорающемся конфликте между конгрессом и президентом представители оппозиционной партии не оставались пассивными наблюдателями и полностью солидаризировались с Тайлером. «Политическим благословением» называли демократы оба вето президента, отмечая «последовательность, твердость и независимость» суждений главы государства⁴⁴.

Однако демократы поддерживали президента преимущественно на словах и не собирались сковывать себя какими-либо обязательствами. Предложение Тайлера о создании Казначейского банка не встретило у них понимания. Ведущие политики-демократы – среди них сенаторы Джеймс Бьюкенен (Пенсильвания), Левая Вудбери (Нью-Гэмпшир), Томас Бентон (Миссури), Амброуз Севиер (Арканзас) – выступили как против первоначального плана, предложенного правительством в декабре 1841 года, так и против законопроекта, переработанного Талмаджем⁴⁵.

Точно такую же точку зрения выражали и печатные издания, ассоциирующие себя с демократической партией. Если финансовые потоки являются кровью Соединенных Штатов, а Нью-Йорк – их сердцем, то зачем нужен дополнительный насос, когда сердце и так хорошо справляется с перекачкой крови, спрашивала *New York Journal of Commerce*. Неофициальный печатный орган Уолл-стрит предостерегал администрацию Тайлера от создания Государственного банка в любой его форме, выражая твердую уверенность, что правительство не должно вмешиваться в работу частных финансовых структур⁴⁶.

В полном соответствии с «заветами» Джексона, демократы не видели необходимости в существовании «финансового агента» правительства, будь то Государственный банк или Казначейский совет, который, по их мнению, в сущности, представлял собой тот же банк. Они были едины в своем неприятии банка, хотя внутри партии имелись существенные разногласия в отношении того, какой должна быть кредитно-финансовая система США.

На 1841 год пришелся новый раунд «банковской войны», которая развернулась в первую очередь в стенах конгресса, но получила широкий резонанс по всей стране. Ее общим итогом стала неспособность вигов воссоздать Государственный банк и унифицировать кредитно-финансовую систему США.

§ 2. Регулирование тарифов и финансирование «внутренних улучшений»

Реорганизация кредитно-финансовой системы США представляла для вигов первостепенную важность, однако их программа социально-экономических реформ не исчерпывалась воссозданием Государственного банка. Другими ключевыми элементами «Американской системы» Клея являлись финансирование «внутренних улучшений» за счет средств, вырученных от продажи свободных земель, и использование высоких ввозных пошлин для защиты американской промышленности от конкуренции с иностранными товарами.

Уже в самом начале специальной сессии Генри Клей внес в сенат проект земельного закона. Он предусматривал, что доходы от продажи общественных земель будут поступать не в федеральный бюджет, а распределяться между всеми штатами в соответствии с численностью населения. Вырученные средства следовало использовать исключительно на нужды «образования, колонизации, «внутренних улучшений» или выплаты долга, возникшего в результате финансирования «внутренних улучшений»».

Эти положения отвечали интересам Северо-Востока и Юга, но не чаяния жителей западных штатов, на территории которых располагался фонд общественных земель. Идя им навстречу, Клей предложил выделить западным штатам дополнительно 10% от сумм, полученных от земельных продаж на их территории, а также передать этим штатам определенную часть свободных земель⁴⁷.

Однако в подобной форме законопроект устраивал далеко не всех вигов. Комитет сената по общественным землям, большинство в котором принадлежало вигам, ослабил ключевые для Клея положения. Так, в новой редакции не оговаривалось, на какие нужды пойдут средства после их распределения между штатами. Более важным представляется то, что сенатский комитет включил в законопроект положение о займке – приоритетного права действительных поселенцев на покупку участка земли в 160 акров по минимальной установленной цене. Право на займку не вписывалось в «Американскую систему» Клея, согласно которой продажа свободных земель по высоким ценам должна являться источником финансирования «внутренних улучшений».

Официального признания права на займку фермеры Северо-Запада добивались уже не первое десятилетие, и местные виги охотно поддерживали своих избирателей. Странником этого принципа был и покойный президент Гаррисон, и Клею ничего не оставалось, как уступить.

Однако главная сложность заключалась в том, что земельный фонд являлся важнейшим источником доходов федерального правительства. В послании конгрессу президент Тайлер особо отмечал, что распределение между штатами средств, вырученных от продажи общественных земель, не должно компенсироваться за счет повышения ввозных пошлин. Тайлер был готов пойти на отмену компромиссного тарифа 1833 года лишь ради увеличения доходной части бюджета, но в этом случае, полагал президент, земельный фонд также следует использовать для пополнения федерального бюджета, а не для финансирования нужд штатов⁴⁸.

С мнением президента о желательности напрямую связать земельный и тарифный вопросы были согласны многие южные виги, которые надеялись таким образом гарантировать сохранение умеренных пошлин. Сенатор-виг Джон Берриен (Джорджия) внес предложение, согласно которому, в случае повышения ввозных пошлин сверх уровня, предусмотренного компромиссным тарифом, распределение между штатами средств, вырученных от продажи общественных земель, приостанавливалось на время действия высокого протекционистского тарифа⁴⁹.

Эта поправка вызвала бурную реакцию. Южные виги считали, что она необходима для защиты их интересов, поскольку позволит сохранить компромиссный тариф «неприкосновенным

при любых обстоятельствах»: «Сторонники земельного закона, если желают, чтобы он был принят, должны согласиться с поправкой... если они отвергнут поправку, законопроект не будет принят». Весной 1841 года на массовом собрании вигов Южной Каролины была принята резолюция, в которой утверждалась важность земельного закона, но в то же время подчеркивалась необходимость сохранения компромиссного тарифа 1833 года⁵⁰.

Сложность позиции южных вигов определялась следующим. С одной стороны, южные штаты нуждались в финансовых вливаниях для осуществления широкой программы экономических реформ на местах. С другой стороны, в партии вигов на Юге сохранялось настороженное отношение к повышению ввозных пошлин, которое неизбежно должно было последовать за принятием земельного закона. В этих условиях поправка Берриена, которая должна «помешать ультрапротекционистам восстановить протекционистскую систему», была на Юге встречена положительно. Фактически эта была та цена, которую наиболее радикальные южные виги требовали за принятие земельного закона⁵¹.

Против принятия поправки Берриена резко выступили северные виги. Они рассматривали высокие таможенные пошлины в качестве неотъемлемого условия для успешного развития американской промышленности, и аргументы южных вигов не производили на них особого впечатления. Так, сенатор Айзек Бейтс прямо заявил, что не видит ничего общего между тарифным и земельным законами и не понимает, почему решение одного вопроса должно зависеть от состояния дел в другом. Другой сенатор-виг – Альберт Уайт (Индиана) выразил свою позицию еще резче: «Лучше пусть земельный закон не будет принят вообще, чем принимать его с подобной поправкой». Такую же позицию выразила редакция *Cincinnati Gazette*: «Мы уверены, что распределение доходов от продажи общественных земель между штатами необходимо для постоянного функционирования политики протекционизма»⁵².

Предложение Берриена нашло понимание у оппозиции. Демократы всегда выступали за облегчение доступа к земле для поселенцев, в том числе и путем снижения продажной цены. Земельный закон как таковой вызывал у них негодование. Наиболее резки были южные демократы, ожидавшие повышение тарифа в том случае, если средства от продажи земельного фонда не будут поступать в бюджет.

Демократы не обладали достаточной силой в конгрессе, чтобы использовать разногласия среди вигов и полностью провалить земельный закон. Однако они могли в их интересах было заставить вигов в будущем выбирать между двумя ключевыми для партии мерами. В этой связи наиболее влиятельная газета южных демократов, *Richmond Enquirer*, не без злорадства сообщала, что земельный закон станет «мертвой буквой», поскольку пустая казна заставит вигов в самом ближайшем будущем повысить ввозные пошлины. Демократическая пресса на Севере прогнозировала несколько иное развитие событий. По мнению редакции газеты *New York Herald*, Соединенные Штаты ожидает хронический бюджетный дефицит, так как после принятия поправки Берриена большинство членов конгресса откажутся повышать тариф⁵³.

Подобная ситуация не устраивала Клей, поскольку политика протекционизма являлась частью «Американской системы». В 1833 году Клей выступил автором компромиссного тарифа, однако ставка в 20% должна была вступить в силу лишь в 1842 году, и Клей рассчитывал за этот срок пересмотреть решение, принятое в угоду сторонникам «прав штатов».

Фракция вигов в конгрессе оказалась разобщена – северные виги были готовы пожертвовать земельным законом ради установления высокого тарифа, южане же надеялись с помощью земельного закона предотвратить повышение тарифа. В этих условиях Клей и наиболее близкие к нему представители «пограничных штатов» выступили за компромисс. Сенаторы Джеймс Морхед (Кентукки) и Ричард Байард (Делавэр) заявили, что поддержат поправку, но в дальнейшем не будут считать себя связанными ее положениями и в любой момент смогут пересмотреть ее положения⁵⁴.

Голосование по поправке Берриена отразило ситуацию, нетипичную для 27 конгресса. Если по банковскому вопросу исход борьбы определяла партийная принадлежность, сейчас решающим оказалось размежевание по линии Север – Юг. Поправка Берриена была принята 24 голосами против 18. «За» голосовали 20 южан (14 вигов и 6 демократов) и 4 северян (3 вига и 1 демократ), «против» выступили 16 сенаторов от северных штатов (10 вигов и 6 демократов) и 2 южанина-демократа⁵⁵.

Окончательный вариант земельного закона предусматривал распределение доходов от продажи общественных земель между

штатами в соответствии со схемой, предложенной Клеем, но без уточнения, каким способом эти средства должны расходоваться; в случае установления тарифов свыше 20% это распределение приостанавливалось до снижения пошлин. Дополнительно девять западных штатов получали от федерального правительства по 500 тыс. акров земли, средства от продажи которой должны были использоваться на нужды «внутренних улучшений»: «строительство дорог, железных дорог, мостов, развитие водных транспортных артерий и осушение болот». Закон также предусматривал право действительных поселенцев на покупку 160 акров по минимальной цене; право на займку не было ограничено какими-либо дополнительными условиями.

В ходе итогового голосования как виги, так и демократы продемонстрировали высокий уровень партийного единства. В сенате закон был одобрен 28 голосами против 23, в палате представителей результат составил 100 против 95⁵⁶.

Земельный закон лег на подпись президенту в самый разгар борьбы вокруг второго банковского законопроекта; многие виги опасались, что Тайлер наложит вето и на него. Однако 4 сентября 1841 года президент поставил под законом свою подпись.

Между тем было очевидно, что достигнутый компромисс носит временный характер, поскольку находился в прямом противоречии с важнейшим пунктом программы социально-экономических преобразований вигов – введением высоких протекционистских тарифов.

Представители северного крыла вигов были кровно заинтересованы в существенном повышении ввозных пошлин для защиты американской промышленности, оплотом которой являлся Северо-Восток. Они выступали за то, чтобы в максимально возможной степени отгородить внутренний американский рынок от иностранной конкуренции, в первую очередь от дешевых и качественных английских товаров. К началу 1840-х годов протекционизм стал наиболее важным программным требованием для представителей северных вигов, и ради обеспечения высоких таможенных барьеров они были готовы пожертвовать всеми остальными реформами, которые отстаивала партия.

Подобную позицию Клей не разделял. Он стремился к целостному воплощению «Американской системы» и не поддерживал точку зрения, согласно которой высокие протекционистские пошлины должны быть установлены любой ценой. После при-

хода вигов к власти Клей отнюдь не торопился с пересмотром тарифов – на специальной сессии конгресса этот вопрос так и не был поднят, уступив место банковскому и земельному законам. Единственное, что было сделано в этом плане летом 1841 года, двадцатипроцентная пошлина вводилась для большей части товаров, которые до того времени облагались более низкой ставкой или же свободно ввозились в страну. Для северных вигов этого явно было недостаточно. На регулярной сессии конгресса они рассчитывали всерьез заняться тарифным вопросом.

В феврале 1842 года Генри Клей выступил с новыми предложениями, касающимися реорганизации социально-экономической жизни страны. Их суть заключалась в повышении тарифных ставок и отмене положений земельного закона, ставящих распределение доходов от продажи земель в зависимости от уровня пошлин на ввозимые товары. Клей рассчитывал поднять ввозные пошлины выше уровня 20%, но одновременно призывал «в целом придерживаться духа компромиссного тарифа», отклонения от которого, по его мнению, должны быть «по возможности наименьшими»⁵⁷.

Ввиду сложности тарифного вопроса его обсуждение было отложено до лета. Принятый законопроект объединял две меры: резкое повышение ввозных пошлин для большинства облагаемых товаров (предлагаемые ставки на основные промышленные товары варьировались от 20 до 50%) и отмену поправки Берриена, согласно которой распределение доходов от продажи общественных земель прекращалось в случае повышения тарифа свыше уровня, предусмотренного компромиссом 1833 года.

Подобное решение тарифного вопроса, которое прямо противоречило положениям, содержащимся в земельном законе 1841 года, понравилось далеко не всем южным вигам. Если в сенате лишь трое вигов открыто выразили свое недовольство (автор принятой год назад поправки Дж. Берриен, а также У. Престон и У. Райвз), то в палате представителей несогласных с общепартийной мерой было больше. Так, вигские делегации Джорджии и Виргинии (численность которых составляла 6 и 12 человек соответственно) голосовали против практически в полном составе⁵⁸.

Однако даже при таком раскладе у вигов оказалось достаточно сил, чтобы провести тариф через палату представителей в рамках партийного голосования. В своем большинстве южные

виги осознавали общность торгово-промышленных интересов Севера и Юга, а после неудачи, постигшей партию при попытке восстановить Государственный банк, высокие таможенные пошлины стали восприниматься в качестве основной меры, способной обеспечить экономическую стабилизацию и экономический рост.

Весной 1842 года виргинская газета *Charlottesville Advocate* сетовала на то, что Юг сильно отстает от Севера в промышленном развитии и торговле. Если отличительной чертой северных штатов были «значительная концентрация капитала, промышленных предприятий, торгового опыта... большие численность населения и объем морской торговли», то, по мнению редакции, Юг «слишком поздно вступает в соревнование» с Севером и «уже потерял экономическую мощь, если когда-либо ей обладал». Летом того же года *National Intelligencer* констатировала: «Все газеты Юга сообщают об устойчивом и все более усиливающимся изменении отношения к... свободной торговле, которая некогда пользовалась широкой поддержкой южан»⁵⁹.

Разумеется, низкие таможенные пошлины не могли в одночасье потерять свою привлекательность и продолжали сохранять важное место в идеологическом багаже южных вигов, но практического применения они уже не находили. «Свободная торговля отвечает интересам всех государств, и мы готовы к беспошлинной торговле с теми странами, которые будут применять этот же принцип по отношению к нам. Но мы не можем использовать принципы свободной торговли по отношению к тем, кто накладывает разнообразные ограничения на наши товары», — гласила резолюция, принятая вигским конвентом штата Джорджия летом 1842 года. В резолюции подчеркивалась важность протекционизма как общенациональной меры, хотя и признавалось, что это в определенной степени противоречит интересам и традициям Юга. На содержавшийся в документе риторический вопрос: «Разве не лучше установить тариф на таком уровне, который позволил бы защитить промышленность, а не разрушать ее?» — давался положительный ответ⁶⁰.

Согласившись в своем большинстве с необходимостью протекционистской политики, южные виги не были едины в том, насколько высокими должны быть таможенные барьеры. В целом если северные виги являлись сторонниками высокого про-

текционистского тарифа, то южное крыло партии выступало в защиту умеренных пошлин.

Тарифный законопроект дважды поступал на подпись Тайлера практически в идентичных формулировках, и дважды президент использовал право вето. В обоих случаях он мотивировал свою позицию тем, что установление новых пошлин и отмена поправки к земельному закону должны рассматриваться отдельно. Кроме того, Тайлер напоминал, что год назад он четко обозначил свою позицию по обсуждаемому вопросу: повышение тарифных ставок может быть оправдано лишь недостаточностью поступлений в бюджет, а в этих условиях средства, вырученные от продажи общественных земель, также должны идти федеральному правительству⁶¹.

«Самовластие президента» и его полное нежелание считаться с конгрессом вызвали негодование вигов по всей стране. Если во время банковского кризиса наиболее непримиримые позиции занимали южные виги, то сейчас настала очередь северян. До того времени северные виги вполне благожелательно относились к Тайлеру, надеясь, что президент и «непримиримые» во главе с Клеем все-таки смогут найти общий язык. Новое вето полностью изменило ситуацию.

Изменение отношения северных вигов к президенту можно проследить на страницах их прессы. Ведущие вигские издания, в недавнем прошлом сочувственно относившиеся к президенту: *New York Tribune*, *Boston Atlas*, *New York Commercial Advertiser*, *New York Express*, – мгновенно от него отмежевались. *New York Tribune* теперь отзывалась о Тайлере как об «эрзац-президенте», «по воле случая занявшем должность, которую он никогда не смог бы получить в результате выборов». *Boston Atlas* констатировала, что президент исчерпал лимит доверия со стороны американского народа. «До этого момента вигская пресса по разному относилась к президенту, но после нового вето все издания обрели подлинное единодушие», – комментировала произошедшие перемены *Cincinnati Gazette*⁶².

Южные издания подливали масла в огонь вспыхнувшего с новой силой конфликта между президентом и конгрессом. Вне зависимости от того, установление каких пошлин – слишком высоких или слишком низких – предусматривал тарифный закон, президент не имел права использовать вето, руководствуясь исключительно своим личным мнением, писала *Columbus Enquirer*⁶³.

Между тем Тайлер дал понять, что подпишет новый тариф, но не согласится на соответствующее изменение земельного закона. Виги оказались перед дилеммой – они вынуждены были выбирать между мерами, обе из которых являлись ключевыми для их социально-экономической программы.

В этих условиях наиболее радикально настроенные члены фракции вигов в конгрессе, во главе с известным своей бескомпромиссностью Джоном Квинси Адамсом, предлагали завершить работу сессии конгресса, оставив в силе земельный закон и компромиссный тариф 1833 года. Конгресс в достаточной степени продемонстрировал последовательность в решении социально-экономических проблем, утверждали приверженцы такого подхода, и в том, что ничего не было сделано, виноват лишь президент, с которым виги с этого момента не имеют ничего общего. Единственно возможное решение в этих условиях – как можно дальше дистанцироваться от Тайлера и, сплотившись вокруг Генри Клея, готовиться к новым президентским выборам⁶⁴.

Инициатива компромиссного решения на этот раз исходила от Клея и была озвучена его ближайшим соратником Джон Криттенденом. Если конгресс установит импортные ставки в размере 20%, но при этом оценка товаров будет производиться в США, то фактически пошлины будут повышены до 25%. При этом компромисс 1833 года формально не будет нарушен, соответственно земельный закон останется в силе⁶⁵.

Однако подобное решение проблемы не могло удовлетворить северных вигов, которые понимали, что, если в партии возобладает мнение южан, идеи протекционизма постигнет судьба Государственного банка. Северные виги предпочли разделить первоначальный законопроект на два, не ставя повышение ввозных пошлин в зависимость от отмены поправки Берриена к земельному закону. Даже при таком раскладе не было уверенности в том, что законопроект, повторявший основные положения двух предыдущих тарифных проектов, встретит одобрение президента.

Вновь, как и год назад при обсуждении земельного закона, фракция вигов в конгрессе оказалась разобщена. Многие южные виги открыто заявляли, что отказываются голосовать за новый тариф, поскольку это приведет к отмене земельного закона в той его части, которая предусматривает распределение доходов от продажи общественных земель между штатами. Как отметил в

своём выступлении сенатор Уильям Меррик (Мэриленд), партия на протяжении десяти лет боролась за принятие этого закона и ни при каких условиях нельзя допустить отмены «последней меры вигов»⁶⁶.

В палате представителей закон был принят с минимальным преимуществом: 104 голосами против 103. При этом виги из штатов «глубокого Юга» дружно голосовали против нового тарифа, а голоса вигских конгрессменов от «пограничных штатов» разделились поровну. Так, делегации вигов от Джорджии, Северной Каролины и Теннесси в полном составе присоединились к оппозиции, из 12 виргинских вигов новые таможенные пошлины поддержали лишь двое, голоса вигов Мэриленда и Кентукки разделились пополам. Против тарифа голосовали и ряд северных вигов во главе с Дж.К. Адамсом, мотивируя свою позицию нежеланием подчиняться «исполнительной диктатуре» президента⁶⁷.

В сенате протекционистский тариф также был принят с преимуществом в один голос: 24 сенатора поддержали законопроект, 23 – выступили против. При этом к демократам присоединились 9 вигов-южан от следующих штатов: Виргиния (У. Арчер и У. Райвз), Северная Каролина (У. Мангум и У. Грэхем), Джорджия (Дж. Берриен), Миссисипи (Дж. Хендерсон), Южная Каролина (У. Престон), Мэриленд (У. Меррик), Делавэр (Г. Клейтон). Лишь 5 сенаторов-вигов от южных штатов голосовали за тариф: А. Бэрроу, Ч. Конрад (оба – Луизиана), Дж. Криттенден, Дж. Морхед (оба – Кентукки), и Р. Байард (Делавэр)⁶⁸.

Как можно оценить позицию южных вигов в тарифном вопросе? Через месяц Дж. Берриен объяснял свою точку зрения избирателям следующим образом: «Я голосовал “против”, будучи уверенным, что этот закон не обеспечивает достаточных поступлений в бюджет и, кроме того, предусматривает усиление протекционизма свыше допустимых пределов»⁶⁹.

Отношение южных вигов к проблеме тарифов не было одинаковым в различных штатах. Виги Джорджии оказались наиболее последовательными в своём желании придерживаться положений компромисса 1833 года, и далеко не случайно, что именно сенатор от Джорджии – Берриен предложил соответствующую поправку к земельному закону.

Для большинства южных вигов была характерна промежуточная позиция – соглашаясь с необходимостью умеренного

протекционизма, они не были готовы ради этого жертвовать другими завоеваниями, например распределением между штатами доходов от продажи свободных земель. *Raleigh Register* выражала неудовольствие, что конгресс пошел на поводу у президента и разделил тарифный и земельный вопросы, и солидаризировалась с вигскими сенаторами и конгрессменами, которые на решающем голосовании выступили против тарифа. *Brownslow's Whig* следующим образом комментировала известие о том, что палата представителей приняла третий вариант тарифного закона: «В каждом отдельном случае мы уважаем мотивы, которыми руководствовались виги, голосовавшие за законопроект, хотя мы бы его никогда не поддержали. Неизвестно, будет ли он одобрен сенатом. Мы надеемся, что нет»⁷⁰.

Южные виги еще не полностью солидаризировались с северным крылом партии в тарифном вопросе и продолжали настороженно относиться к протекционизму. Однако если летом 1841 года южные виги внесли в земельный закон поправку, которая гарантировала сохранение компромиссного тарифа, то через год речь шла лишь о том, чтобы повышение тарифа свыше оговоренного двадцатипроцентного уровня не происходило в ущерб другим социально-экономическим преобразованиям.

Северные виги с пониманием отнеслись к позиции южного крыла партии, хотя под угрозой оказалась столь важная для них мера. По всеобщему мнению, настоящим виновником внутрипартийного кризиса, второго за полтора года, был президент, и именно он нес ответственность за усилившиеся трения между северными и южными частями партии. Для северных вигов распределение доходов от продажи земель являлось в первую очередь способом обеспечить непрерывность протекционистской политики. Пока средства, вырученные от продажи земли, будут поступать в распоряжение федерального правительства, рассуждали они, конгресс будет испытывать искушение снизить таможенные пошлины до минимального уровня, обеспечивающего наполняемость казны. Распределение этих средств между штатами должно было, по их мысли, создавать искусственный бюджетный дефицит, покрыть который можно лишь за счет повышения тарифа⁷¹.

В тарифном вопросе демократы занимали более умеренные позиции по сравнению с вигами, хотя идеи свободной торговли были характерны лишь для южных демократов. Северные демо-

краты, в особенности представители Пенсильвании и Нью-Йорка, выступали за повышение тарифов, но не в столь значительных масштабах, на которых настаивали виги. Северные демократы не считали необходимым искусственное завышение тарифов, но соглашались, что существующая двадцатипроцентная ставка не в состоянии покрыть бюджетных расходов и обеспечить интересы американских промышленников.

Установление высоких таможенных барьеров летом 1842 года оказалось бы невозможным без содействия северных демократов. Наиболее четко эту позицию выразил Джеймс Бьюкенен, который изначально высказался в поддержку предложенного вигами повышения тарифных ставок, но категорически возражал против отмены поправки Берриена к земельному закону. Умеренные тарифы, умеренный протекционизм, умеренная конкуренция с иностранными производителями – такая формула, по мнению Бьюкенена, в наибольшей степени отвечала интересам американских производителей⁷².

В сенате к вигам присоединились четверо демократов: Джеймс Бьюкенен, Джон Серджант (оба – Пенсильвания), Сайлас Райт (Нью-Йорк) и Руэл Уильямс (Мэн). В палате представителей новые пошлины поддержали более 30 демократов, включая подавляющее большинство делегаций Пенсильвании и Нью-Йорка⁷³.

Рекомендацию голосовать в поддержку третьего тарифа северным демократам дал Ван-Бюрен. Райт, близкий соратник экс-президента США, следующим образом обосновал точку зрения северных демократов: в условиях, когда страна находится перед выбором между предложенным вигами тарифом и отсутствием нового тарифа, необходимо поддержать законопроект⁷⁴.

Самая влиятельная газета Пенсильвании *Philadelphia Public Ledger*, выступающая с позиций демократической партии, приветствовала оба вето президента, но в то же время благожелательно отзывалась о повышении ввозных пошлин: «Промышленность и связанное с ней сельское хозяйство получают в соответствии с новым тарифом разумную защиту, которую они имели полное право ожидать». *New York Herald* расценила борьбу вокруг пошлин как конфликт представителей северных и южных штатов, без различия их партийной принадлежности⁷⁵.

Практически одновременно с тарифным законом конгресс принял резолюцию, отменяющую поправку Берриена к земель-

ному закону. Ее судьба – вето президента – ни у кого не вызвала сомнений, но для виггов это стало делом не только принципа, но и чести.

Тайлер подписал тарифный закон, а в отношении резолюции использовал «карманное вето»: получив соответствующие документы в последний день работы конгресса, он попросту отказался их рассматривать. Земельный закон лишился наиболее важного, с точки зрения виггов, положения – о распределении между штатами средств, полученных от продажи общественных земель.

В соответствии с новым тарифом устанавливались следующие ставки на ввозимые товары: необработанная шерсть – 30%, готовые шерстяные изделия – 40%, различные виды сукна – от 30 до 50%, хлопковые ткани и изделия из хлопка – от 25 до 35%; на различные виды чугуна и стали средняя ставка составляла 20–30 долларов за тонну, а по отдельным наименованиям оказывалась гораздо выше, причем готовые изделия из железа облагались дополнительно 15% от их стоимости⁷⁶.

По некоторым показателям, тариф 1842 года превысил «тариф абсурдов» 1828 года. Один из наиболее последовательных противников повышения ввозных пошлин Джон Кэлхун метко отметил, что после принятия этого закона «не существует ни одного товара, производимого в стране, который не был бы защищен высоким протекционистским тарифом»⁷⁷.

Основным итогом работы 27 конгресса стала неспособность виггов воплотить в жизнь ключевые положения «Американской системы». В плане законодательной реализации программы экономического развития были осуществлены лишь две меры: упразднено Независимое федеральное казначейство и введен высокий протекционистский тариф. Лидеры виггов рассматривали ликвидацию Независимого федерального казначейства лишь как шаг на пути к восстановлению Государственного банка, но именно эту, центральную, по мнению Генри Клея, меру им осуществить не удалось. В то же время за защиту американского производителя высокими таможенными барьерами пришлось дорого заплатить отказом от финансирования «внутренних улучшений» за счет доходов от продажи свободных земель.

Кризис в руководстве партии виггов стал результатом несоответствия между влиянием Тайлера в партии и президентской властью, которая оказалась в его руках. Однако не менее губительной для виггов, чем непредвиденная смерть Гаррисона, стало

стремление Клея любой ценой осуществить намеченные реформы, в первую очередь – считать победу на выборах 1840 года «мандатом» избирателей на воссоздание Государственного банка.

Летом 1841 года большинство вигов выступали в поддержку предложенных мер, полагая, что их принятие будет способствовать выходу страны из экономического кризиса. Неспособность партийного руководства договориться по ключевым вопросам вызвала глубокое разочарование среди электората. Для рядовых вигов любое компромиссное решение было предпочтительнее того тупика, в котором оказалась партия. Они не были готовы разбираться в тонкостях политической игры, выясняя, кто виноват в том, что страна осталась без «финансового агента», будь то Государственный банк или Казначейский совет, и почему положение о распределении между штатами доходов от продажи общественных земель так и не вступило в силу.

Если до лета 1842 года сохранялась хотя бы призрачная надежда на примирение вигов со своим президентом, то, после того как Тайлер дважды наложил вето на тарифный закон и превратил земельный закон в мертвую букву, разрыв стал необратимым. Президент оказался без партии, а партия – без президента. Однако и демократы, с которыми начал заигрывать Тайлер, отнюдь не стремились воссоединиться с «блудным президентом». В результате в Соединенных Штатах сложилась уникальная ситуация: в стране оказались две оппозиционные и ни одной правящей партии. Потеряв поддержку в конгрессе, президент лишился важных рычагов влияния на политическую жизнь страны. Своих немногочисленных сторонников Тайлер вербовал в рядах обеих партий, преимущественно в южных штатах.

За отмежевание от Тайлера вигам пришлось заплатить головами избирателей. Уже осенью 1841 года выборы в законодательные собрания штатов принесли убедительную победу демократам. К концу 1840 года виги контролировали обе палаты легислатур в 15 штатах, через год цифра снизилась до 6, в то время как демократы увеличили этот показатель с 6 до 14. В 1842 году состоялись промежуточные выборы в американский конгресс – из 14 избранных сенаторов 10 являлись демократами (хотя вигам и удалось сохранить большинство в сенате – 28 к 24), к демократам перешел контроль за палатой представителей (142 места против 81 у вигов). В 8 из 11 штатов, где в 1842 году проводились выборы губернаторов, победу также одержали демократы⁷⁸.

Основной причиной поражения вигов на выборах различных уровней до 1843 года включительно стал абсентеизм. Электорат демократов по-прежнему активно шел на выборы, а сторонники вигов гораздо охотнее оставались дома. Они устали от постоянных внутривиговских дрязг и перетягивания каната между президентом-вигом и вигским большинством в конгрессе; обещанные реформы так и остались на бумаге; избиратели больше не верили, что в случае очередной победы вигов в их жизни хоть что-нибудь изменится.

В 1841–1842 годах в центре внимания американского общества оказалась «Американская система» Генри Клея. Создание партии вигов стало ответом на уозость электоральной базы, на которую могли полагаться сторонники «Американской системы». Однако социально-экономическая программа национальных республиканцев, вокруг которой Клей рассчитывал сплотить вигов, не подходила для той широкой коалиции разнородных сил, способной противостоять демократам.

Реформы, задуманные Генри Клеем, так и не осуществились. Не был восстановлен Государственный банк, проект финансирования «внутренних улучшений» за счет федерального правительства оказался заблокированным. Вигам не удалось законодательно воплотить программу социально-экономических преобразований Генри Клея; победа осталась за демократами, отстаивавшими принцип минимального государственного вмешательства в экономическую жизнь страны.

§ 3. Перспективы развития американского капитализма

Обсуждение в конгрессе США в 1841–1842 годах «Американской системы» стало заключительным аккордом борьбы вокруг выдвинутой Генри Клеем программы социально-экономических реформ. В 1830-е годы этот вопрос оставался открытым, поскольку одна из двух ведущих политических сил в стране, партия вигов, выступала за пересмотр ключевых мер, осуществленных с подачи Эндрю Джексона. Однако в начале 40-х годов «Американская система» была снята с вооружения вигов.

Не прошло и года с начала работы специальной сессии, как идея воссоздания Государственного банка потеряла свою привлекательность. До весны 1842 года банковский вопрос являлся

центральной темой на страницах вигских изданий, но с этого времени внимание вигов полностью и окончательно переключается на обсуждение тарифа. Потеря интереса к Государственному банку не была временным явлением – в предвыборной кампании 1844 года он практически не упоминался, и в последующие годы виги не предпринимали попыток вернуться к обсуждению этой проблемы.

В 1841 году воссоздание Государственного банка рассматривалось большинством вигов как средство преодоления тяжелой экономической ситуации, в которой оказались Соединенные Штаты. После разрыва руководства партии с президентом страны говорить о создании Государственного банка приходилось лишь после следующих президентских выборов, то есть не ранее 1845–1846 годов, и только в том случае, если к власти снова придут виги. Таким образом, перспектива воссоздания банка оказывалась слишком отдаленной и проблематичной, для того чтобы строить вокруг этого вопроса всю экономическую политику партии. Борьба вокруг Государственного банка продолжалась с 1832 года, без особого успеха для его сторонников. А для финансовой и промышленной буржуазии экономическая стабильность и предсказуемость «правил игры» были важнее, чем сомнительная перспектива воссоздания банка.

Летом – осенью 1841 года виги Северо-Востока, выражавшие позицию торгово-промышленной и банковско-финансовой элиты своих штатов, продемонстрировали сдержанное отношение к Государственному банку. Более перспективным здесь представлялось развивать и регулировать финансовую систему на уровне штатов независимо от политики федерального правительства.

Подобным образом обстояли дела и с программой финансирования «внутренних улучшений» за счет средств, вырученных от продажи общественных земель. Борьба по этому вопросу велась уже десять лет, а ее единственным результатом стал «мертворожденный» закон 1841 года. Между тем помощь из федерального центра требовалась немедленно.

К началу 40-х годов лишь шесть штатов не имели долгов: Нью-Гэмпшир, Вермонт, Коннектикут, Род-Айленд, Северная Каролина и Делавэр. Восемь штатов – Пенсильвания, Мэриленд, Иллинойс, Индиана, Мичиган, Арканзас, Миссисипи, Луизиана, а также Флорида, еще являвшаяся территорией, объявили о сво-

ей неспособности расплатиться по своим обязательствам. На грани банкротства находились и другие штаты. К лету 1842 года сумма совокупной задолженности штатов и территорий превысила 200 млн. долларов, в то время как долги федерального правительства оценивались в 15 млн. Указанная сумма не учитывала финансовые обязательства местных властей. Например, в 1842 году совокупный долг городских и окружных муниципалитетов Алабамы центральному банку штата превысил 16 млн. долларов⁷⁹.

На протяжении 1830-х годов власти штатов и муниципалитеты вкладывали значительные средства в строительство каналов и железных дорог. Основным источником финансирования этих проектов служили заемные средства, из которых 60% составляли иностранные кредиты. Далеко не все инвестиции оказались успешными в коммерческом плане. В ряде случаев широкомасштабное развитие транспортной инфраструктуры превышало финансовые возможности штатов, ряд инвестиционных решений были попросту экономически безграмотными, а управление проектами – часто неэффективным.

Экономический кризис совпал по времени с началом выплат по займам. Многие штаты были не в состоянии расплачиваться по процентам, не говоря уже об основной сумме. В этих условиях все взоры обратились к правительству США. Идея прямой выплаты долгов штатов из федерального бюджета, несмотря на свою очевидную эффективность, была отброшена еще в середине 30-х годов, дабы не поощрять финансовую безответственность. Помочь штатам предполагалось за счет распределения между ними средств, вырученных от продажи общественных земель.

В 1840 году было продано 2,2 млн. акров, в 1842 году – 1,1 млн. акров земель, принадлежащих государству. При существующей минимальной цене в 1,25 доллара за акр вырученных сумм было недостаточно, чтобы штаты могли полностью расплатиться по своим долгам. Однако реализация этой схемы позволяла облегчить выплату процентов по займам и повысить доверие иностранных кредиторов, для которых эта мера стала бы косвенным подтверждением ответственности федерального правительства за финансовые обязательства штатов.

Провал земельного закона в той его части, которая касалась распределения между штатами доходов от продажи западных

земель, имел далеко идущие последствия. Начиная с 1842 года власти штатов и местные власти отказываются от финансового участия в программах «внутренних улучшений». Принятые в 1840-е годы законы отражают произошедшие изменения. В Нью-Йорке, Индиане, Иллинойсе, Мичигане, Огайо, Мэриленде, Теннесси и Кентукки власти штатов более не имели права предоставлять займы компаниям, ведущим строительство каналов и железных дорог. В Мэриленде и Мичигане запрещалось и прямое финансирование транспортного строительства из бюджета штата. Одновременно ужесточаются процедуры, при помощи которых власти штатов и местные власти привлекали заемные средства.

Многие штаты сворачивают уже начатые программы, передавая свои инвестиции частному бизнесу. Наиболее последовательно по этому пути двигались Виргиния, Теннесси, Огайо, Индиана и Иллинойс. Так, в 1843 году власти Индианы продали недостроенную железную дорогу между городами Мэдисон и Лафайет, в которую уже к тому времени было вложено 1,6 млн. долларов. В том же году Пенсильвания продала значительную часть принадлежавших штату акций каналов и железных дорог. Для многих штатов подобные действия являлись единственно возможным способом расплатиться по финансовым обязательствам⁸⁰.

С подачи северного крыла партии наиболее важным пунктом в программе вигов становится высокий протекционистский тариф. Установление высоких таможенных пошлин являлось неотъемлемой частью «Американской системы», однако, по мнению Клея, оно не должно было осуществляться в ущерб остальным мерам. Но с весны 1842 года протекционизм превращается в своего рода панацею вигов, заменив в этой функции Государственный банк. В первой половине 1840-х годов изменяется отношение южных вигов к протекционистскому тарифу.

Воссоздание Государственного банка – с точки зрения южных вигов, наиболее эффективное средство преодоления экономического кризиса – откладывалось на неопределенный срок. В этих условиях торговцы, банкиры, крупные плантаторы Юга вынуждены были согласиться со своими северными собратьями, что повышение таможенных пошлин благоприятно отразится на экономике страны. В конце 1830-х – начале 1840-х годов в южных штатах возникают текстильные предприятия, работающие

на местном сырье – хлопке. Значительных успехов в этом направлении добились Северная Каролина, Виргиния и Джорджия. Между тем развитие промышленности южные виги рассматривали, главным образом, с точки зрения поддержки сельского хозяйства, продукция которого должна была перерабатываться на местных предприятиях.

За время работы 28 конгресса (1843–1844) каких-либо значимых в социально-экономическом плане мер принято не было, поскольку виги сохраняли большинство в сенате, демократы имели подавляющее преимущество в палате представителей, а в Белом доме находился Тайлер, не связанный узами ни с одной из партий.

Президентские выборы 1844 года изменили расстановку сил на политическом Олимпе. Новым президентом стал кандидат демократов Джеймс Полк, в конгрессе демократическая партия получила подавляющее преимущество. На первой сессии 29 конгресса демократы начали демонтаж тех немногочисленных мер, которые вигам все же удалось осуществить. Летом 1846 года было восстановлено Независимое федеральное казначейство, что означало возвращение к банковской политике, предложенной Мартином Ван-Бюреном.

Летом того же 1846 года произошла ревизия ввозных пошлин. Новый тариф, получивший неофициальное название «тариф Уокера», по имени Роберта Уокера, министра финансов в кабинете Полка, предусматривал снижение таможенных ставок. Виги негативно восприняли это известие. «Конгресс отменил последнюю из мудрых мер, несущих процветание всей стране, которые были приняты 27 конгрессом», – писал вигский журнал *American Review*. Как в Капитолии, так и за его стенами неоднократно высказывались прогнозы, что отказ от политики протекционизма, предусмотренный тарифом Уокера, в самом ближайшем будущем приведет страну к новому экономическому кризису⁸¹.

Беспристрастный анализ тарифа 1846 года не дает оснований говорить об отходе от протекционизма, и уж тем более о победе принципов свободной торговли, о чем в пылу дискуссии неоднократно заявляли виги. В соответствии с новым законом продукция, импортируемая в США, подразделялась на девять категорий, и если товары девятой категории (обозначенные латинской буквой «I») могли ввозиться в страну беспошлинно

(прежде всего – драгоценные металлы и звонкая монета), то товары первой категории («А») облагались ставкой в 100% (ликероводочные изделия). Наиболее популярными оказались пошлины в 20, 25 и 30%. Так, тарифные ставки на сырую шерсть устанавливались на уровне 30%, на готовые шерстяные и хлопковые изделия, хлопковые ткани и различные виды чугуна и стали – от 20 до 30%⁸². В целом тариф Уокера можно охарактеризовать как умеренно-протекционистский.

Поскольку закон 1846 года устанавливал пошлины выше 20% уровня, предусмотренного компромиссом 1833 года, положение земельного закона о распределении между штатами доходов от продажи общественных земель в силу не вступало.

Обсуждение тарифа Уокера в конгрессе подтвердило расстановку сил, сложившуюся в начале 1840-х годов. Демократы выступали за снижение таможенных пошлин, виги отстаивали необходимость сохранения высоких ставок на импортные товары. С вигами блокировались демократы от Пенсильвании и отдельные представители других северных штатов. Демократам, в свою очередь, удалось заручиться поддержкой ряда сенаторов и конгрессменов, принадлежавших к южному крылу партии вигов.

В сенате тариф был принят с преимуществом в один голос – 28 к 27. Вместе с вигами против понижения таможенных пошлин голосовали трое северных демократов – Джон Серджант, Саймон Камерон (оба – Пенсильвания) и Джон Найлс (Коннектикут). Единственным сенатором-вигом, поддержавшим обсуждаемый законопроект, стал Спенсер Джарнагин (Теннесси). Палата представителей одобрила снижение импортных ставок 115 голосами против 92. В нижней палате демократы «потеряли» почти всю пенсильванскую делегацию и половину делегации Нью-Йорка, получив взамен разрозненные голоса южных вигов (среди которых следует отметить конгрессменов от Джорджии Александра Стефенса и Роберта Тумбса)⁸³.

Главное достоинство тарифа Уокера заключалось в том, что он «упразднил минимальные ставки на товары, которые в этой стране можно производить по столь же низкой стоимости, как и за границей», – полагала *Philadelphia Public Ledger*. «Ставшие на ноги производители не почувствуют разницы в результате изменения пошлин, за исключением размера прибыли, – в хлопковой и шерстяной промышленности объемы производства останутся на прежнем уровне, – утверждала редакция газеты. –

Обе эти отрасли развиваются достаточно успешно и не должны испытать никаких негативных последствий нового тарифа; мы не верим, что закроется хоть одна фабрика или хотя бы один рабочий потеряет работу. Производство железа, стекла и подобного рода изделий встретит сильных конкурентов в лице иностранных производителей, но мы надеемся, что присущий нашим гражданам дух предпринимательства позволит успешно с ними справиться»⁸⁴.

В первой половине 1840-х годов ответ на промышленный вызов был дан в полном соответствии с принципами Эндрю Джексона, в то время как предлагаемые вигами реформы не были реализованы. В этой связи представляется важным сравнение двух возможных путей социально-экономического развития Соединенных Штатов. Можно ли говорить о том, что перед США стоял выбор между развитием «вглубь» и «вширь», промышленным и аграрным капитализмом? Предусматривала ли «Американская система» более быстрое промышленное развитие США в последующие десятилетия по сравнению с текущей реальностью?

Несомненно, реализация «Американской системы» выдвигала Соединенные Штаты в число наиболее развитых в экономическом плане государств. Но даже в случае воплощения социально-экономической программы Генри Клея вряд ли возможно представить более быстрый рост американской экономики в период до Гражданской войны. В 40–50-е годы XIX века промышленность США совершила гигантский скачок: за пятнадцать лет между 1844 (к 1844 году американская экономика полностью преодолела последствия экономического кризиса) и 1859 годом объем промышленного производства вырос почти в четыре раза. К 1860 году по уровню промышленного развития США занимали второе место в мире, опережая Францию и Германию и уступая лишь «мастерской мира» – Великобритании⁸⁵.

Особенность «Американской системы» заключается в том, что она предусматривала государственное стимулирование экономики: предлагаемые меры были ориентированы на унифицирование кредитно-финансовой системы и ее регулирование из центра, создание развитой транспортной инфраструктуры (за счет средств федерального правительства, штатов и местных властей), а также защиту внутреннего рынка от наплыва дешевых английских товаров.

В первой половине 1840-х годов стало ясно, что «Американская система» не способна закрепиться в качестве программы одной из двух ведущих политических партий и тем более не приходится рассчитывать на ее реализацию в общенациональном масштабе. Отказ от реализации предлагаемых Клеем мер государственного стимулирования экономики ознаменовал торжество нерегулируемых капиталистических отношений, в поддержку которых выступали сторонники Джексона.

Вплоть до Гражданской войны финансовая система США функционировала независимо от федерального правительства. В отсутствие централизованного органа, контролирующего деятельность частных банков, эта функция была передана властям штатов. Наиболее популярным решением (к 1860 году оно было использовано 18 штатами из 32) стало введение «свободной банковской системы». Согласно ее условиям, для создания нового банка было достаточно обладать минимальным уставным капиталом и предоставить властям штата обязательный резервный депозит. Это имело плачевные последствия для южных и северо-западных штатов, но благоприятствовало дальнейшему возвышению Северо-Востока.

Новая Англия являлась единственным регионом, где было создано гомогенное финансовое пространство, и не нуждалась в Государственном банке, поскольку соответствующие функции на региональном уровне успешно выполнял Саффолкский банк. Нью-Йорк, выступив инициатором создания «свободной банковской системы», добился в ее рамках значительных успехов: на протяжении полутора десятилетий, между 1845 и 1860 годом, Нью-Йорку удалось практически полностью избежать разорения банков.

В то же время Северо-Запад, ориентировавшийся на облегчение кредита и эмиссию «дешевых» денег, стал заложником недостаточного уровня развития кредитно-финансовой системы. В 1840–1850-е годы характерной чертой северо-западных штатов являлось разорение банков и постоянное обесценивание выпускаемых ими банкнот. В зависимом положении от Северо-Востока оказалась и кредитно-финансовая система Юга. В 1840 году по количеству денежной массы на душу населения северо-восточные штаты опережали Юг в 1,6, а Северо-Запад – в 2,7 раза. К 1860 году разрыв составил 2,4 и 4,6 раз соответственно⁸⁶. За указанный отрезок времени Северо-Восток утвер-

дил свое финансовое господство, превратившись в кредитора всей страны.

Отказ федерального правительства от финансирования «внутренних улучшений», не отвечавших общенациональным целям, привел к тому, что с конца 1830-х – начала 1840-х годов ведущая роль в реализации «внутренних улучшений» переходит от государственных структур разных уровней к частному бизнесу. Как следствие изменяется подход к развитию транспортной инфраструктуры. Проекты федеральных и местных властей были ориентированы не столько на окупаемость в краткосрочном периоде, сколько на их значимость для экономики города, округа, штата или страны в целом. Многие начинания были направлены на длительную перспективу, отвечали задачам формирования единого внутреннего рынка, но зачастую противоречили выгоде текущих дней.

Частные предприниматели не могли позволить себе подобную роскошь. Их главная цель заключалась в получении прибыли. В этих условиях негативную роль играл фактор экономического соперничества. Интенсифицируются «колейные войны»: железнодорожные компании использовали собственную ширину колеи, по которой могли пройти только принадлежащие им локомотивы и вагоны. Отсутствие единого стандарта полотна оставалось основным препятствием для создания общенациональной сети железных дорог вплоть до Гражданской войны.

Не менее важным итогом изменения порядка финансирования «внутренних улучшений» стало усиление диспропорций транспортного развития между секциями на протяжении 1840–1850-х годов. Промышленный Север представлял наиболее перспективный транспортный рынок с точки зрения инвестиций в транспортную инфраструктуру. Как видно из данных таблицы П-6 (см. Приложение), наибольшей динамикой железнодорожное строительство отличалось в северо-восточных и северо-западных штатах.

К началу Гражданской войны на Север приходилось почти две трети общей протяженности железных дорог в стране. Высоким уровнем отличалась транспортная связность Северо-Востока со штатами Северо-Запада. Между железными дорогами Севера и Юга существовала качественная разница. В северных штатах железные дороги постепенно приобретают характер высокоорганизованной сети. На Юге железные дороги служили

для доставки хлопка с плантаций, находившихся в глубине материка, к побережью и не были интегрированы в единую сеть.

Умеренно-протекционистский тариф, установленный в 1846 году, также в первую очередь благоприятствовал экономике Северо-Востока. Импортная ставка в 20–30% в сочетании со стоимостью трансатлантической перевозки создавала достаточную дополнительную стоимость дешевым английским товарам, чтобы американские производители могли успешно с ними соперничать, в то время как наличие ограниченной конкуренции в целом благоприятно отразилось на промышленности северных штатов, поскольку служило действенным стимулом для снижения стоимости и повышения качества выпускаемых товаров. Но для зарождающейся промышленности Юга тариф 1846 года оказался слишком низким, чтобы стимулировать местное производство.

Судить о сравнительном развитии секций в промышленности можно на основании данных о численности населения, степени урбанизации, инвестициях в промышленность и стоимости произведенных товаров, которые представлены в таблицах П-1, П-2, П-4 и П-5 (см. Приложение). По всем этим показателям Северо-Восток являлся бесспорным лидером, и за два десятилетия, предшествовавших Гражданской войне, его отрыв лишь усилился.

Северо-Восток совершил скачок в промышленном развитии, став не просто форпостом, но и единственным очагом промышленного капитализма в США. Уровень экономического развития и темпы промышленного роста Северо-Востока позволяют говорить о том, что в начале 1840-х годов Соединенные Штаты вступили в третью фазу экономического роста по Росту – фазу сдвига. В то же время северо-западные и южные штаты развивались по пути аграрного капитализма – фермерскому и плантационному соответственно.

В целом можно констатировать, что выбор путей социально-экономического развития, перед которым США оказались в начале 1840-х годов, был выбором между частнокапиталистическим и государственно-стимулируемым капитализмом. Первый путь был связан с практически полным отказом федерального правительства от вмешательства в экономику, второй подразумевал государственную политику экономического активизма. Не следует преувеличивать степень предусмотренного «Американ-

ской системой» участия государства в экономической жизни страны, однако воплощение этой программы вело к углублению промышленного направления капиталистического развития, его более равномерному распространению по всей территории США.

«Американская система» означала поддержку экономики в тех сферах, которые не могли динамично развиваться без государственного вмешательства. Деятельность нового Государственного банка должна была стабилизировать кредитно-финансовую систему в южных и северо-западных штатах. Установление высоких протекционистских пошлин определялось необходимостью развития промышленности за пределами Северо-Востока. Финансовое участие властей разных уровней в совершенствовании транспортной инфраструктуры предусматривало осуществление тех проектов, которые были важны для экономики отдельных штатов или страны в целом и служили бы созданию национального рынка.

Сложно дать однозначный ответ, насколько быстрым в этих условиях оказался бы промышленный рост США в целом, поскольку значительную часть ресурсов следовало использовать на «подтягивание» южных и западных районов страны, что нельзя считать наиболее эффективными вложениями. Более важным представляется другое: «Американская система» должна была в значительной степени сократить дисбаланс экономического развития между секциями. Можно также предположить, что реализация предложений Клея способствовала бы сглаживанию противоречий между Севером и Югом в вопросе о рабстве.

Приход вигов к власти в 1841 году создал благоприятные условия для осуществления ключевых мер «Американской системы». Первым пунктом в заявленной программе реформ стояло восстановление Государственного банка. Однако обсуждение этого вопроса поставило партию вигов на грань катастрофы. Неспособность лидеров вигов достигнуть компромисса с президентом, принадлежавшим их партии, привело к тому, что проект воссоздания Государственного банка был заблокирован, а схема распределения средств, вырученных от продажи общественных земель между штатами, так и не вступила в действие. Единственное завоевание вигов – высокий протекционистский тариф – было демонтировано после прихода к власти демократов.

Главной причиной подобного исхода стало то, что «Американская система» не могла удовлетворить ту широкую коали-

цию разнородных сил, которая составила партию виггов. Представители различных частей партии по-разному воспринимали ключевые меры, предусмотренные программой Клея. Южные вигги оказались наиболее последовательными сторонниками восстановления Государственного банка, в то время как северное крыло партии уделяло приоритетное внимание повышению тарифных ставок.

Реализация «Американской системы» подразумевала развитие американской экономики по пути государственно-стимулируемого капитализма. Победа демократов означала, что выбор сделан в пользу частнокапиталистического пути. Итогом этого стало укрепление диверсификации экономических систем Севера и Юга. В отсутствие государственного регулирования экономической жизни страны Север, изначально обладавший более развитой промышленностью, финансами и транспортной инфраструктурой, оказался в более выгодном положении с точки зрения дальнейшего движения в этом направлении.

Государственное стимулирование, заложенное в «Американской системе», предусматривало более взвешенное и сбалансированное развитие США. Реализация предложенных Клеем мер сокращала существующий разрыв между Северо-Востоком, Северо-Западом и Югом, а также интегрировала секции страны в единое экономическое пространство. Унификация банковской системы, государственное финансирование транспортного строительства, высокий уровень защиты внутреннего рынка – все эти меры оказывались в интересах более слабых «игроков», то есть Юга и Северо-Запада.

Однако предложенные реформы не были реализованы, и дальнейшее развитие США осуществлялось по частнокапиталистическому пути. В итоге американская экономика приобретает четко выраженную структуру «центр – периферия», где роль центра выполняли штаты Северо-Востока, а плантационная периферия Юга постепенно выпадала из зоны влияния центра. В условиях, когда центр притягивает к себе основную часть инвестиций, наиболее перспективным для периферии (будь то плантационный Юг или фермерский Северо-Запад) оказывается экстенсивный путь развития: увеличение запашки, освоение новых земель и территориальная экспансия. В свою очередь, для растущей промышленной экономики центра расширяющаяся периферия является наиболее доступным рынком сбыта.

Самым простым способом расширения периферии стало возобновление территориальной экспансии. В рамках сбалансированного экономического развития, предусмотренного «Американской системой», присоединение новых территорий являлось ненужным и даже опасным. В то же время утвердившаяся в качестве господствующей имперская экономическая модель («центр – периферия») требует постоянного расширения периферии как наиболее эффективного средства поддержания центра. Окончательная победа частнокапиталистического пути развития американской экономики в начале 40-х годов XIX века ставила на повестку дня вопрос о территориальной экспансии.

Глава III. Формирование внешнеполитического курса США в начале – середине 1840-х годов

§ 1. Американская дипломатия в начале 1840-х годов

Согласно конституции США и в соответствии с американской политической традицией, ответственность за формирование внешнеполитического курса лежит на президенте страны, а законодательная власть контролирует действия президента на международной арене (что традиционно описывается формулой «совет и согласие»). Проведение в жизнь внешней политики является прерогативой государственного секретаря, чей пост считается наиболее важным в американском правительстве. От того, в чьих руках находится контроль за Государственным департаментом, зависят не только отношения Соединенных Штатов с иностранными государствами, но и расстановка политических сил внутри страны.

В марте 1841 года во главе внешнеполитического ведомства встал Дэниел Уэбстер, представитель северного крыла партии виггов, выражающий интересы торгово-промышленной буржуазии Новой Англии. Лейтмотивом его внешней политики стала преемственность с курсом предыдущей администрации. Уэбстер являлся последовательным сторонником договорной модели и предпочитал решать все международные проблемы дипломатическими методами на основе принципов взаимного уважения между государствами.

Экспансия не привлекала Уэбстера, который полагал, что Соединенные Штаты «должны быть довольны существующими границами»¹. Главной целью американской внешней политики он считал расширение торгово-экономических связей, а не территориальные приобретения. Уэбстер был одним из наиболее последовательных противников присоединения Техаса. Для него, как и для многих представителей северных штатов, «непреодолимым препятствием для аннексии» являлось рабство.

Свою позицию по этому вопросу он выразил еще в 1837 году и с тех пор не изменял ее: «Техас, по всей видимости, останется рабовладельческой страной, и я не собираюсь скрывать

своего нежелания каким-либо образом способствовать распространению рабства африканской расы на этом континенте или включению новых рабовладельческих штатов в Союз... Я считаю, что народ Соединенных Штатов не согласится принять в Союз новую обширную рабовладельческую страну, достаточно большую для создания полудюжины или дюжины штатов... Я не знаю ничего, включая конституцию и сам Союз, что не оказалось бы в опасности в результате взрыва, который последует за этим»².

Практически с самого начала своего пребывания на посту президента Джон Тайлер высказал заинтересованность в приобретении новых территорий. В октябре 1841 года он писал Уэбстеру о необходимости присоединения Техаса, делая особый упор на торговые интересы Севера. Тайлер признавал, что определенные сложности могут возникнуть в связи с проблемой рабства, однако он выражал надежду, что это препятствие не окажется непреодолимым. Так, президент рассчитывал, что представители Севера одобряют аннексию, если в то же самое время будут приняты жесткие меры по ограничению работорговли³.

Эта точка зрения не встретила понимания Уэбстера. Он предпочитал, чтобы Техас оставался политически самостоятельным государством, но полностью зависел от США в экономическом плане. Глава внешнеполитического ведомства не уставал повторять: «Не существует политической необходимости для аннексии Техаса; подобная мера не принесет никакой выгоды нашему Союзу, а выдвигаемые против нее возражения носят... принципиальный характер»⁴.

Все дипломатические усилия Уэбстера были направлены в сторону Великобритании. Англо-американские отношения осложнялись многочисленными проблемами. Территориальные споры и пограничные столкновения постоянно грозили перерасти в войну.

Успехом американской дипломатии, достигнутым в рамках договорной внешней политики, стало подписание в августе 1842 года договора с Великобританией. Документ предусматривал компромиссное урегулирование пограничных споров в Мэне, а также на территории между озерами Верхнее и Лесное⁵. Хотя Уэбстеру и не удалось избежать критики со стороны экспансионистов, сенат без осложнений ратифицировал договоренности.

Однако наиболее важный вопрос англо-американских отношений – судьба Орегона – оставался за рамками соглашения. Ни британцы, ни американцы не стремились к присоединению всего Орегона, но обе стороны претендовали на территорию между 49-й параллелью и течением реки Колумбии⁶. В отношении спорных земель у Уэбстера имелись далеко идущие планы. По его мнению, притязания США на Орегон могли стать ключом к гораздо более ценному приобретению – Калифорнии. Калифорния, а точнее, удобные гавани Сан-Франциско и Сан-Диего, интересовали Уэбстера с точки зрения развития тихоокеанской торговли новоанглийских купцов.

Зимой 1842–1843 годов Уэбстер разрабатывал план трехстороннего соглашения между Великобританией, Мексикой и США. Согласно этому проекту, Соединенные Штаты должны были пойти на территориальные уступки Великобритании в Орегоне, Мексика передавала американцам северную часть Калифорнии, за что получала от Великобритании денежную компенсацию. По расчетам Уэбстера, Мексика была не способна противостоять объединенным усилиям англо-саксонских стран, но для успешного осуществления этого плана требовалось согласие Великобритании⁷.

Однако схема трехстороннего обмена так и осталась на бумаге. Проект Уэбстера был строго выдержан в рамках договорной модели, и это предредило его судьбу. Британское правительство не собиралось помогать американцам в приобретении Калифорнии, в то время как Мексика, при всех внутри- и внешнеполитических проблемах, не была расположена торговать своей территорией.

В целом отношения США с соседними странами в начале 40-х годов отличались дуализмом, который был характерен для двух предшествующих десятилетий. Американская дипломатия стремилась решать все международные проблемы на основе компромиссов и взаимных уступок, однако этот путь не позволял осуществить желаемые территориальные приобретения. Одновременно все активнее осуществляется экспансия на негосударственном уровне, что создавало предпосылки для присоединения новых территорий в самом ближайшем будущем.

Наибольшее число американских колонистов привлекал Техас. По сравнению с концом 30-х годов число его жителей выросло в два раза. В Техас переселялись преимущественно южане,

в первую очередь из близлежащих юго-западных штатов. Эмиграция носила фермерский характер, рабы составляли менее 15% населения молодой республики.

Заинтересованность в Техасе проявляли и финансовые круги Северо-Востока, участвовавшие в земельных спекуляциях и являвшиеся держателями техасских ценных бумаг. В качестве примера можно привести Galveston Bay and Texas Land Co. и Банк Пенсильвании (бывший Второй банк США) во главе с Николасом Биддлом.

В начале 1840-х годов начинается массовая миграция в Калифорнию и Орегон. Путешествие на тихоокеанское побережье из штата Миссури, где начинался путь на Дальний Запад, занимало полгода; дорога была наполнена трудностями и опасностями. За первую половину 40-х годов в Орегон переселилось 5 тыс. американцев, а Калифорния приняла первую тысячу поселенцев.

Об интересе американской общественности к далеким землям свидетельствует резко возросшее число публикаций на соответствующие темы. Постоянно издаются и переиздаются своеобразные путеводители для эмигрантов, в которых описывалась привлекательность новых территорий и содержалась информация, необходимая для длительного путешествия: маршруты и способы передвижения, ожидаемое время в пути, количество необходимых припасов. Главная цель подобных материалов заключалась в привлечении потенциальных поселенцев, на которых они и были в первую очередь ориентированы. Как пример можно упомянуть опубликованную в 1842 году в Миссури брошюру «Описание Орегона, или путеводитель для эмигрантов»⁸.

Множатся статьи и брошюры, в которых читателям предлагалось задуматься о возможности присоединения Техаса, Калифорнии или Орегона. Наиболее радикальные авторы открыто призывали к возобновлению экспансии, если понадобится, то и вооруженным путем. Так, авторы брошюры «Отчет о территории Орегона» делают следующий вывод: «Наше право на эту территорию не подлежит сомнению — единственный вопрос заключается в том, когда и каким образом на нее будут распространены законы нашей страны... Это должно быть сделано медленно»⁹.

Апрельский номер популярного журнала *Democratic Review* за 1843 год открывался статьей, в которой содержалось требова-

ние включить в состав США весь Орегон: «Наши права на территорию, лежащую между 42° и 49° северной широты, являются более обоснованными, чем наши права на Луизиану и Флориду... наши права на территорию между 49° и 54°40' северной широты являются более обоснованными, чем претензии Англии... Англия может использовать дипломатические маневры и угрожать войной, но она никогда не осмелится нарушить наши справедливые, очевидные и благородные права на владение всем Орегоном, не посмеет в том случае, если мы выкажем соответствующую решимость сохранить и защитить все то, что по праву принадлежит нам, и не более того»¹⁰.

Американские поселенцы в Техасе, Орегоне и Калифорнии были единодушны в своем стремлении войти в состав США, однако решающее слово принадлежало американскому правительству. В 1842 году Тайлер неоднократно обсуждал возможность аннексии с техасскими представителями и выразил «сильное желание» видеть Техас частью США. Конгресс также не остался в стороне от вопросов экспансии: в начале 40-х годов в стенах Капитолия все чаще стали звучать слова о возможности и даже необходимости присоединения новых территорий.

В том же 1842 году, руководствуясь ложными слухами о начале войны между Соединенными Штатами и Мексикой, командор Томас Джонс высадился в Монтерее и объявил о включении Калифорнии в состав Соединенных Штатов. Администрация, правда, пока еще не была готова отказаться от договорной модели внешней политики, поэтому дезавуировала действия ретивого флотоводца и принесла официальные извинения Мексике.

Все вышесказанное означает, что в начале 1840-х годов существовали предпосылки для возобновления территориальной экспансии на государственном уровне. Завершение борьбы по вопросам социально-экономического развития США поражением сторонников «Американской системы» и отказ от социально-экономических реформ укрепляли подобные настроения.

В 1842–1843 годах не было ясно, какое направление экспансии окажется доминирующим – южное или северо-западное. Движение на юг подразумевало аннексию Техаса и возможное столкновение с Мексикой, на северо-западе американцев ожидал Орегон и конфронтация с Великобританией. Присоединение Калифорнии имело сторонников среди представителей обоих указанных направлений, но рассматривалось в более отдаленной

перспективе. В любом случае осуществление экспансии оказывалось невозможным в рамках договорной модели: Мексика отказывалась признать независимость Техаса, а Великобритания не стремилась идти на уступки в Орегоне.

Отставка Дэниела Уэбстера в мае 1843 года предвещала резкую смену внешнеполитической линии. Его уход был predetermined многими причинами. Разрыв вигов с президентом ослабил позиции Уэбстера внутри партии настолько, что и далее оставаться в кабинете было для него равносильно политическому самоубийству. Усилились разногласия по внешнеполитическим вопросам между государственным секретарем и президентом. Уэбстер категорически возражал против аннексии Техаса, к которой склонялся Тайлер.

Выбор нового государственного секретаря играл определяющую роль в том, в каком направлении будет осуществляться экспансия. Тот факт, что единственной опорой Тайлера оставались радикальные круги южан – вне зависимости от их партийной принадлежности, predetermined победу южного пути. Наиболее вероятными кандидатами на пост государственного секретаря были министр Военно-морского флота, виргинец Абель Апшер и два представителя Южной Каролины – генеральный прокурор Хью Легаре и сенатор Джон Кэлхун. Не было принципиально, кто из них возглавит внешнеполитическое ведомство. Все три кандидата были южанами, сторонниками доктрины «прав штатов» и приверженцами рабства; они выражали интересы тех представителей южного общества, которые были заинтересованы в присоединении Техаса.

После ухода Уэбстера обязанности государственного секретаря временно исполнял Легаре, сохранивший за собой пост генерального прокурора. Легаре скоропостижно скончался, и 24 июня 1843 года главой Государственного департамента официально был назначен Апшер. С этого времени фактический контроль за американской внешней политикой оказался в руках узкого круга единомышленников-южан. Среди ближайших советников Тайлера по внешнеполитическим вопросам следует отметить Джона Кэлхуна, который станет следующим государственным секретарем после того, как в феврале 1844 года Апшер погибнет во время взрыва на военном корабле «Принстон»; Томаса Гилмера, в прошлом губернатора Виргинии, конгрессмена от этого штата, который позднее займет пост министра

Военно-морского флота и погибнет вместе с Апшером; Джорджа Макдаффи, в прошлом губернатора Южной Каролины, сенатора от этого штата.

Сразу после своего назначения Апшер активно приступил к решению тexasского вопроса. Его задача осложнялась тем, что в июне 1843 года Техас и Мексика заключили перемирие и при посредничестве Великобритании начались переговоры о дальнейшем статусе Техаса. Мексиканские власти были готовы предоставить Техасу широкую автономию, но настаивали на формальном сохранении своего суверенитета, в то время как тexasское правительство требовало безоговорочного признания независимости. Цель Великобритании заключалась в том, чтобы создать надежный барьер на пути экспансии США и не допустить аннексии Техаса. Британскую дипломатию равно устраивало признание Мексикой независимости Техаса – в этом случае Великобритания была готова выступить гарантом суверенитета Техаса и неизменности его границ, а также северных границ Мексики – или же формальное возвращение Техаса Мексике при фактическом установлении собственного протектората¹¹.

Пока существовала реальная надежда при помощи британской дипломатии договориться с Мексикой, тexasцы не спешили вступать в переговоры с Соединенными Штатами. Тexasские лидеры отдавали себе отчет, что администрация Тайлера вряд ли сумеет мобилизовать поддержку в пользу аннексии – слишком уж непопулярной была фигура американского президента, и слишком сильны были противоречия между Севером и Югом по вопросу о рабстве, который неизменно возникал в связи с аннексией.

16 октября 1843 года Апшер официально предложил Тexasской республике войти в состав США. Последовал холодный отказ. К зиме ситуация изменилась. Переговоры между Тexasом и Мексикой зашли в тупик: мексиканские власти отказывались признать независимость Техаса, а британская дипломатия ничего не предприняла, чтобы добиться подобного признания. В этих условиях президент Техаса Сэм Хьюстон с гораздо большим вниманием отнесся к предложениям американцев, а Апшер конфиденциально заверил представителей Техаса – без достаточных на то оснований, – что законодательная власть готова поддержать аннексию¹².

В отношении Мексики американское правительство заняло жесткую линию, недвусмысленно демонстрируя готовность

пойти на вооруженный конфликт из-за Техаса. Предупреждения Мексики, что аннексия может стать поводом к началу войны, рассматривались американской стороной как не стоящие внимания угрозы. Настроения экспансионистских кругов лучше всего выразил американский посланник в Мексике Уодди Томсон, отметивший, что ему трудно относиться к этой стране, населенной невежественными людьми, как к равному Соединенным Штатам противнику¹³.

Американские дипломаты пообещали Техасу военную помощь для защиты от Мексики на время обсуждения в сенате договора об аннексии, а также на неопределенный срок в будущем в том случае, если ратификация не состоится. Во исполнение этого обещания весной 1844 года американские военные корабли были направлены в Мексиканский залив, к границе с Техасом спешно выдвигалась «армия наблюдения» в составе двух пехотных и одного драгунского полков. Командующим «армии наблюдения», которой в случае агрессии со стороны Мексики следовало прийти на помощь тexasским войскам, был назначен генерал Закари Тейлор.

Обязательство, данное тexasцам, подразумевало готовность американского правительства к вооруженному конфликту с Мексикой и началу полномасштабной войны. Но как следует из инструкций, которые президент Хьюстон направил тexasским уполномоченным в Вашингтоне, предоставление военной помощи являлось непременным условием заключения договора¹⁴.

12 апреля 1844 года Джон Кэлхун, недавно вступивший в должность государственного секретаря, подписал договор о вхождении Техаса в состав Соединенных Штатов.

Решение возобновить экспансию вышло в недрах администрации Джона Тайлера на протяжении 1841–1843 годов. Все это время внешнеполитические вопросы оставались на периферии внимания американской общественности, что было обусловлено важностью обсуждения проблем социально-экономического развития страны.

Смена руководства Государственного департамента и последовавшее за этим заключение договора об аннексии Техаса означали переход американского правительства от договорной модели внешней политики к конфронтационной. Конфронтационная модель заключалась в обострении отношений с Мексикой и Великобританией (вплоть до начала войны), а также в резком

размежевании страны в связи с проблемой рабства, с которой теснейшим образом оказывалось связанным осуществление экспансии.

В то же время не было ясности и в том, готова ли страна поддержать новую конфронтационную внешнеполитическую модель, а также все внешне- и внутривнутриполитические осложнения, которые сопутствовали ее осуществлению. Ответ на этот вопрос должен был дать американский конгресс.

§ 2. Борьба за Техас

В Соединенных Штатах подготовка аннексии осуществлялась в глубокой тайне. Основная борьба по тexasскому вопросу предстояла на «внутреннем фронте», и преждевременная поляризация американского общества могла положить конец надеждам на включение Техаса в состав США. В августе 1843 года Кэлхун советовал Апшеру избегать публичного обсуждения тexasского вопроса до окончания переговоров¹⁵.

Однако договор об аннексии мог вступить в силу лишь после ратификации в сенате квалифицированным большинством в две трети. Действия законодательной власти во многом зависели от позиции американской общественности. Если население южных штатов поддерживало идею включения Техаса в состав США, то на Севере подобное предложение наталкивалось на мощную оппозицию, возглавляемую противниками распространения рабства.

Перед администрацией Тайлера стояла непростая задача: сформировать общественное мнение в поддержку аннексии, преодолев сопротивление северных штатов, не раскрывая в то же время готовящихся планов.

Первой ласточкой в этом направлении стало открытое письмо Томаса Гилмера, опубликованное в газете *Baltimore Republican and Argus* в январе 1843 года и практически немедленно перепечатанное в газете *Madisonian*, официальном печатном органе администрации Тайлера. Гилмер, на тот момент являвшийся простым конгрессменом, выражал якобы всего лишь личное мнение, кроме того, в письме отсутствовали какие-либо конкретные планы и предложения, что делало позицию аннексионистов менее уязвимой для критики.

Гилмер предсказывал скорую аннексию Техаса и выказывал уверенность в том, что эта мера принесет процветание всей

стране. Согласно его рассуждениям, основную экономическую выгоду от аннексии должен был получить Север, поскольку Техас представлял собой потенциальный рынок для «продуктов промышленности и сельского хозяйства нерабовладельческих штатов».

Он признавал, что наиболее распространенным аргументом против аннексии является существование там рабства. Отвергая это возражение, он утверждал, что противостояние свободных и рабовладельческих штатов угрожает целостности страны вне зависимости от присоединения Техаса. Сплотить же американцев, по его мнению, мог только внешний вызов и возобновление экспансии.

«Наш федеративный Союз, в силу лежащих в его основании принципов, способен к бесконечному расширению. Присоединение новых территорий и увеличение численности населения только усилят его и сделают его еще более благословенным», — писал Гилмер. Присоединение Техаса, согласно его точке зрения, должно было положить конец проникновению Великобритании на североамериканский континент, а также поставить на место Мексику, страну «фанатичных священников и наемников».

Гилмер не считал, что Соединенные Штаты должны ограничиться включением в свой состав Техаса. Наоборот, он выказывал уверенность, что за аннексией Техаса последует присоединение Орегона и Калифорнии¹⁶.

Письмо Гилмера содержало основные аргументы, которые будут использоваться экспансионистами в борьбе за Техас. Ответом на него стало появившееся в начале марта 1843 года «Обращение к гражданам свободных штатов Союза», подписанное 13 конгрессменами-вигами от северных штатов (впоследствии их число выросло до 21) во главе с Дж.К. Адамсом.

Адамс и его коллеги не питали иллюзий по поводу «личного мнения» одного из ближайших сподвижников президента. Они предупреждали, что южные экспансионисты, шесть лет назад спровоцировавшие отделение Техаса от Мексики, продолжают вынашивать планы аннексии этой республики. Включение в состав США обширных территорий, на которых уже существует рабство, по мнению авторов обращения, вело к увеличению количества рабовладельческих штатов и соответственно способствовало «увековечиванию рабства и укреплению господства рабовладельцев». «Обращение» заканчивалось призывом к севе-

рянам выступить единым фронтом против аннексии и предупреждением, что присоединение Техаса «будет означать расторжение Союза»¹⁷.

Опасения Адамса даже на Севере казались преувеличенными. «Мы надеемся, что ни в одной части страны не существует намерения поставить под угрозу безопасность этого Союза ради аннексии Техаса или какой-либо иной иностранной территории или народа. Если же подобный безумный проект будет всерьез представлен вниманию конгресса и его сторонники будут всерьез настаивать на его принятии, конгрессмены от свободных штатов должны решительно и незамедлительно положить ему конец», — писала в этой связи *Boston Atlas*¹⁸.

Весной — летом 1843 года администрация прощупывала почву в техасском вопросе, а уже осенью началось массированное пропагандистское наступление в поддержку экспансии. В конце октября — ноябре 1843 года *Madisonian* прямо заявила, что присоединение Техаса является основой процветания Юга, а также безопасности и целостности США. На страницах газеты утверждалось, что Великобритания стремится установить свое влияние в Техасе с единственной целью — добиться окончательной отмены рабства в Северной Америке. Особый акцент делался на утверждении гуманности рабства (в основе этого вывода лежало сравнение положения американских рабов и английских промышленных рабочих, состояние которых характеризовалось как «белое рабство»), благотворности и полезности этого института для страны в целом. Присоединение Техаса рассматривалось как «великая южная мера», направленная на противодействие аболиционистским устремлениям Великобритании¹⁹.

Наиболее активно существующие расовые предрассудки использовал Гилмер. В ответ на «Обращение к гражданам свободных штатов Союза» он восклицал: «Я спрашиваю трудящихся Севера, так же как я спрашиваю ослепленных страстью филантропов Севера, разве у вас недостаточно свободных негров? Разве свободное цветное население, численность которого растет со стремительной скоростью, уже не является более губительным и опасным для вас, чем рабы на Юге для нас или кого бы то ни было?»²⁰

Решимость администрации возобновить экспансию была очевидна, но не было ясно, в каком направлении она будет осуществляться. Ведущие нью-йоркские газеты — как вигские, так и

демократические – были уверены, что Тайлер предложит конгрессу принять Техас в состав Соединенных Штатов. *Philadelphia Public Ledger* выражала уверенность, что президент в первую очередь займется орегонской проблемой²¹.

В своем ежегодном послании конгрессу Тайлер затронул отношения Мексики и Техаса, подчеркнув независимый характер Техасской республики и ее право на самостоятельные действия на международной арене. Но о возможности аннексии не было сказано ни слова. В то же время, коснувшись американо-британских отношений, Тайлер заявил о претензиях США на весь Орегон: «Соединенные Штаты всегда утверждали, что их права простираются на всю территорию, лежащую на побережье Тихого океана между 49° и 54°40' северной широты»²².

«Существует значительная вероятность, что обе палаты конгресса примут закон, позволяющий правительству распространить свою военную и гражданскую власть на территорию Орегона, как это и было рекомендовано в послании президента... Очевидно, что в техасском вопросе наша позиция зависит от отношений с Великобританией и будет определена в соответствии с последующими обстоятельствами», – комментировала послание президента газета *New York Herald*²³.

Зимой 1843–1844 годов американская пресса не уделяла какого-либо серьезного внимания Техасу, предполагая, что экспансия в южном направлении не входит в ближайшие планы президента. В то же время печатные издания как в северных, так и в южных штатах активно обсуждали будущее Орегона. «Проблема Орегона приобретает сейчас первостепенную важность; внимание как Европы, так и Америки приковано к его судьбе», – писала в феврале 1844 года алабамская газета *Mobile Commercial Advertiser*²⁴.

Для сенаторов и конгрессменов необходимость включения Орегона в состав США также представлялась более важной, чем техасская проблематика. Соединенные Штаты «должны распространить свою власть на территорию Орегона, организовать территориальные органы власти и оставить в стороне презренную мысль, что подобный курс может вызвать неодобрение Великобритании», – заявил в январе конгрессмен Джон Уэнтворт (Иллинойс)²⁵.

Долгое время все сообщения о возможной аннексии Техаса воспринимались как необоснованные слухи. Представители виг-

ской партии долго не относились серьезно к протехасской агитации, постепенно набравшей силу в южных штатах, а имевшиеся сведения о возможности аннексии расценивали как «дело рук буйных смутьянов или заинтересованных спекулянтов»²⁶.

Лишь в середине марта в прессе появились первые сведения о готовящемся договоре с Техасом, и тот факт, что администрация Тайлера всерьез занимается этим вопросом, оказался для большинства американцев полной неожиданностью. «До самого недавнего времени мы не могли даже вообразить, что подобный проект найдет поддержку значительного числа членов правительства или что какой-либо политик, обладающий чуть большим политическим влиянием, чем всеми презираемый Джон Тайлер, решится на осуществление этой меры и выступит в ее поддержку», — писала *Boston Atlas*²⁷.

Скептицизм сменился лихорадочным беспокойством. В отсутствие достоверной информации выдвигались фантастические предположения. Неопределенность во внешнеполитическом курсе обеспокоила представителей деловых кругов. Слухи о готовящейся аннексии и последующей за ней «войной со всем миром» привели к падению курса акций на Уолл-стрит. Техасские ценные бумаги, наоборот, выросли в цене²⁸.

Заключение договора о вхождении Техаса в состав Соединенных Штатов сделало техасский вопрос наиболее актуальным в повестке дня. Правительство выступило инициатором экспансии, взяв курс на эскалацию международной напряженности, и открыто солидаризировалось с рабовладельческим Югом. Теперь все зависело от того, одобрит ли сенат договор, подписанный администрацией без ведома законодателей и без консультации с ними.

22 апреля, десять дней спустя после заключения договора с Техасом, президент Тайлер направил его в сенат. А 27 апреля, в один и тот же день, отношение к аннексии публично высказали Генри Клей и Мартин Ван-Бюрен, наиболее вероятные кандидаты от своих партий на предстоящих в ноябре президентских выборах.

Оба политика соизмеряли свои действия с необходимостью через полгода завоевать симпатии большинства американцев. Иным было положение Джона Тайлера. «Президенту без партии» не приходилось рассчитывать на переизбрание, кроме того, Тайлер и раньше не имел привычки соотносить свои поступки с политическими последствиями лично для себя. В этих условиях

присоединение Техаса вполне отвечало его стремлению войти в историю благодаря «великому» свершению.

Ни Клей, ни Ван-Бюрен не были заинтересованы в появлении на политической повестке дня столь взрывоопасного вопроса. Они оба отрицательно отозвались о заключенном с Техасом договоре и выступили против немедленной аннексии. Позиция Ван-Бюрена отличалась уклончивостью и неопределенностью. Высказав свое неодобрение политике администрации Тайлера, лидер демократов в то же время обещал в будущем пересмотреть свое мнение, если большинство американцев поддержат экспансию²⁹.

Точка зрения Клея была более последовательной. По его мнению, присоединение Техаса было «равнозначно началу войны с Мексикой». «Я считаю, что любая война является огромным бедствием, которого следует избегать, насколько это возможно, — продолжал Клей. — Мы должны строить наши отношения с другими странами, как сильными, так и слабыми, на основе чести, взаимного доверия и справедливости». Лидер вигов также высказывал опасение, что Соединенным Штатам не удастся ограничиться локальным конфликтом, и предупреждал о возможности эскалации насилия в том случае, если «Великобритания и Франция, или одна из этих держав, выступят на стороне Мексики».

Касаясь внутривнутриполитических последствий аннексии, Клей признавал, что как сторонники, так и противники присоединения Техаса стремятся повлиять на равновесие политических сил между Севером и Югом. Сам он считал неприемлемым присоединение новых территорий ради усиления одной части страны за счет ослабления другой. Признавая необходимость поддерживать дружественные отношения с независимой Техасской республикой, Клей полагал, что акцент в развитии Соединенных Штатов на ближайшие годы должен быть сделан на внутренние реформы, а не на территориальную экспансию³⁰.

Обсуждение договора в сенате продолжалось в течение полутра месяца — до 8 июня. Наиболее ожесточенные противоречия во время обсуждения договора были связаны с двумя проблемами: с рабством и угрозой войны с Мексикой.

Внешнеполитические осложнения, которые должны были последовать за присоединением Техаса, стали веским аргументом против экспансии. Стремление администрации использовать конфронтационную модель для решения внешнеполитиче-

ских проблем не нашло понимания в конгрессе. Позицию противников немедленной аннексии наиболее последовательно выразил Томас Бентон, близкий друг и соратник Ван-Бюрена: «Война с Мексикой, к которой приведет ратификация договора, является... наиболее важным возражением против аннексии»³¹.

Между тем казалось, президентская администрация сделала все возможное для обострения конфликта с Мексикой, что давало дополнительные аргументы противникам экспансии. Договор предусматривал вхождение Техаса в состав Соединенных Штатов, однако не указывал границ присоединяемой территории. Но в действительности власть техасцев не простиралась далее реки Нуэсес, в то время как большая часть территорий, на которые они претендовали, находилась под контролем Мексики.

Выступая в сенате, Бентон заявил, что кроме собственно Техаса договор предусматривает присоединение к США территорий, принадлежащих четырем мексиканским штатам – Новой Мексике, Чиуауа, Коауиле и Тамаулипасу, причем столица Новой Мексики Санта-Фе также оказывается включенной в США. Подчинение этих территорий, продолжал рассуждения Бентона сенатор Спенсер Джарнагин, возможно лишь силовым путем³².

Бурю возмущения в сенате вызвали обещание президента оказать военную помощь Техасу и последовавшая за этим передислокация американских вооруженных сил. Поскольку Техас еще не стал частью Соединенных Штатов, действия президента в этом вопросе выглядели, по меньшей мере, двусмысленно.

Противники аннексии рассматривали подобные меры как неприкрытую агрессию против Мексики. Бентон обвинил президента в превышении конституционных полномочий. По его мнению, соглашения о военной помощи и отправка войск в поддержку Техаса означали негласное объявление войны в обход предусмотренной законом процедуры. Сенат дважды направлял запрос президенту о причинах, характере и целях военных приготовлений, которые осуществлялись на границах с Техасом и в Мексиканском заливе. Тайлер расценил свои действия как оборонительные, поскольку Мексика неоднократно заявляла, что считает включение Техаса в состав США достаточным поводом для начала войны.

Главные возражения сенаторов против аннексии были связаны с вопросом о рабстве. Присоединяемая территория была достаточно большой для создания четырех-пяти динамично раз-

вивающихся рабовладельческих штатов. Подобное усиление позиций рабовладельцев было неприемлемо для северян. Сенатор Дж. Криттенден заявил, что на Севере присоединение Техаса недопустимо из-за распространения рабства. Дж.К. Адамс рассматривал проблему аннексии Техаса как «великую борьбу между рабством и свободой»³³.

Обсуждение вопроса о рабстве в связи с присоединением Техаса ставило под удар партийное единство и вигов, и демократов. Партии обладали примерно равной поддержкой на Юге и на Севере, в их рядах находились как сторонники, так и противники рабства. В обеих партиях четко прослеживались три позиции по изучаемому вопросу. Многие южане выступали за присоединение Техаса. На Севере были сильны позиции противников рабства аннексии. Наиболее многочисленную группу как у вигов, так и у демократов составляли колеблющиеся элементы, опасавшиеся, что борьба по техасскому вопросу вызовет раскол партий и поставит под сомнение единство Союза.

В целом для вигов было характерно более сдержанное отношение к экспансии как таковой, но продвижение на Юг представлялось им менее желательным, чем территориальные приобретения на северо-западе. В демократической партии представители «болота» были настроены проэкспансионистски и благосклонно относились к аннексии, если при этом удастся избежать обсуждения проблемы рабства.

Для ратификации договора сторонникам аннексии следовало решить две прямо противоположные задачи. С одной стороны, было необходимо убедить представителей северных штатов, что вхождение Техаса в состав США приведет к расширению рынков сбыта для промышленных товаров и зерновых культур, производимых на Севере, и одновременно приблизит ликвидацию рабства. С другой стороны, требовалось доказать южанам, что в их интересах добиться осуществления аннексии в самое ближайшее время, поскольку лишь присоединение Техаса способно в полной мере защитить и укрепить собственность рабовладельцев. При этом если аннексия действительно отвечала интересам южан, то для Севера преимущества присоединения Техаса были мнимыми.

Стремление «умиротворить» Север в вопросе о рабстве получило наиболее оформленный вид в «Письме относительно присоединения Техаса», автором которого являлся сенатор-

демократ от Миссисипи Роберт Уокер (в будущем министр финансов и автор тарифа 1846 года). «Письмо» было опубликовано в газете *Washington Globe* в феврале 1844 года, а позднее вышло в виде отдельного памфлета.

Основной тезис Уокера заключался в том, что аннексия ускорит отмену рабства в Соединенных Штатах. Рассуждения Уокера строились следующим образом: почвы в штатах «старого Юга» уже истощены, и это делает ведение там плантационного хозяйства невыгодным, особенно по сравнению с плодородными и еще нетронутыми землями Техаса; за его вхождением в состав США последует массовая миграция плантаторов со своими рабами на новые территории, в результате чего в самое ближайшее время рабство исчезнет вначале в «пограничных штатах», а затем и на всем «старом Юге»; что же касается Техаса, то и там экстенсивное ведение сельского хозяйства через несколько десятков лет должно привести к истощению земель и превращению рабства в экономически невыгодное, а это, в свою очередь, вынудит рабовладельцев освободить рабов, которые переселятся в Мексику или на острова Карибского моря³⁴.

Аргументы Уокера неоднократно повторялись его коллегами-аннексионистами в стенах конгресса. Так, сенатор Джеймс Бьюкенен заявлял, что отток рабов в Техас приведет к превращению Мэриленда, Виргинии, Кентукки, Миссури, а впоследствии и других южных штатов в свободные. Председатель комитета по международным отношениям в палате представителей Чарльз Ингерсол (Пенсильвания) опубликовал статью в *Washington Globe*, вскоре вышедшую в виде памфлета, где повторял основные положения Уокера. В стороне от дискуссии не остались и члены администрации. Военный министр Уильям Уилкинс в обращении к избирателям от своего штата вслед за Уокером утверждал, что аннексия Техаса приведет к скорой отмене рабства во всех южных штатах, после чего свободные негры добровольно покинут Соединенные Штаты³⁵.

Но ни сам автор «Письма», ни большая часть из тех, кто повторял подобные аргументы, не относились к ним серьезно. Осенью 1844 года Уокер выпустил другой памфлет, «Юг в опасности», в котором доказывалась необходимость присоединения Техаса для защиты института рабства³⁶.

Сложно оценить, насколько успешной была пропагандистская кампания, начатая Уокером в северных штатах, — против-

ники рабства осознавали надуманность перечисленных доводов. В то же время противники экспансии на свой лад использовали утверждения аннексионистов, что присоединение Техаса будет способствовать освобождению рабов. Выступая против аннексии, сенаторы-южане У. Арчер, С. Джарнагин, Дж. Беррисн обосновывали свою позицию опасениями, что присоединение Техаса приведет к катастрофичным для Юга последствиям: падению цен на землю и рабов, отмене рабства в «пограничных штатах» и резкому ослаблению влияния рабовладельцев в Соединенных Штатах³⁷.

Существовала возможность компромиссного решения этого вопроса – ограничение или же полная отмена рабства в Техасе позволили бы нейтрализовать возражения противников аннексии в северных штатах. Наиболее последовательно этот подход отстаивал Томас Бентон, однако его голос так же как и другие подобные предложения, услышаны не были. Экспансия без рабства не интересовала южан. «Принять Техас в качестве свободного штата или согласиться на его существование в качестве независимого и суверенного нерабовладельческого государства будет губительным для Союза», – писал Кэлхун Апшер³⁸.

Для многих жителей южных штатов рабство являлось социальным, экономическим и политическим институтом, необходимым для обеспечения «мира, безопасности и процветания» всей страны, а также единственно возможной формой отношений между белой и черной расами. В условиях, когда Государственный департамент оказался под контролем наиболее радикальных представителей южного общества, не вызывает удивления тот факт, что защита института рабства стала главным аргументом в пользу аннексии.

Аболиционистские устремления Великобритании и ее желание видеть Техас свободным от рабства вызывали страх у южан. Кэлхун, Апшер, Гилмер и их единомышленники рассматривали действия Великобритании как часть «всемирного заговора аболиционистов», направленного на полную ликвидацию рабовладения в Соединенных Штатах³⁹.

В письмах, адресованных британскому посланнику в США Ричарду Пакенхему (от 18 и 27 апреля 1844 года), а также в обращении к министру иностранных дел Мексики Хосе Марии Боканегре Кэлхун прямо заявил, что сохранение рабства является важнейшей целью американской внешней политики и что при-

соединение Техаса воспрепятствует аболиционистским планам Великобритании в Западном полушарии⁴⁰.

Письма Кэлхуна, которые вскоре были опубликованы, еще больше поляризовали американское общество. Позиция государственного секретаря подверглась резким нападкам противников присоединения Техаса и вызвала откровенное недоумение многих сторонников аннексии на Севере. Так, Чарльз Ингерсол считал, что Кэлхун «совершил большую ошибку, выступив в защиту рабства в письме к Пакенхему»⁴¹, а другой конгрессмен-демократ Роберт Оуэн (Индиана) заявил, что приведенные Кэлхуном причины для присоединения Техаса являются «плохими доводами в пользу хорошего дела»⁴².

Вопрос о ратификации договора с Техасом был поставлен ан итоговое голосование 8 июня 1844 года. Два основных фактора определили позицию сенаторов: партийная принадлежность и позиция по проблеме рабства. Из 52 сенаторов 28 являлись вигами (15 южан и 13 северян) и 24 – демократами (11 южан и 13 северян). Таким образом, для присоединения Техаса требовалось преодолеть размежевание между демократами и вигами, между Югом и Севером.

Апшер, а после его гибели и Кэлхун намеревались добиться ратификации договора, сплотив голоса всех демократов (как северян, так и южан) и всех представителей южных рабовладельческих штатов (как вигов, так и демократов). При подобном раскладе за присоединение Техаса должны были проголосовать 39 из 52 сенаторов. Когда в самом начале 1844 года Апшер высказывал уверенность, что ему удастся заручиться поддержкой необходимого числа сенаторов, он исходил из подобных расчетов.

Именно поэтому Апшер и Кэлхун в качестве главного аргумента в поддержку аннексии использовали необходимость защиты рабства на Юге, а Кэлхун направил в сенат копии своих посланий Пакенхему и Боканегре. Основная цель этих маневров заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой вигов от рабовладельческих штатов, расколов партийное единство северных и южных вигов. Одновременно экспансионисты надеялись, что северное крыло демократов поддержит аннексию, невзирая на столь радикальную постановку проблемы, «руководствуясь не доводами администрации, но условиями самого договора»⁴³.

Однако расчетам экспансионистов не суждено было оправдаться. Уже в середине апреля стало ясно, что сторонники ан-

нексии не смогут собрать необходимые две трети голосов. Более того, подавляющее большинство сенаторов выступили против присоединения Техаса. Сенат отклонил договор о вхождении Техаса в состав США 16 голосами против 35⁴⁴.

Из 28 вигов в сенате против ратификации договора выступили 27 (14 от южных и 13 от северных штатов), и один южный виг (Джон Хендерсон от Миссисипи) поддержал аннексию. Из 23 демократов, участвовавших в голосовании, «за» высказались 15 (10 южан и 5 северян), в то время как 8 демократов примкнули к противникам присоединения Техаса (7 северян и 1 южанин — Томас Бентон). Представители рабовладельческих штатов более благосклонно отнеслись к присоединению Техаса: против ратификации договора голосовали 20 северян и 15 южан, в его поддержку выступили 11 южан и 5 северян. Лишь один сенатор из Новой Англии (Левая Вудбери) поддержал аннексию.

Отказ от присоединения Техаса летом 1844 года определялся неготовностью законодательной власти, в отличие от исполнительной, к переходу от договорной внешней политики к конфронтационной. Сенаторы голосовали против аннексии, желая избежать обострения международных отношений и размежевания американского общества в связи с проблемой рабства.

Если виги выступили буквально единым фронтом, то демократы оказались разобщены обсуждением вопроса о рабстве. Обсуждение техасского вопроса наглядно продемонстрировало, что южане претендуют на лидерство в демократической партии, рассчитывая превратить ее из общенационального института в орудие рабовладельцев. Сторонники Ван-Бюрена открыто выступили против этой тенденции, однако оказались в меньшинстве: партийная машина Ван-Бюрена уже не была всесильной.

Иной была ситуация в стане вигов. В преддверии президентских выборов необходимость сохранения партийного единства представляла для них первоочередную задачу — слишком свежи были воспоминания о том, чем чреваты внутрипартийные распри. Южные виги в силу своей относительной слабости не могли претендовать на лидерство в партии. Как показало обсуждение социально-экономических вопросов, южное крыло партии ориентировалось на северных вигов. На Юге виги пользовались поддержкой прежде всего тех социальных групп, интересы которых были тесно связаны с развитием рыночных отношений и которые были заинтересованы в укреплении союза с буржуазией Севера.

Кроме того, крупные плантаторы, которые играли существенную роль в руководстве партии вигов на Юге, не были напрямую заинтересованы в аннексии Техаса. Их вполне устраивало существующее положение дел, и они отнюдь не стремились продавать свои земли и осваивать техасские просторы в расчете на то, что ведение плантационного хозяйства на новых территориях окажется более выгодным. Южные виги были заинтересованы в сохранении и упрочении рабовладения, однако они напрямую не связывали вопрос об аннексии Техаса с проблемой распространения рабства.

Ряд политических деятелей были согласны на присоединение Техаса консенсусным путем. Это стремление наиболее полно выразил сенатор Томас Бентон. Согласно его предложениям, аннексия становилась возможной на следующих условиях: Мексика признает независимость Техаса, граница между этими двумя республиками устанавливается несколько западнее реки Нуэсес таким образом, что большая часть спорных земель отходит к Мексике, на присоединяемой к США территории создаются пять штатов, три из которых будут рабовладельческими, а два — свободными⁴⁵.

В целом можно констатировать, что с конца 1843 года в политической повестке дня США первое место заняли внешнеполитические проблемы. Перспективы возобновления экспансии начинают активно обсуждаться на различных уровнях — в правительстве, в конгрессе, а также широкими кругами общественности. Существовали предпосылки для продвижения как в южном направлении (Техас), так и в северо-западном (Орегон). Поскольку контроль за внешней политикой осуществляли южане (Тайлер, Апшер, Кэлхун), выбор был сделан в пользу Техаса.

Первый этап борьбы по проблеме экспансии окончился поражением экспансионистов. Более двух третей сенаторов отказались ратифицировать договор о присоединении Техаса. Главной причиной подобного исхода стала позиция лидеров обеих ведущих политических партий — Мартина Ван-Бюрена и Генри Клея, одновременно выступивших против аннексии.

Между тем становилось очевидным, что осуществление экспансии возможно лишь при использовании конфронтационной модели. В течение двух предшествующих десятилетий правительство США стремилось расширить границы страны, действуя в рамках договорной модели, но никаких территориаль-

ных приобретений в 1820-е, 1830-е и начале 1840-х годов сделано не было. Это определялось как обстановкой на международной арене, так и расстановкой сил внутри США: сопротивление экспансии со стороны Мексики и Великобритании можно было преодолеть лишь с позиций силы, в то же время компромисс внутри страны по вопросу о рабстве оказывался недостижимым.

§ 3. Проблема присоединения новых территорий в предвыборной кампании 1844 года

Поражение экспансионистов весной – летом 1844 года носило временный характер. Отказ сената ратифицировать договор с Техасом стал началом борьбы по вопросу экспансии. Пока шли дебаты в конгрессе, сторонники аннексии смогли привлечь к судьбе Техаса внимание избирателей. Проблема присоединения новых территорий заняла центральное место в набирающей ход предвыборной кампании.

Выступление Генри Клея и Мартина Ван-Бюрена в апреле 1844 года с осуждением присоединения Техаса имело своей целью не допустить размежевания американского общества по внешнеполитическим вопросам. Точка зрения Клея нашла поддержку среди высшего и среднего звена руководства вигской партии не только на Севере, но и на Юге.

Северные виги являлись последовательными противниками аннексии. Наиболее громко в техасском вопросе звучали голоса «старых» политиков, Джона Квинси Адамса и Дэниела Уэбстера, но не менее важным было влияние «молодых» лидеров, Уильяма Сьюарда и Терло Уида. Решительная позиция, которую Клей занял в техасском вопросе, была вызвана необходимостью заручиться поддержкой северных вигов. На Севере его традиционно воспринимали как ставленника южан, и на партийном конвенте 1839 года заигрывание Клея с рабовладельцами стоило ему президентской номинации. Северные виги были единодушны в своем неприятии аннексии – такие издания, как *New York Tribune*, *Boston Atlas*, *Boston Courier*, *Cincinnati Gazette*, выступали против экспансии в целом и против присоединения Техаса в частности. Письмо Клея заслужило их самую высокую оценку.

На Юге расклад был неоднозначным. Лидеры южных вигов (среди наиболее влиятельных следует отметить Дж. Криттендена, Дж. Берриена, А. Стефенса) вынуждены были считаться с

тем, что ведущая роль в партии принадлежала северному крылу, и не торопились поддерживать аннексию. Кроме того, они были заинтересованы в государственном стимулировании развития экономики, соответственно переключение общественного внимания на внешнеполитические вопросы оказывалось не в их интересах.

Выражая подобную позицию, северокаролинская *Raleigh Register* вопрошала: «Разве не стоит обладателям мятущихся душ, которые взяли на вооружение лозунг “Техас сейчас или никогда”, посмотреть чуть дальше своего носа? Есть ли смысл в безумном порыве патриотизма рваться вперед с завязанными глазами “не заботясь о последствиях”? Неужели они рассчитывают, что наше правительство способно объять весь североамериканский материк, от Северного полюса до Панамы, от мыса Код до Калифорнии?»⁴⁶

Однако среди рядовых избирателей и активистов вигской партии на местах были широко распространены протехасские настроения, что, правда, не мешало им сплотиться вокруг Клея. В этой связи отделение партии вигов в Чарльстоне (Южная Каролина) приняло следующую резолюцию: «Вопрос о целесообразности включения Техаса в состав Союза остается открытым, и все члены местного отделения партии свободны в выборе своей позиции; выбранная точка зрения ни в коей мере не должна влиять на их поддержку кандидатуры Клея на президентских выборах, равно как и на отношение друг к другу»⁴⁷.

На прошедшем 1 мая в Балтиморе конвенте вигов Клей стал общенациональным кандидатом в президенты от своей партии. Его номинацию одобрили даже те виги, которые открыто поддерживали аннексию. В предвыборной платформе высоко оценивались личные достоинства Клея и тщательно обходились все спорные внутри- и внешнеполитические вопросы.

Более сложной оказалась ситуация в демократической партии. Мартин Ван-Бюрен опасался, что обсуждение техасского вопроса и связанной с ним проблемы рабства вызовет раскол между северными и южными демократами. Ван-Бюрен решил занять компромиссную позицию, надеясь, что это позволит ему не оттолкнуть ни сторонников, ни противников аннексии. Однако его расчеты оказались неверны. Отказавшись поддержать немедленное присоединение Техаса, Ван-Бюрен настроил против себя южное крыло демократов. От него отвернулись не только

радикальные южные круги партии, ориентировавшиеся на Кэлхуна, но и абсолютное большинство политиков-демократов из южных штатов⁴⁸.

В техасском вопросе сторонники Ван-Бюрена вскоре оказались в изоляции. Его основные соперники в борьбе за право стать кандидатом в президенты от демократической партии – бывший вице-президент США Ричард Джонсон (Кентукки) и Льюис Касс (Мичиган) – высказались в поддержку немедленно включения Техаса в состав США. «Каждый день я все сильнее убеждаюсь, что большая часть американского народа поддерживает аннексию... и чем скорее она будет осуществлена – тем лучше», – заявил Касс. Присоединение Техаса поддержали и влиятельные северные демократы Левай Вудбери и Джеймс Бьюкенен, а также коммодор Чарльз Стюарт (Пенсильвания), готовые оспорить президентскую номинацию. «Важность и разумность немедленной аннексии тем более очевидна, что опыт доказывает – упущенные возможности в государственных делах редко предоставляют второй шанс», – писал Стюарт⁴⁹.

Сторонники аннексии нашли влиятельного союзника в лице основателя демократической партии экс-президента Эндрю Джексона, который включился в обсуждение перспектив экспансии. Он утверждал, что присоединение Техаса необходимо для укрепления безопасности южных границ США. Некоторое время Джексон еще надеялся примирить Ван-Бюрена с аннексионистами, но, в конце концов, экспансия оказалась для престарелого генерала важнее, чем сентиментальные чувства к Ван-Бюрену⁵⁰.

Противоречивостью отличались и публикации в демократической прессе. Вплоть до середины апреля официальный орган демократической партии *Washington Globe* не спешил делать достоянием общественности свою позицию по техасскому вопросу. Однако 15 апреля была опубликована статья, которая, как казалось, расставила все на свои места.

Редакция *Globe* не скрывала экспансионистских пристрастий. Если в предшествующие месяцы на страницах газеты появлялись материалы, обосновывающие необходимость присоединения Орегона, то теперь наиболее актуальным внешнеполитическим шагом представлялась аннексия Техаса. Основным препятствием на пути присоединения новых территорий, с точки зрения редакции газеты, являлись Великобритания и «бри-

танская партия» в США – виги. Не исключая возможности войны, *Globe* высказывала уверенность, что со стороны США «эта война будет вестись не за Техас или Орегон, но за Канаду и Ньюфаундленд»⁵¹. Но сразу после публикации письма Ван-Бюрена *Globe* была вынуждена умерить восторги по поводу аннексии.

Даже в родном штате Ван-Бюрена Нью-Йорке, где демократы рассматривали его в качестве единственно возможного кандидата, в партии не было единства по вопросам экспансии. О ненужности включения Техаса в состав Соединенных Штатов постоянно писала *New York Evening Post*. Такие издания, как *New York Herald* и *New York Journal of Commerce*, ведущий орган деловых кругов Нью-Йорка, наоборот, всячески поддерживали аннексию.

«Наше твердое убеждение заключается в том, что рано или поздно не только Техас, но и Мексика, Канада и Орегон будут включены в состав великой Североамериканской республики. Это судьба, – писала *Herald*. – Мы поддерживаем аннексию Техаса, каков бы ни был риск, какова бы ни была связанная с этим опасность. Мы считаем, что аннексию необходимо осуществить сегодня, завтра, послезавтра или в самом ближайшем будущем. Мы выступаем не только за аннексию Техаса, но и всего североамериканского материка, включая Канаду, Мексику, Орегон, а также все территории между Северным полюсом и Панамским перешейком»⁵².

Пока Ван-Бюрен оставался наиболее вероятным претендентом на демократическую номинацию, большинство партийных изданий поддерживали его кандидатуру. Более того, для экспансионистски настроенной демократической прессы было характерно искусственное противопоставление точек зрения Клея и Ван-Бюрена в тексасском вопросе.

Характерной является позиция *Cincinnati Enquirer* (Огайо). Клей, утверждала редакция, «выступает против аннексии при любых обстоятельствах, вне зависимости от того, удастся ли избежать при этом войны с Мексикой или нет, вне зависимости от того, существует ли у Великобритании намерение колонизировать Техас или нет». В то же время письмо Ван-Бюрена трактовалось как принципиальное одобрение присоединения Техаса, а сам он рассматривался в качестве кандидата аннексионистов. Сравнивая послания Клея и Ван-Бюрена, *Mobile Commercial*

Advertiser (Алабама) заявляла, что лидер демократов высказался в пользу аннексии. Однако тут же следовала важная оговорка: «Если это не соответствует действительности, то мы не можем поддержать Ван-Бюрена»⁵³.

На протяжении мая 1844 года *North Carolina Standard* продолжала рассматривать Ван-Бюрена как наиболее вероятного кандидата демократов на ноябрьских выборах. В то же время тон публикаций свидетельствовал, что для северокаролинских демократов гораздо более предпочтительными оказывались те политики, которые открыто выступали за «немедленную аннексию», среди них Касс, Вудбери, Джонсон. В другой северокаролинской газете *Democratic Signal* аргументы Ван-Бюрена расценивались как «искусные и хитроумные», однако абсолютно неудовлетворительные в плане причин, по которым «немедленные действия следует отложить ради дополнительных обсуждений». Одно из наиболее авторитетных изданий демократической партии на Юге, виргинская *Richmond Enquirer*, признавала недостаточную обоснованность позиции Ван-Бюрена, но не оставляла надежды на то, что его сторонники и аннексионисты в конечном счете смогут достигнуть взаимопонимания⁵⁴.

Рядовые демократы на Юге негативно относились к идее компромиссов по техасскому вопросу. В опубликованном в газете *North Carolina Standard* «письме с мест» точка зрения Ван-Бюрена в этом вопросе противопоставлялась мнению всех остальных членов партии. Вывод был прост: демократы не смогут добиться успехов на ноябрьских выборах, если их кандидатом станет Ван-Бюрен или любой иной политик, не выступающий за немедленную аннексию. Непримируемое отношение к Ван-Бюрену отличало Южную Каролину. Ведущая демократическая газета штата *Charleston Mercury* оценивала его позицию как «непоследовательную и антиамериканскую»⁵⁵.

Апогеем размежевания внутри демократической партии по вопросу экспансии стал конвент демократов, проходивший с 27 по 30 мая в Балтиморе. Большинство делегатов имели инструкции голосовать за Ван-Бюрена, который контролировал партийную машину. В этих условиях открытое противоборство не сулило экспансионистам успеха. Поэтому южане выступили с, казалось бы, невинным предложением (его озвучил конгрессмен от Северной Каролины Ромул Сондерс), чтобы кандидат в президенты избирался не простым большинством, а двумя третями

конвента. Это правило, как заявил один из наиболее последовательных сторонников аннексии Роберт Уокер, было незаслуженно забыто на предыдущих выборах, тогда как в 1832 и 1836 годах его использование принесло демократам победу⁵⁶.

Правило двух третей было направлено против Ван-Бюрена — южан не устраивала его позиция по тexasскому вопросу, а без их поддержки было невозможно набрать требуемые две трети голосов. Незадолго до конвента друзья экс-президента предупреджали его об опасности развития событий по подобному сценарию⁵⁷.

Ван-Бюрен осознавал деликатность ситуации, в которой он оказался, и внутренне уже был готов, что кандидатом демократов в этом году может стать кто-то другой. За неделю до начала работы конвента он конфиденциально выразил готовность снять свою кандидатуру в пользу своего ближайшего друга и соратника Сайласа Райта. Таким образом, пожертвовав личными амбициями и отказавшись от борьбы за Белый дом, Ван-Бюрен рассчитывал сохранить контроль за партией в своих руках⁵⁸. Главный недостаток подобной схемы заключался в том, что кандидатура Райта была столь же неприемлема для южного крыла демократов.

Голосование по предложению Сондерса продемонстрировало шаткость положения Ван-Бюрена в партии. Большинство членов конвента имели предписания голосовать за Ван-Бюрена, но отношение к нему не было однозначным. Поэтому при обсуждении технического вопроса о способе избрания кандидата, который будто бы и не подразумевал дискриминацию ни одного из претендентов, экс-президент потерпел поражение⁵⁹.

Правило двух третей было принято 148 голосами против 118. Южане практически единодушно поддержали предложение Сондерса — лишь в делегациях Северной Каролины и Мэриленда оказалось несколько несогласных. За изменение механизма выдвижения кандидата в президенты высказались треть северных демократов. В рядах противников бывшего президента оказались целиком делегации Нью-Джерси, Индианы, Иллинойса и Мичигана, голоса представителей Массачусетса, Вермонта, Род-Айленда, Коннектикута и Пенсильвании разделились поровну⁶⁰.

Ход и результаты голосования по выбору кандидата в президенты от демократической партии на конвенте представлены в следующей таблице.

Голосование по выбору кандидата в президенты от демократической партии США на конвенте в Балтиморе в 1844 году⁶¹

Претенденты	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX-1	IX-2
Ван-Бюрен	146	127	121	111	103	101	99	101	—	—
Касс	83	94	92	105	107	116	123	114	20	—
Джонсон	24	33	38	32	29	25	22	—	—	—
Бьюкенен	4	9	11	17	20	23	21	—	—	—
Кэлхун	6	1	2	—	—	—	—	—	—	—
Вудбери	2	1	2	—	—	—	—	—	—	—
Стюарт	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Полк	—	—	—	—	—	—	—	44	74	266

Как видно из таблицы 3-1, первый же тур голосования наглядно продемонстрировал, что по новым правилам Ван-Бюрен не может рассчитывать на номинацию. После того как экс-президент фактически сошел с дистанции, наиболее вероятным претендентом на номинацию казался лидер северо-западных демократов Льюис Касс. В пятом туре Касс опередил Ван-Бюрена, но уже в седьмом туре достиг своего потолка – 123 голоса. Касс получил две трети голосов представителей южных и северо-западных штатов (95 из 153), в то время как демократы Северо-Востока продолжали ориентироваться на Ван-Бюрена (73 из 112). Ван-Бюрена и Касса разделяла личная вражда, а без поддержки сторонников отвергнутого вице-президента было невозможно набрать необходимые две трети голосов.

Когда стало ясно, что демократы зашли в тупик, впервые прозвучало имя Джеймса Полка. Полк не был известен широким кругам избирателей. Его высшим достижением в политике была должность спикера палаты представителей в конгрессе США (1835–1839) и губернатора Теннесси (1839–1841). Двукратное поражение на губернаторских выборах – в 1841 и 1843 годах – ухудшили его и без того неблестящие политические перспективы.

Изначально Полк не входил в число политиков, собиравшихся оспаривать президентскую номинацию. Накануне конвента его надежды не шли дальше возможности баллотироваться на пост вице-президента. Однако Полк обладал рядом нема-

ловажных преимуществ. Он представлял штат Теннесси, в результате чего как южные, так и западные демократы воспринимали его как «своего». Он сразу и недвусмысленно высказался в поддержку аннексии, его связывала близкая личная дружба с Эндрю Джексоном и Джоном Кэлхуном. В отличие от Касса, Полк никогда не противопоставлял себя Ван-Бюрену, что делало его кандидатуру в принципе приемлемой для демократов от северо-восточных штатов.

Первоначально кандидатуру Полка поддержали демократы от юго-западных штатов. В середине девятого тура, однако, произошел перелом. К этому моменту свое мнение выразили делегации 13 штатов: Полк получил 74 голоса, Касс – 20. Неожиданно две крупные делегации – Нью-Йорка и Виргинии (36 и 17 делегатов соответственно) дружно проголосовали за Полка как за компромиссную фигуру. Их примеру последовали все остальные члены конвента, включая те 20 человек, которые только что высказались в пользу Касса. Согласно окончательному протоколу, в девятом туре Полк получил все 266 голосов делегатов⁶².

Ход и результат конвента свидетельствовали, что возглавляемые Ван-Бюреном демократы Северо-Востока потеряли контроль над партией. Усилился союз демократов Северо-Запада и Юга, в котором ведущая роль принадлежала южанам. Благодаря этому на президентских выборах 1844 года демократы смогли поднять знамя экспансии – представители северо-западных штатов поддержали аннексию Техаса, а южане, в свою очередь, высказались за включение в состав Соединенных Штатов всей территории Орегона, вплоть до 54°40' северной широты. Принятая на конвенте предвыборная платформа содержала требование присоединения как Техаса, так и Орегона в самые ближайшие сроки⁶³.

Реакция демократов на выдвижение Полка была противоречивой. В южных и северо-западных штатах Полка характеризовали как «талантливую и целеустремленную государственного деятеля» и утверждали, что решение конвента должно служить «источником глубокого удовлетворения для каждого настоящего патриота нашей страны»⁶⁴.

Связанная с Ван-Бюреном политическая элита партии даже не пыталась скрыть своего разочарования тем, что президент сошел с предвыборной дистанции. Наибольшей рез-

костью отличалась реакция нью-йоркских демократов. «Еще никогда ни одна партия не выдвигала более нелепой, безнадежной и достойной презрения кандидатуры, — так комментировала итоги работы конвента в Балтиморе *New York Herald*. — Клей почти что наверняка победит осенью с небывалым перевесом голосов». Редакция *New York Journal of Commerce* не испытывала никаких сентиментальных чувств к экс-президенту, но выражала недоумение тем, что выбор пал на «темную лошадку» Полка, а не на одного из более известных политиков, например Касса или Джонсона. *Washington Globe* даже не пыталась скрыть своего огорчения поражением Ван-Бюрена⁶⁵.

Однако демократы в сжатые сроки сумели преодолеть размежевание, столь наглядно проявившееся в Балтиморе. Символическим жестом доброй воли по отношению к северо-восточному крылу партии стало выдвижение на должность вице-президента Сайласа Райта. Райт, правда, отклонил это предложение, предпочтя баллотироваться в ноябре на пост губернатора Нью-Йорка, но Полка поддержал. Доброжелательное отношение Джексона к новому кандидату в президенты и неангажированность Полка во внутрипартийных конфликтах также работали на него. Не прошло и недели, как Полк стал официальным кандидатом демократов, а партия уже сплотилась вокруг него. После того как сам Ван-Бюрен публично одобрил кандидатуру Полка, все разногласия были забыты⁶⁶.

В предвыборной кампании 1844 года элемент альтернативности возобладал над консенсусом в отношениях между партиями. Лозунгом демократов стала необходимость возобновления экспансии и ее осуществления как в южном, так и в северо-западном направлениях. Виги выступали против экспансии, делая акцент на важности решения социально-экономических вопросов.

Основное внимание на страницах газет, в многочисленных памфлетах, на массовых собраниях в городах и местечках уделялось аннексии Техаса. Второе место по важности занимал тариф, в то время как все остальные проблемы, включая Государственный банк, который ряд вигов все еще надеялись реанимировать, и столь дорогой для северо-западных демократов Орегон, практически и не упоминались.

Между тем обсуждение аннексии Техаса подрывало двухпартийную систему демократы — виги. Присоединение Техаса

вело к усилению рабовладельческого Юга и грозило нарушить сложившийся в стране баланс сил. Южные виги и демократы оказывались по одну сторону баррикад, а их северные коллеги – как демократы, так и виги – по другую. Впереди замаячила угроза раскола американского общества по линии Север – Юг.

На протяжении лета и осени 1844 года предвыборная гонка определялась двумя разнонаправленными моментами. Фактически партии вели две разные предвыборные кампании – одну на Севере, другую на Юге.

Наиболее радикальные элементы в обеих партиях: демократы Южной Каролины, с одной стороны, и виги Массачусетса – с другой, стремились четко обозначить свою позицию в техасском вопросе, акцентируя внимание на важности того или иного его решения в интересах своей секции, но не страны в целом. Расчет радикалов строился на том, чтобы привлечь максимальное число сторонников конкурирующей партии в своем регионе, а вопрос, как подобную агитацию воспримут представители их же партии в другой секции, менее всего беспокоил таких деятелей.

Иной тактики придерживались те политические лидеры, которые мыслили общенациональными категориями. Их основной задачей заключалась в том, чтобы сохранить единство своей партии. Такой подход был характерен в первую очередь для северных демократов и южных вигов.

Главными идеологами радикалов уже на протяжении не одного десятилетия являлись Джон Квинси Адамс на Севере и Джон Кэлхун на Юге. Важнейшим лозунгом их сторонников являлась угроза сепарации – выхода из состава США – в случае, если Техас войдет (массачусетские виги) или же не войдет (южно-каролинские демократы) в состав Соединенных Штатов.

Еще весной 1843 года Адамс предупредил, что присоединение Техаса «будет означать расторжение Союза». В ходе предвыборной кампании северные виги неоднократно повторяли эту угрозу. В 1844 году законодательное собрание Массачусетса приняло резолюцию, в которой подтверждалось право сепарации: «В случае аннексии Техаса свободные штаты могут оказаться вынуждены выйти из состава Союза... поскольку народ, претендующий на свободу, не должен одновременно распространять и увековечивать рабство»⁶⁷.

Подобные идеи получили дальнейшее развитие в памфлетах, наводнивших северные штаты. В качестве примера можно при-

вести слова видного аболициониста Джошуа Гиддигса: «Присоединение Техаса может быть осуществлено лишь с согласия *всех штатов*... одни штаты не могут принудить другие штаты к аннексии, и до тех пор, пока хотя бы один штат отказывается видеть Техас в составе существующего содружества, аннексия сама по себе будет являться расторгжением существующего Союза»⁶⁸.

По своему эмоциональному накалу аннексионистская агитация в южных штатах не уступала пропаганде северян. Сторонники Кэлхуна взяли на вооружение лозунг «Техас или расторгжение Союза». Типичным примером таких настроений южных демократов является резолюция, принятая на массовом собрании граждан в округе Мальборо, Южная Каролина. Особого внимания заслуживают следующие положения резолюции:

«Присоединение Техаса к Соединенным Штатам представляет собой наиболее важный вопрос на политической повестке дня...

Очевидно, что единственным условием, при котором Мексика согласится на признание независимости Техаса, является отмена рабства на территории этой республики, что будет иметь самые серьезные последствия для южных штатов в составе США...

Необходимость немедленной аннексии Техаса вызвана государственными интересами США, важностью обеспечения безопасности сегодня и самого существования в будущем. Все наши усилия должны быть направлены на присоединение Техаса, вплоть до того момента, когда эта цель будет достигнута.

Ни Великобритания, ни любая другая держава не имеет права вмешиваться каким-либо образом в отношении Соединенных Штатов с Техасом и Мексикой, и любое подобное вмешательство будет рассматриваться как угрожающее благополучию США...»⁶⁹

Необходимость присоединения Техаса для обеспечения безопасности Юга красной нитью проходит через большинство памфлетов, распространявшихся экспансионистами. Наиболее одиозным продуктом подобной пропаганды стал уже упоминавшийся памфлет «Юг в опасности. Обращение ассоциации демократов федерального округа Колумбия», написанный Робертом Уокером.

«Ни в один период своего существования американский Юг не находился в столь серьезной опасности, как сейчас. В расчете

на то, чтобы привлечь голоса аболиционистов на сторону Генри Клея, виги в северных штатах... заняли откровенно антиюжную позицию, объявили рабство преступлением и в союзе с аболиционистами собираются ниспровергнуть этот социальный институт и навеки покрыть Юг позором и бесчестьем», – открывал Уокер свое обращение.

Памфлет «Юг в опасности» был предназначен для южных вигов. Уокер делал акцент на несовместимости интересов северных и южных вигов, призывал последних поддержать аннексию Техаса и голосовать за Полка. Памфлет заканчивался следующим призывом: «Итак, подумайте, виги южных штатов, наши братья и сограждане, задержитесь на мгновение и оцените, какими ужасными последствиями чревато ваше решение, способное погрузить нас всех в бездну нищеты и деградации»⁷⁰.

Серьезную помощь аннексионисты получили из Техаса. Мирабо Ламар, экс-президент Техасской республики, утверждал, что вхождение Техаса в состав США отвечает как интересам американского Юга, так и самого Техаса, поскольку аннексия является необходимым условием для сохранения рабства и плантационной экономики: «Без рабства Техас никогда не достигнет ни государственного величия, ни экономического процветания. Я уверен, что присоединение Техаса к Соединенным Штатам обеспечит сохранение института рабства в обеих странах навсегда... в случае отказа от этого шага жители южных штатов подвергнут себя многочисленным бедам и опасностям»⁷¹.

Летом 1844 года наиболее радикальные круги экспансионистов инициировали подготовку конвента, на который были приглашены представители всех южных штатов для выработки единой позиции в отношении Техаса. По расчетам стоявших за этим движением южнокаролинских демократов, на нем следовало принять следующее решение: в случае, если аннексия не состоится, все рабовладельческие штаты провозглашают независимость и создают новый Союз, в который в качестве равноправного партнера войдет и Техас. Однако конвенту, открывшемуся 1 августа в Нашвилле (Теннесси), не доставало представительности и авторитета, а его резолюции не нашли понимания даже в южных штатах.

Если радикалы как на Севере, так и на Юге стремились поляризовать общество в соответствии с секционными интересами,

то политический истеблишмент обеих партий стремился сгладить обострившиеся противоречия.

Лидеры южных вигов убеждали избирателей, что присоединение Техаса не столь уж выгодно для Юга. Они развивали доводы против аннексии, которые весной звучали в стенах конгресса. Руководители вигской партии в Джорджии сенатор Джон Берриен и Роберт Тумбс, являвшийся членом легислатуры штата и баллотировавшийся в 1844 году в палату представителей, не уставали повторять, что включение Техаса в состав США приведет к падению цен на землю и рабов, отмене рабства в ряде штатов и резкому ослаблению влияния рабовладельцев в политической и экономической жизни страны⁷².

Однако подобные аргументы звучали не слишком убедительно. Большинство южан – вне зависимости от их партийной принадлежности – поддерживали идею присоединения Техаса. Возможность попытаться счастья в Техасе привлекала белых фермеров, особенно тех, кто был слишком беден, чтобы иметь рабов, но чьим идеалом успеха и благосостояния являлся статус плантатора. Мелкие рабовладельцы (владевшие менее чем 10 рабами) в освоении новых территорий видели шанс увеличить свое благосостояние.

Многие южные политики-виги прекрасно понимали настроения, господствующие в своих штатах, и напрямую не выступали против аннексии, предпочитая акцентировать внимание на более традиционных социально-экономических вопросах. Показательным в этом плане является обращение к избирателям Уильяма Грэхема, в прошлом сенатора, который в 1844 году баллотировался на пост губернатора Северной Каролины: «Прежде всего нам необходимо урегулировать внутренние проблемы, повысить благосостояние нашей великой страны; наступит время и для аннексии Техаса, и это будет сделано без войны и без ущерба для нашей чести»⁷³.

Рассчитывая заручиться голосами фермеров и мелких рабовладельцев (составлявших большинство населения в южных штатах), Генри Клей решил на шаг, который, вполне вероятно, стоил ему победы на выборах. В августе 1844 года в так называемых «алабамских письмах» он изменил свою позицию в техасском вопросе по сравнению с теми взглядами, которые высказывал в апреле. Теперь Клей утверждал, что он никогда не был противником присоединения Техаса и не имеет ничего про-

тив вхождения этой республики в состав Соединенных Штатов, а все его предшествующие возражения были вызваны лишь стремлением избежать ненужных осложнений как на международной арене, так и внутри страны.

«Я буду приветствовать аннексию, если она не принесет с собой бесчестье и войну и будет осуществлена со всеобщего согласия Союза, на честных и справедливых условиях. Я не считаю, что вопрос о рабстве должен каким-либо образом влиять на решение техасской проблемы, — писал Клей. — Было бы неразумным отказываться от приобретения, которое будет у нас, пока существует Земля, из-за такого временного социального института, как рабство»⁷⁴.

Посредством «алабамских писем» Клей рассчитывал усилить свои позиции среди южан (характерным для многих рядовых представителей вигской партии на Юге было следующее мнение: мы не можем голосовать за кандидата, который выступает против аннексии Техаса, но за Полка мы голосовать не будем ни при каких условиях)⁷⁵, и в то же время он надеялся, что это никак не скажется на его популярности в северных штатах, поскольку по вопросу аннексии Полк занимал более радикальные позиции.

Не менее изошренной была тактика северных демократов, стремившихся в максимальной степени мобилизовать партийный электорат. Одна часть северных демократов выступала в поддержку экспансии, объясняя свою позицию важностью этого шага для страны в целом. В качестве идеологического обоснования территориальных претензий, которые США предъявляли к соседним государствам — Мексике и Британской империи, использовалась доктрина «предопределения судьбы».

Совокупность идейных концепций и взглядов, входящих в доктрину «предопределения судьбы», получила широкое распространение в ходе президентской гонки 1844 года. Самим провидением, полагали американцы, Соединенным Штатам предназначено покорить необъятные территории, достигнуть беспрецедентного политического могущества и стать ведущей державой, вначале в Западном полушарии, а затем и во всем мире.

В этом контексте существование в Техасе рабства оценивалось по-разному. Некоторые предлагали включить Техас в состав США на правах свободного штата, однако большинство се-

верных экспансионистов расценивали рабство как незначительное препятствие, которое не должно оказывать влияния на принятие столь важного решения. Естественный ход развития, утверждали они, рано или поздно приведет к исчезновению этого социального института, в то время как присоединяемые земли войдут в Соединенные Штаты навсегда⁷⁶.

Другая часть северных демократов выступала с ярко выраженных антианнексионистских позиций, но одновременно призывала голосовать за... Полка! Подобный подход к внешнеполитическим проблемам был характерен в первую очередь для нью-йоркских демократов. Логика их рассуждений была следующей. Ответственность за внешнеполитические решения исполнительная власть делит с властью законодательной, значит, вопрос о присоединении Техаса будет решаться не только в Белом доме, но и в конгрессе. Принципиальной разницы между позициями Клея и Полка в области внешней политики не существует – об этом ясно свидетельствуют «алабамские письма», поэтому в выборе президента избиратели должны руководствоваться традиционными различиями между вигами и демократами. Что касается Техаса, то наиболее эффективным средством воспрепятствовать аннексии будет избрание в конгресс противников экспансии в юго-западном направлении, то есть демократов⁷⁷.

Последнее утверждение – что противниками аннексии Техаса являются не только виги – имело под собой реальные основания. Ряд демократов Севера, прежде всего это относится к представителям Нью-Йорка, выступали против экспансии, и их популярность работала на Полка. Наибольшим авторитетом среди подобных политиков отличался Сайлас Райт, чье выдвижение на пост губернатора Нью-Йорка принесло Полку дополнительные голоса в Нью-Йорке.

Выборы 1844 года оказались успешными для демократов, хотя их результаты можно трактовать по-разному. За Полка проголосовали 1 млн. 338 тыс. избирателей, за Клея – 1 млн. 300 тыс. В коллегии выборщиков преимущество Полка было намного более убедительным: 170 к 105. Демократическая партия также получила контроль над обеими палатами конгресса. В сенате демократы имели 30 мест против 22 у вигов, а в палате представителей предстояло заседать 141 демократу и 78 вигам⁷⁸.

Полк победил с минимальным перевесом, однако демократическая пропаганда представила результаты выборов как безо-

говорочную поддержку экспансии. Разница между Полком и Клеем составила 38 тыс., или 1,5% от всех поданных голосов, при этом кандидат аболиционистов (партия Свободы) Джеймс Бирни набрал 62 тыс. В Нью-Йорке, который давал 35 выборщиков и потому являлся ключевым штатом для победы любого кандидата, преимущество Полка составило каких-то 5,1 тыс. голосов, тогда как Бирни, выступавший с резкой критикой аннексии, набрал 15,8 тыс.⁷⁹ Наиболее радикальные вигские избиратели, не простившие Клею «алабамских писем» и его заигрывания с южными рабовладельцами, отдали свои голоса за партию Свободы, что позволило Полку стать президентом.

Было бы неверным считать, что выбор между Клеем и Полком определялся исключительно их позицией по проблеме присоединения новых территорий. Размежевание по вопросу экспансии носило секционный характер, однако оба кандидата показали примерно одинаковый результат на Севере и на Юге. В северных штатах за Полка проголосовали 927 тыс. избирателей, за Клея – 911 тыс., на Юге Полк получил 412,5 тыс. голосов, Клей – 388 тыс.

Двухпартийная система демократы – виги была в достаточной степени институционализированной, чтобы подавляющее большинство избирателей голосовали в соответствии с традиционными партийными предпочтениями. От того, какую позицию Полк и Клей, демократы и виги, занимали по техасскому вопросу, зависело решение идти или не идти на выборы, а не за какую партию голосовать. Иными словами, результаты выборов определялись степенью мобилизации электората.

В центре предвыборной кампании 1844 года стояла проблема территориальной экспансии. Ведущие политические партии заняли диаметрально противоположные позиции: демократы выступали за немедленное присоединение Техаса и Орегона, в то время как виги предлагали отложить обсуждение внешнеполитических вопросов на неопределенный период. Традиционное противостояние партий по вопросам социально-экономического развития отошло на второй план.

Обсуждение аннексии и связанной с ней проблемы рабства поляризовало американское общество по линии Север – Юг, что ставило под угрозу стабильность двухпартийной системы и целостность Соединенных Штатов. Лидеры обеих партий приложили все усилия для того, чтобы удержать политическую

борьбу в традиционных рамках, изменяя собственную позицию по тexasкому вопросу в соответствии с настроениями избирателей.

Демократы одержали победу с минимальным преимуществом. Не теряя зря времени, они заявили, что рассматривают результаты выборов как мандат на присоединение новых территорий. К власти в США предстояло прийти убежденным сторонникам экспансии, готовым без колебаний использовать конфронтационную модель внешней политики для осуществления территориальных приобретений.

§ 4. США на пути континентальной экспансии

Избрание Джеймса Полка президентом США открывало путь для возобновления экспансии. Однако согласно конституции президент вступил в должность лишь в марте следующего за выборами года, то есть весной 1845 года, а новый 29 конгресс должен был собраться на регулярную сессию лишь в декабре 1845 года. Подобная задержка не устраивала экспансионистские круги, которые предпочитали, чтобы решение о судьбе Техаса было принято на заключительной сессии 28 конгресса.

В своем последнем ежегодном послании Тайлер выразил удовлетворение по поводу победы Полка и призвал законодателей пересмотреть свое отношение к аннексии⁸⁰. Главная сложность заключалась в том, что решение должны были принять те же политики, которые полгода назад отказались ратифицировать договор с Техасом. Экспансионисты были не способны склонить на свою сторону две трети сенаторов, поэтому было решено действовать посредством совместной резолюции конгресса — для этого требовалось заручиться поддержкой простого большинства обеих палат.

Окончательный вариант резолюции предусматривал вхождение Техаса в состав США на правах штата. Впоследствии на тexasских землях предполагалось создать дополнительные штаты, числом не более четырех. Южная и западная границы присоединяемой территории не оговаривались — решение этого вопроса было отложено на будущее. Земли Тexasской республики к югу от 36°30' северной широты, то есть от линии Миссурийского компромисса, оставались открытыми для рабовладения, севернее — рабство было запрещено. Однако это было лишь ви-

димостью компромисса, поскольку большая часть тexasских владений располагалась к югу от указанной линии⁸¹.

Палата представителей, контролируемая демократами, без затруднений одобрила резолюцию 120 голосами против 98. В сенате, где виги сохраняли перевес в четыре голоса, разрыв был минимальным – 27 к 25. Уровень партийного единства был очень высоким. В палате представителей лишь восемь вигов от южных штатов (четверо от Теннесси, два от Джорджии и по одному от Виргинии и Алабамы) высказались в пользу присоединения Техаса, и чуть большее число северных демократов – 28 (четырнадцать от Нью-Йорка, четверо от Мэна, по двое от Нью-Гэмпшира, Огайо и Мичигана, по одному от Массачусетса, Коннектикута, Вермонта и Нью-Джерси) выступили против экспансии. В сенате демократы были единодушны, и вместе с ними за аннексию проголосовали трое южных вигов (Джон Хендерсон от Миссисипи, Генри Джонсон от Луизианы и Уильям Меррик от Мэриленда)⁸².

Наибольшей остротой отличалась борьба в сенате. По сравнению с июньским голосованием аннексионистам удалось получить дополнительные одиннадцать голосов. Из восьми демократов, летом выступивших против присоединения Техаса, шестеро в феврале голосовали «за»: Дж. Фэрфилд (Мэн), Ч. Асертон (Нью-Гэмпшир), Дж. Найлз (Коннектикут), У. Аллен и Б. Таппан (оба – Огайо), а также Т. Бентон (Миссури). Оба сенатора от Нью-Йорка – С. Райт и Н. Талмадж покинули конгресс, а назначенные на их места Д. Дикенсон и Дж. Дикс поддержали совместную резолюцию. Кроме того, за присоединение Техаса высказались демократ Э. Ханнеган (Индиана), не принимавший участие в голосовании в июне, и двое вигов – Г. Джонсон и У. Меррик – бывшие противники аннексии.

Успех экспансионистов стал возможен благодаря победе Полка на ноябрьских выборах. Еще не вступивший в должность президент продемонстрировал свое стремление решить тexasский вопрос в самые сжатые сроки. В феврале Полк прибыл в Вашингтон и активно включился в политические маневры. Авторитет будущего главы исполнительной власти, а также грамотное использование назначений в будущей администрации и обещаний позволили сплотить ряды демократов. Наиболее активного противника немедленной аннексии, Томаса Бентона, Полк склонил на свою сторону, пообещав не поддерживать пре-

тензии техасцев на левый берег Рио-Гранде (это обещание так и не было исполнено). Немногочисленные виги, поддержавшие аннексию, пошли на этот шаг под давлением своих южных избирателей.

В январе – феврале 1845 года северные виги предприняли последнее широкомасштабное наступление против присоединения Техаса. Статьи с открытым обличением аннексии не сходили со страниц вигских газет; тысячи вигов собирались на массовые собрания, где принимались антитехасские и антирабовладельческие резолюции и обращения, вигские сенаторы получали указы помешать аннексии.

Однако борьба была проиграна. В последние дни пребывания в Белом доме Тайлер подписал принятую конгрессом резолюцию и официально озвучил согласие Соединенных Штатов принять в свой состав Техасскую республику. Присоединение Техаса стало пробным камнем новой внешнеполитической парадигмы – дальнейший успех конфронтационной модели зависел от того, как поведение США будет воспринято на международной арене.

Мексика, угрожавшая американцам войной в случае, если Техас войдет в состав США, оказалась неспособной отстаивать свои интересы ни дипломатическими, ни военными методами. В 1844 году власти Мексики даже не попытались воспользоваться обострившимися внутри США противоречиями по техасскому вопросу. Разговоры о войне были всего лишь позой, не подкрепленной ни конкретным желанием, ни реальными возможностями. Лучшим свидетельством военной слабости мексиканцев была их неспособность за девять лет покорить мятежный Техас.

Более важной, чем реакция Мексики, для американских властей представлялась позиция Великобритании. Английское правительство не было заинтересовано в усилении США. В 1843–1845 годах британская сторона предпринимала непоследовательные попытки создать антиамериканскую коалицию, в состав которой предполагалось привлечь Мексику, Техас и Францию. Практических результатов это не дало. Британская дипломатия не приложила достаточных усилий, чтобы снять наиболее острые противоречия в намечавшемся альянсе, между Техасом и Мексикой. Франция тоже не стремилась «работать» на своего главного конкурента.

Для Великобритании существовало два возможных пути противостоять экспансионистским устремлениям Соединенных Штатов. Первый подразумевал использование стратегии прямых действий (силовое давление на США, включая демонстрацию готовности начать боевые действия). Второй был связан со стратегией непрямых действий (формирование широкой антиамериканской коалиции, а также примирение Мексики и Техаса для создания «санитарного кордона» на южных границах США). В середине 40-х годов XIX века Британская империя обладала достаточным экономическим, политическим, дипломатическим, а также военным потенциалом для того, чтобы добиться успеха как на одном, так и на другом пути.

Но североамериканское направление не было приоритетным для английской дипломатии. События в Северной Америке – на периферии системы международных отношений – не представлялись настолько важными, чтобы в зависимости от них перестраивать всю внешнеполитическую линию. Гораздо больше внимания британское правительство уделяло проблемам европейской политики, а также колониальному проникновению в Азию и Африку.

Конфликт с Соединенными Штатами, какими бы причинами он ни был вызван – Техасом, Орегоном или же столкновениями вдоль канадо-американской границы, – оказывался менее желательным для Великобритании, чем мирное урегулирование существующих противоречий.

Успех экспансионистской политики США в техасском вопросе определялся тем фактом, что они оказались единственной державой в регионе, готовой использовать для достижения своих целей конфронтационные методы. Мексика не обладала военной мощью и политической волей, достаточными, чтобы подкрепить реальными действиями конфронтационную риторику, и в то же время не была способна дипломатическими методами компенсировать свою военную слабость. Наиболее могущественная держава того времени, Великобритания, предпочитала действовать в рамках договорной модели, поскольку, с точки зрения английского правительства, возможный выигрыш не оправдывал эскалации нового периферийного конфликта.

Та легкость, с которой была проведена аннексия Техаса, вдохновила администрацию Полка на продолжение и углубление курса на территориальную экспансию.

В декабре 1845 года, в первом ежегодном послании к конгрессу Полк заявил, что в результате присоединения Техаса «территория Соединенных Штатов... была мирным путем расширена вплоть до Рио-Гранде». С подобной трактовкой границ не была согласна Мексика. В действительности техасские власти контролировали не более трети земель, которые они объявили своими. Рио-Гранде как была, так и оставалась мексиканской рекой. Поддержав более чем спорные претензии Техаса, американское правительство положило начало новому раунду территориальных претензий к Мексике⁸³.

Однако аппетиты экспансионистов не ограничивались землями, которые, в их трактовке, «по праву» принадлежали США. Администрация Полка также рассчитывала приобрести за «соответствующее» вознаграждение Верхнюю Калифорнию и целую Новую Мексику.

Для пересмотра существующих границ осенью 1845 года в Мексику был направлен Джон Слайдел. Он получил следующие инструкции. Установление линии Рио-Гранде в качестве разграничительной между Соединенными Штатами и Мексикой не подлежало обсуждению, и американская сторона отказывалась подписывать соглашение на менее благоприятных для себя условиях. Предметом переговоров, в соответствии с предписаниями Джеймса Бьюкенена, государственного секретаря в кабинете Полка, должны были стать дальнейшие территориальные уступки со стороны Мексики. Слайдел мог предложить 25 млн. долларов за Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию, 20 млн., в случае если США получали Новую Мексику и северную часть Калифорнии (предполагаемая граница должна была пройти между Сан-Франциско и Монетереем), и 5 млн. за одну Новую Мексику⁸⁴.

Миссия Слайдела была выдержана в духе конфронтационного подхода к решению внешнеполитических проблем. Речь шла не просто о нарушении территориальной целостности соседнего государства. Американское правительство рассматривало Мексику в качестве объекта, а не субъекта международных отношений и было уверено, что финансовая «компенсация» окажется достаточной компенсацией за национальное унижение южного соседа.

Вести переговоры Слайделу предстояло с позиции силы. Летом 1845 года американская «армия наблюдения», усиленная артиллерийской ротой и теперь именовавшаяся «оккупационной

армией», обосновалась на южных рубежах Техаса, в лагере Корпус Кристи на южном берегу Нуэсес. В начале 1846 года генерал Тейлор получил приказ выдвинуться к Рио-Гранде. Одновременно корабли коммодора Дэвида Коннора были направлены в Мексиканский залив и начали курсировать в непосредственной близости от Веракруса. Власти США недвусмысленно демонстрировали готовность начать военную операцию, в случае если мексиканцы не проявят достаточной сговорчивости.

Было бы неверным утверждать, что новая администрация изначально взяла курс на развязывание войны. Полк, как это делал до него Тайлер в техасском вопросе, проводил политику балансирования на грани войны. Президент рассчитывал добиться своей основной цели – территориальных уступок в Новой Мексике и Калифорнии – путем силового давления на Мексику, не переводя конфликт в стадию открытого вооруженного противостояния. Вплоть до весны 1846 года экспансионистские круги в США предполагали, что войны удастся избежать, однако были готовы и к прямой эскалации конфликта, если мексиканцы не согласятся на требуемые уступки.

Миссия Слайдела закончилась провалом. Мексиканские власти просто отказались его принять. Влиятельные группы в Мехико, включая католическую церковь и армию, проявляли открытое недовольство потерей Техаса и неспособностью властей защитить государственные интересы страны на международной арене. Все политические силы в стране были едины в своем неприятии дальнейших территориальных уступок. В декабре 1845 года в мексиканской столице произошел государственный переворот. На смену гражданскому правительству Хосе Эрреры пришли военные во главе с генералом Мариано Паредесом. Позиция новых властей была однозначна: Мексика должна с оружием в руках отстаивать свою территориальную целостность против иностранного вторжения.

Параллельно с эскалацией американо-мексиканского конфликта администрация Полка вела исключительно рискованную дипломатическую игру против Великобритании по орегонскому вопросу. Претензии на весь Орегон и установление границы по 54°40' – лозунг, который демократы взяли на вооружение в ходе предвыборной гонки, усложняли переговоры с Великобританией, возобновившиеся в конце 1843 года, относительно территориального размежевания на Северо-Западе.

В предшествующие годы обе стороны стремились урегулировать оregonский вопрос в рамках традиционной договорной модели и демонстрировали готовность до определенного момента идти на компромиссы. Ко времени прихода в Белый дом Полка камнем преткновения оставалась лишь судьба «треугольника» между 49° северной широты и рекой Колумбия.

Ключевым моментом для Великобритании была необходимость получить неограниченный доступ ко всему течению Колумбии. Летом 1844 года англичане выдвинули следующий вариант урегулирования: граница устанавливается по Колумбии, но к Соединенным Штатам отходят земли на побережье Тихого океана к северу от новой границы (иными словами, часть владений США в Орегоне оказывалась не связанной с основной территорией страны). Летом 1845 года Бьюкенен предложил установить разграничительную линию в Орегоне по 49° северной широты, при этом Великобритании целиком отходил остров Ванкувер, южная оконечность которого лежит южнее 49 параллели. Британская сторона отказалась рассматривать подобный вариант соглашения⁸⁵.

В очередной раз переговоры зашли в тупик, выйти из которого, оставаясь в рамках договорной модели, не представлялось возможным. В этих условиях Полк на заседании кабинета 21 октября 1845 года заявил, что обстоятельства вынуждают его занять более решительную позицию и официально заявить претензии на всю территорию Орегона. «Если мы прекратим переговоры сейчас, это неизбежно приведет к войне», – прокомментировал это решение Бьюкенен. В ответ президент выразил полное удовлетворение подобным сценарием развития событий. Тон переписки с Великобританией резко ужесточился⁸⁶.

В послании к конгрессу в декабре 1845 года Полк подтвердил притязания Соединенных Штатов на весь Орегон и рекомендовал конгрессу объявить об одностороннем прекращении договора 1818 года. Соответствующая резолюция была принята весной 1846 года. Президент немедленно информировал Лондон о том, что через год США выйдут из соглашения по Орегону⁸⁷.

Действия Полка были выдержаны в духе конфронтационной модели, однако преследовали ограниченные цели. Президент был уверен, что лишь разговор с позиции силы вынудит Великобританию согласиться на приемлемые для Соединенных Штатов условия – установление границы по 49-й параллели. В то же

время политическая элита в Вашингтоне не собиралась идти на поводу у экстремистов, лозунгом которых было «весь Орегон или война».

Лидером «ястребов» в конгрессе стал Льюис Касс, выражавший интересы демократов Северо-Запада. «Я претендую на весь Орегон и не уступлю Англии ни единого дюйма этой территории», – заявил он в сенате. Наиболее последовательными противниками нагнетания напряженности и возможной войны с Великобританией выступали виги, традиционные противники экспансии. Их позицию хорошо выразил Дэниел Уэбстер: «Я согласен на компромисс, я поддерживаю арбитраж; но переговоры на основе резолюции, в которой выдвигаются ультимативные претензии, не имеют ничего общего с дипломатией и разумным поведением»⁸⁸.

Союзниками вигов достаточно неожиданно оказались представители южного крыла демократической партии, которые рассматривали чрезмерные требования в Орегоне в качестве препятствия для экспансии в южном направлении. Как заявил Джон Кэлхун, пока остается открытым орегонский вопрос, Мексика будет стараться использовать противоречия, существующие между Великобританией и США, чтобы заключить антиамериканский союз с Великобританией. «При данных обстоятельствах я выступаю против войны с Великобританией», – отметил Кэлхун⁸⁹.

Выдвигая заведомо неприемлемые для Великобритании требования, администрация Полка рассчитывала добиться максимально возможных территориальных уступок. В беседах с членами своего кабинета президент недвусмысленно дал понять, что готов рассмотреть «разумные» предложения Великобритании. В то же время Полк опасался, что готовность американского правительства к компромиссам будет воспринята как проявление слабости, в результате чего британское правительство продолжит затягивать переговоры⁹⁰.

Полк был политиком-реалистом. Военная слабость Мексики ни для кого не составляла тайны, и победам, добытым американским оружием, предстояло ознаменовать торжество экспансии. Война против могущественной Британской империи обещала быть тяжелой и совсем не обязательно победоносной. Взят курс на вооруженный конфликт с Мексикой, Полк не горел желанием ссориться еще и с Великобританией. Соединенные Штаты не были готовы воевать на два фронта.

В отношениях с Британской империей Полк балансировал на грани войны, но его расчет строился на том, что этой войны удастся избежать. Однако, как свидетельствуют бумаги президента, в том случае, если бы англичане не проявили достаточной сговорчивости, он был готов идти до конца и начать войну из-за Орегона, невзирая на возможные последствия⁹¹. Такой курс оказывался рискованным, но риск является неотъемлемой частью конфронтационной модели внешней политики.

Подобный подход находил отклик в широких кругах демократической партии. Множились призывы проявить твердость на переговорах и ответить силой на силу, если Великобритания не согласится на предложения американцев. Влиятельный журнал *Democratic Review* четко обозначил позицию правящей партии: «Мы предпочитаем компромисс войне, но мы скорее начнем войну, чем согласимся на бесчестный компромисс»⁹².

Голоса, призывающие к умеренности и взаимным уступкам, не были слышны. Солидный и уважаемый журнал *North American Review* тщетно пытался объяснить, что претензии Великобритании на Орегон столь же весомы, как и права США. «Недостойно полагать, что две столь великие державы начнут войну из-за столь жалкого владения», – утверждалось на страницах журнала⁹³.

Весной – в начале лета 1846 года события развивались стремительно. Войска Тейлора выдвинулись к Рио-Гранде и создали укрепленный лагерь Кемп-Техас на левом (спорном) берегу реки. Вскоре в мексиканский гарнизон в Матаморасе, на правом (мексиканском) берегу Рио-Гранде, прибыл командующий войсками севера страны, генерал Мариано Ариста. К этому времени численность американской «оккупационной армии» достигла 3,5 тыс. человек. Противостоящие им силы мексиканцев насчитывали чуть более 4 тыс.

12 апреля мексиканская сторона потребовала от Тейлора в течение суток свернуть лагерь и отвести войска за Нуэсес. 20 апреля Ариста уведомил Тейлора, что считает военные действия начавшимися. Три дня спустя президент Мексики Мариано Паредес призвал войска очистить страну от американских захватчиков. На следующий день передовые подразделения Аристы форсировали Рио-Гранде и наконец вступили на спорную территорию. 25 апреля произошло первое вооруженное столкновение между мексиканским кавалерийским полком численно-

стью 1600 человек и разведывательным отрядом американцев в составе 63 драгун.

Донесение о начале военных действий достигло Вашингтона 9 мая. Полк получил эту информацию в шесть часов вечера. Сообщение пришлось очень кстати – утром на заседании кабинета президент заявил о своем намерении просить конгресс объявить войну Мексике. Теперь же существовал прекрасный повод обвинить в развязывании войны Мексику. Через два дня в послании конгрессу Полк изложил свое видение ситуации: «Мексиканское правительство... после продолжительной серии угроз осуществило вторжение на нашу территорию и пролило кровь наших сограждан на нашей земле»⁹⁴.

Вместо объявления войны конгресс принял закон с многообещающим названием: «Меры, касающиеся ведения начавшейся войны между Соединенными Штатами и Мексикой». Он открывался следующими словами: «Поскольку в результате действий Мексиканской республики существует состояние войны между правительством республики и Соединенными Штатами...»⁹⁵

Подавляющее большинство законодателей поддержали войну, которую уже все равно нельзя было остановить. В палате представителей голоса разделились следующим образом: «за» – 174, «против» – 14. Свое несогласие с внешнеполитическим курсом президента выразили северные виги (пятеро, во главе с Дж.К. Адамсом, представляли Массачусетс, пятеро – Огайо и по одному – Мэн, Род-Айленд, Нью-Йорк и Пенсильванию). Единодушие в сенате было столь же полным: «за» – 40, «против» – 2 (сенаторы-виги Томас Клейтон от Делавэра и Джон Дэвис от Массачусетса)⁹⁶.

В эти же дни министр иностранных дел Великобритании лорд Абердин получил уведомление, что через год США будут считать себя свободными от договора о совместной оккупации Орегона. Но, как устно сообщил американский посланник, правительство США готово рассмотреть «разумные» предложения по урегулированию этой проблемы. Через четыре дня Абердин направил в Вашингтон предложение, согласно которому материковая граница между Соединенными Штатами и британскими владениями в Орегоне устанавливалась по 49° северной широты, а остров Ванкувер целиком отходил Великобритании⁹⁷. Фактически речь шла об условиях, которые годом ранее предлагал Бьюкенен.

Предложение Абердина достигло Вашингтона 6 июня. Полк, который еще совсем недавно заявлял о желательности присоединения всего Орегона, не хотел выглядеть в глазах общественности инициатором компромисса, сколь бы благоприятными для Соединенных Штатов ни были его условия. Вместо того чтобы подписать договор, а затем направить его на ратификацию в сенат, как это обычно делалось, президент сразу запросил мнение сенаторов по поводу последнего предложения Великобритании. Полк, и это следует особо отметить, показал, что его интересует не только «согласие», но и «совет» сената. Законодательная власть стала, по крайней мере, внешне, равноправным творцом внешней политики.

Позиция сенаторов оказалась более чем определенной – еще не подписанный договор был одобрен 38 голосами против 12. Против мирного урегулирования оregonской проблемы выступили одиннадцать северных демократов во главе с Льюисом Кассом (шестеро из них представляли Северо-Восток, пятеро – Северо-Запад) и один виг – Спенсер Джарнагин (Теннесси)⁹⁸. Спустя три дня после голосования в сенате, 15 июня 1846 года, договор с Великобританией был подписан.

Таким образом, в 1845–1846 годах завершился поворот американской внешней политики от договорной модели к конфронтационной. После двадцатипятилетнего перерыва Соединенные Штаты возобновили территориальную экспансию. Присоединение новых территорий вело к столкновениям с соседними государствами – Мексикой и Британской империей. В этих условиях договорная модель внешней политики оказывалась неадекватной той трактовке государственных интересов США, в которой главное место уделялось территориальным приобретениям.

В отношениях как с Мексикой, так и с Великобританией правительство Полка использовало методы силового давления и балансировало на грани войны. Южное направление экспансии представлялось в Вашингтоне приоритетным, а Мексика была гораздо более слабым противником по сравнению с Великобританией. США удовлетвоались мирным размежеванием в Орегоне, в то время как присоединение Техаса стало прелюдией к вооруженному конфликту.

Начало войны с Мексикой и мирное урегулирование территориальных споров с Великобританией встретили неоднозначную реакцию американцев. Общество никогда еще не было в та-

кой степени разделено: северные виги рассматривали начавшуюся войну как несправедливую и захватническую, единственная цель которой заключалась в распространении рабства и укреплении власти рабовладельцев, а демократы из северо-западных штатов достаточно прохладно отнеслись к отказу правительства от требования присоединения всего Орегона. Но война вызвало всплеск патриотических настроений, что наряду с официальной пропагандой заглушило голоса недовольных и несогласных. Большинство американцев восприняли продвижение на Юг в полном соответствии с духом доктрины «предопределения судьбы», в то же время, в условиях начавшейся войны с Мексикой, они были вполне удовлетворены «разумным» размежеванием в Орегоне.

Приход вигов к власти в 1841 году первоначально не привел к изменению американской внешней политики. Дэниел Уэбстер, ставший новым государственным секретарем, выступал сторонником урегулирования отношений с соседними государствами традиционными дипломатическими средствами. Но единственным успехом, который был достигнут в рамках договорной внешней политики, стало урегулирование пограничных споров с Великобританией в районе Великих озер и в Мэне. В то же время наиболее важные вопросы, касающиеся судеб Орегона, Техаса и Калифорнии, оставались нерешенными.

В начале 1840-х годов активизировалось проникновение американских поселенцев на сопредельные с США территории. Наибольшее число колонистов привлекал Техас; одновременно начинается освоение Орегона и Калифорнии. Возобновление экспансии отвечало интересам американских правящих кругов и находило поддержку в широких слоях американского общества. Летом 1843 года контроль за выработкой внешнеполитического курса перешел в руки южных экспансионистов, которые не собирались терять время даром. Договор о присоединении Техаса, заключенный весной 1844 года, ознаменовал переход американского правительства к конфронтационной модели внешней политики.

Первый этап борьбы по проблеме экспансии окончился поражением сторонников аннексии. Сенаторы отказались ратифицировать техасский договор, опасаясь войны с Мексикой и размежевания страны по вопросу о рабстве. Важным представляется и позиция лидеров обеих ведущих политических партий —

Ван-Бюрена и Клея, выступивших против присоединения новых территорий.

Новое звучание техасский вопрос приобрел в предвыборной кампании 1844 года. Под давлением экспансионистски настроенного южного крыла партии кандидатом демократов в президенты стал Джеймс Полк, поддержавший немедленное присоединение Техаса и Орегона. Выборы 1844 года протекали в обстановке сильной поляризации американского общества по линии Север – Юг в связи с возможной аннексией и связанной с ней проблемой рабства. Победа демократов ознаменовала приход к власти экспансионистов, которые были намерены использовать конфронтационную модель внешней политики для присоединения новых территорий.

Аннексия Техаса стала первым шагом на этом пути. Вскоре администрация Полка выдвинула претензии на левый берег Рио-Гранде, а также в ультимативной форме потребовала от Мексики продажи Калифорнии и Новой Мексики. Отказ мексиканских властей обсуждать эти вопросы стал поводом для начала войны. Одновременно правительство Соединенных Штатов заняло жесткую позицию в отношении Великобритании по орегонской проблеме. Продемонстрировав готовность к силовому решению конфликта, администрация добилась территориального разграничения на наиболее благоприятных для США условиях.

Успех экспансии определялся решительным использованием методов силового давления и балансирования на грани войны. Подобная тактика принесла результаты даже в противостоянии с наиболее сильной державой той эпохи – Британской империей. Но правящие круги США отдавали себе отчет в реальных возможностях своей страны: они ориентировались на войну с более слабым противником – Мексикой, а в отношении Великобритании удовлетворились мирным разделом спорной территории.

Заключение

Для Соединенных Штатов конец 30-х – середина 40-х годов XIX столетия стали временем выбора. В этот короткий отрезок времени были приняты решения, предопределившие развитие страны на ближайшие десятилетия, а их историческое «эхо» ощущается до сих пор. В изучаемый период американское общество столкнулось с необходимостью выработать ответ на два «вызова»: промышленный и пространственный. С одной стороны, актуальным представлялось осуществление дальнейших социально-экономических преобразований, направленных на интеграцию всех секций страны в единое экономическое целое. С другой стороны, внимание различных кругов американского общества привлекали обширные территории, прилегающие к границам Соединенных Штатов, – Техас, Орегон, Калифорния.

Ответом на промышленный «вызов» должен был стать выбор между политикой экономического активизма и отказом от вмешательства в экономику со стороны федерального правительства. Первый путь подразумевал взвешенное и сбалансированное социально-экономическое развитие страны, второй путь предполагал быстрый экономический рост при усилении неравномерностей развития американского капитализма. В начале 1840-х годов борьба развернулась вокруг выдвинутой лидерами вигов комплексной программы социально-экономических преобразований – «Американской системы» Генри Клея.

Предлагаемые меры – восстановление Государственного банка, установление высоких протекционистских тарифов, финансирование транспортного строительства за счет властей различных уровней – были ориентированы на искусственное стимулирование экономики в тех сферах и регионах, которые не могли динамично развиваться в отсутствие государственного патернализма. Помощь федерального правительства была необходима южным и западным штатам, в то время как Северо-Восток, обладавший развитыми промышленностью, финансами и транспортной инфраструктурой, не нуждался в поддержке извне.

Неспособность вигов реализовать заявленную программу преобразований означала победу частнокапиталистического пути. Это привело к усилению диспропорций развития между сек-

циями, что, в свою очередь, способствовало структурированию американской экономики по принципу «центр – периферия». Центром являлся Северо-Восток, который в 1840–1850-е годы совершил огромный скачок в промышленном развитии, в то время как развитие периферийных районов – аграрного Северо-Запада и плантационного Юга – шло по экстенсивному пути. В результате поступательного развития американской экономики к началу Гражданской войны по уровню промышленного развития США занимали второе место в мире. Фактически можно говорить о том, что Северо-Восток США вошел в «ядро» европейской мировой экономической системы.

Пространственный «вызов» подразумевал выбор между присоединением новых территорий и развитием страны в пределах уже существующих границ, между внешней и внутренней экспансией. Господство договорной модели в американской внешней политике – неготовность к жесткой позиции в отношениях с иностранными государствами и стремление достичь консенсуса по внешнеполитическим вопросам внутри страны – в течение длительного времени препятствовало новым территориальным приобретениям. Однако активизация внешней экспансии на негосударственном уровне – энергичное освоение американскими гражданами Техаса, Орегона и Калифорнии – создавала предпосылки для включения этих земель в состав Соединенных Штатов.

Поворот от договорной к конфронтационной модели внешней политики начался летом 1843 года. Экспансионисты, ставшие у руля Государственного департамента, были готовы к обострению отношений с иностранными государствами, балансированию на грани войны и размежеванию внутри страны по международным проблемам. Первым успехом конфронтационной модели стала аннексия Техаса в 1845 году. В следующем году США и Великобритания заключили соглашение о разделе Орегона на исключительно благоприятных для американцев условиях. В том же 1846 году Соединенные Штаты, используя в качестве предлога спор о южной и западной границах Техаса, начали захватническую войну против Мексики.

Продолжавшиеся полтора года боевые действия принесли победу США. После того как в сентябре 1847 года американские войска вступили в мексиканскую столицу, начались переговоры о мире. Завершающим аккордом войны стал договор Гуадалупе-

Идальго, подписанный в феврале 1848 года. По его условиям, Мексика уступала Соединенным Штатам Техас с границей по Рио-Гранде, Верхнюю Калифорнию и Новую Мексику. Североамериканский континент покорился Соединенным Штатам.

Выбор, сделанный американцами в конце 1830-х – начале 1840-х годов, имел поистине судьбоносное значение. Начало бурного экономического роста и практически двукратное увеличение территории страны стали непосредственным результатом принятых решений. Однако за все, как известно, приходится платить, и чем больше успех, тем дороже он обходится. За создание наиболее благоприятных условий для быстрого роста американской экономики пришлось расплачиваться обособленным развитием различных частей страны, стагнацией плантационного Юга и полной зависимостью фермерского Северо-Запада от Северо-Востока, чьи позиции в промышленном производстве и кредитно-финансовой сфере стали недостижимыми для остальных секций. Ценой за присоединение новых территорий стала война, которая унесла более 10 тыс. американских жизней, вызвала у значительной части общества серьезные сомнения по поводу моральной оправданности экспансии (наиболее ярким, хотя и не типичным образчиком подобных настроений стало блистательное эссе Генри Дэвида Торо «О гражданском неповиновении»)¹ и углубила размежевание американского общества по вопросу о рабстве.

Через тринадцать лет после победоносного завершения войны с Мексикой Соединенные Штаты ожидала другая война, Гражданская, так называемая «война между штатами». Неравномерность экономического развития между Севером и Югом, борьба промышленно-капиталистического и рабовладельческо-плантаторского укладов, безусловное господство промышленного Северо-Востока при ориентации плантаторского Юга на английскую экономику делали столкновение неизбежным.

Противостояние между Севером и Югом наиболее отчетливо проявилось в проблеме рабства. Включение в состав США обширных пространств Техаса и Новой Мексики укрепляло уверенность южан в том, что плантационная экономика способна к безграничному расширению и что американский Юг должен развиваться в рамках особой цивилизации. Северяне же стремились ограничить рабство теми штатами и территориями, где оно было узаконено до начала войны с Мексикой. В этом случае

Север еще мог рассчитывать на постепенную трансформацию южной экономики и ее последующую интеграцию в единое экономическое пространство США.

Американская история не знает другого столь кровавого и безжалостного конфликта, как война между Севером и Югом. Ставки были чересчур высоки, а грань, отделяющая победу от поражения, – тонка как никогда. Но из бездны братоубийственного хаоса Соединенные Штаты восстанут, словно феникс из пепла, кровью собственных сынов омыв свое будущее. И лишний раз докажут то, чему история учит уже не первое тысячелетие: движение вперед возможно лишь через обострение и преодоление основных противоречий, присущих каждому обществу, а не через их сглаживание.

В центре проведенного исследования находилась важная, но малоизученная проблема взаимосвязи экономических реформ и территориальной экспансии в политике США в середине XIX века. Какие же уроки можно извлечь из американского опыта? Их три.

Первый урок связан с особенностями партийно-политической борьбы. В обществе, где функционирует многопартийная система, а смена руководства страны осуществляется посредством демократических выборов, только крупные политические объединения способны реально претендовать на власть. Различные мелкие и средние группировки неизбежно оказываются перед выбором: они должны либо пойти на создание широкой коалиции, либо оказаться на периферии политической жизни. Однако ограничившись лишь электоральным союзом, рассчитывать на длительный успех не приходится – необходимо создание долговременной политической структуры. Возникающая в результате подобного объединения партия, как правило, состоит из ряда группировок, которые по многим вопросам занимают различные позиции и преследуют разные цели. Главная задача такой партии заключается в том, чтобы преодолеть внутренние размежевания и достигнуть (или, по крайней мере, убедительно продемонстрировать избирателям) сплоченность и единство. Препятствием на этом пути являются личные амбиции политиков, предпочитающих стоять во главе тесной группы преданных последователей, а не работать в команде, уступив лидерство наиболее достойному. Однако раскол и дробление сил были и остаются стратегией поражения.

Создание партии вигов в середине 1830-х годов стало результатом союза различных по своему характеру сил, которые по отдельности не были способны противостоять находившимся у власти демократам. На выборах 1836 года противоречия в новой партии были столь сильны, что виги не сумели договориться о едином кандидате на пост президента страны и потерпели поражение. Частичное преодоление внутрипартийных размежеваний позволило вигам одержать убедительную победу в 1840 году, но воспользоваться ее плодами им так и не удалось – смерть президента Гаррисона обнажила еще не забытые конфликты и амбиции. Кризис в руководстве партии привел к печальным последствиям: предложенная программа социально-экономических преобразований не была реализована, партия оказалась на грани раскола, а разочарованные избиратели вигов надолго потеряли веру в раздаваемые партийными лидерами обещания.

На президентских выборах 1844 года в сложном положении оказались демократы – выдвижение Джеймса Полка с лозунгом «Техас и Орегон любой ценой» не вызвало энтузиазма в северо-восточных штатах. Однако решение было найдено – на Севере демократы вели агитацию в поддержку Полка, но против аннексии, что позволило демократической партии одержать победу. А вот вигам не повезло. Наиболее радикальные вигские избиратели, возмущенные непоследовательностью Клея в тексасском вопросе, голосовали за партию Свободы. Хотя кандидат аболиционистов Джеймс Бирни набрал менее 3% голосов, этого оказалось достаточно, чтобы склонить чашу весов в пользу демократов. По иронии истории, для победы Клею не хватило 5 тыс. голосов в одном штате – Нью-Йорке, но их-то как раз у вигов отобрала партия Свободы, которую в этом штате поддержали менее 16 тыс. человек.

После победоносного завершения войны с Мексикой жертвой внутрипартийных размежеваний стали демократы. Кандидатом в президенты от демократической партии был выдвинут Льюис Касс. Экс-президент США Мартин Ван-Бюрен, также претендовавший на лидерство в партии, порвал со своими бывшими соратниками и возглавил движение фрисойлеров, сторонников свободного доступа к западным землям. Свои голоса за Ван-Бюрена отдали чуть более 10% избирателей, по большей части демократы из северо-восточных штатов. Демократический

электорат оказался расколотым, и новым президентом страны стал кандидат вигов, генерал Закари Тейлор.

Второй урок касается социально-экономической жизни общества. Господство свободных рыночных отношений не исключает активного участия государства в этой сфере. Наиболее универсальными инструментами государственного вмешательства являются стимулирование и регулирование экономики в отдельных отраслях и регионах. Грамотное использование этих рычагов способствует планомерному, осмысленному, взвешенному и сбалансированному развитию страны в долгосрочной перспективе. Характерная особенность нерегулируемых капиталистических отношений заключается в стихийном развитии экономики. Подобная ситуация благоприятствует тем отраслям и регионам, которые представляются наиболее привлекательными с точки зрения окупаемости сделанных вложений и получения прибыли в кратко- и среднесрочный период, что неизбежно ведет к усилению неравномерностей хозяйственного развития страны. В этом случае планомерное движение вперед возможно, но лишь в том случае, если это выгодно частному бизнесу. К сожалению, интересы предпринимателей и нужды общества совпадают далеко не всегда.

В первой половине 1840-х годов в Соединенных Штатах с новой силой разгорелась борьба между сторонниками двух концепций социально-экономического развития страны. Демократы являлись приверженцами нерегулируемых капиталистических отношений, в то время как виги выступали в поддержку активного государственного вмешательства в американскую экономику. Иными словами, США стояли перед выбором между частнокапиталистическим и государственно-стимулируемым капитализмом.

Предложенная вигами программа «Американская система» предусматривала поддержку со стороны федерального правительства для более слабых «игроков» – Юга и Северо-Запада. Воссоздание Государственного банка должно было способствовать развитию кредитно-финансовой системы в южных и северо-западных штатах. Высокие протекционистские пошлины отвечали главным образом нуждам зарождающейся южной промышленности. Государственное финансирование транспортного строительства за счет средств, вырученных от продажи общественных земель, было ориентировано на осуществление тех про-

ектов, которые не обязательно приносили бы прибыль в краткой и среднесрочной перспективе, однако были важны для экономики отдельных штатов или страны в целом.

Победа нерегулируемых капиталистических отношений усилила неравномерности развития американского капитализма. Меры государственного стимулирования – Государственный банк, высокие протекционистские тарифы, финансирование транспортного строительства – уже не были необходимы для быстрого промышленного развития Северо-Востока. Хорошо развитая и стабильная кредитно-финансовая система способствовала превращению северо-восточных штатов в кредиторскую часть всей страны. Умеренно-протекционистский тариф, подразумевавший ограниченную конкуренцию с иностранными товарами, благоприятно отразился на промышленности Северо-Востока, поскольку служил действенным стимулом для снижения стоимости и повышения качества выпускаемой продукции. Промышленный Северо-Восток и вошедший в его экономическую орбиту фермерский Северо-Запад оказывались наиболее перспективным рынком железнодорожного строительства для частных предпринимателей.

Выбор частнокапиталистического пути благотворно сказался на общих темпах экономического роста США. За пятнадцать лет между 1844 и 1859 годом объем промышленного производства в стране вырос почти в четыре раза и накануне Гражданской войны Соединенные Штаты вышли на второе место в мире по уровню промышленного развития. Однако подобный результат был достигнут исключительно за счет успехов одной секции – Северо-Востока.

Третий урок относится к области внешней политики. Поведение отдельного государства на международной арене можно описать в рамках двух моделей – договорной и конфронтационной. Эти модели являются инструментами в руках правительства, и выбор между ними должен определяться исходя из внешнеполитических целей. Использование договорной модели необходимо в тех случаях, когда компромиссное урегулирование существующих противоречий является более предпочтительным, чем эскалация международной напряженности. Это может быть вызвано различными причинами: концентрацией усилий на решении внутренних проблем, приоритетным вниманием к другим внешнеполитическим вопросам, несоразмерностью цены побе-

ды в случае вооруженного конфликта с возможным выигрышем и, наконец, военной слабостью. Важно помнить, что умелое использование дипломатии может принести крупный успех даже в тех в ситуациях, в которых другие средства бессильны. «Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости»².

Применение конфронтационной модели оправдано, когда перед страной стоят задачи, требующие радикального решения: изменение сложившегося баланса сил, пересмотр существующих границ, повышение статуса государства в международной иерархии. Приверженность жесткому курсу во внешней политике означает выбор в пользу обострения конфликтов, силового давления и балансирования на грани войны. Конфронтационная модель по определению является стратегией риска, и ее успех зависит от того, в какой степени внешнеполитические амбиции подкреплены реальной военной мощью и политической волей, необходимой для использования имеющихся сил. «Побеждают, если знают, когда можно сражаться и когда нельзя; побеждают, когда умеют пользоваться и большими, и малыми силами»³.

На протяжении двадцати лет после провозглашения доктрины Монро в 1823 году внешняя политика Соединенных Штатов строилась на основе договорной модели. За этот период в актив американской дипломатии можно занести разве что договор 1842 года, частично урегулировавший пограничные споры между США и Великобританией. Решить в рамках выбранного подхода более важные вопросы, касающиеся будущего Техаса, Калифорнии и Орегона, оказалось невозможно. Разработанный Дэниелом Уэбстером проект трехстороннего соглашения предусматривал, что Великобритания в обмен на выгодное для себя размежевание в Орегоне добьется от Мексики передачи Соединенным Штатам Калифорнии, но этот план был слишком красив, чтобы стать реальностью.

Успех американского экспансионизма в середине 1840-х годов определялся тем фактом, что США оказались единственной державой на североамериканском континенте, способной грамотно использовать конфронтационную модель для достижения своих внешнеполитических целей. Американское правительство намеренно шло на обострение отношений с Мексикой и Великобританией, рассчитывая при помощи силового давления и ба-

лансирования на грани войны добиться территориальных уступок. В случае с Техасом и Орегоном Соединенные Штаты сумели достичь желаемого результата, не переводя конфликт в фазу вооруженных действий. Начавшаяся вскоре война с Мексикой убедительно продемонстрировала, что лидеры США обладали политической волей, а государство – достаточной военной мощью, чтобы их амбициозные планы стали реальностью.

Мексиканские власти, напротив, не могли сделать рациональный выбор между двумя внешнеполитическими моделями и пытались совместить в своих действиях элементы обоих подходов. В сложившейся ситуации конфронтационная модель была неадекватна в силу политической и военной слабости Мексики, однако неспособность осознать очевидное препятствовала грамотному использованию договорной модели. Если бы мексиканцы признали независимость Техаса до 1843 года включительно и согласились признать Великобританию как гаранта суверенитета Техаса и новой мексикано-техасской границы, им, скорее всего, удалось бы свести к минимуму территориальные потери, а затем, в союзе с Великобританией, создать надежный барьер территориальной экспансии США.

Лишь Британская империя, наиболее могущественная держава той эпохи, обладала богатым арсеналом средств, чтобы остановить неуправляемый напор американцев. Однако английская дипломатия не проявила достаточной заинтересованности в решении политических проблем на североамериканском континенте. Когда же Соединенные Штаты перешли к агрессивным действиям, правительство Великобритании не сочло необходимым перестраивать всю внешнеполитическую линию соразмерно с событиями на второстепенном для себя направлении и выразило готовность пойти на разумные уступки.

«Война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять»⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

- ¹ *Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy: Essays. Cambridge, 1979. P. 18–31.
- ² *Rostow W.W.* The Process of Economic Growth. Oxford, 1960. P. 282, 310–326.
- ³ См., например: Введение в теорию международных отношений. М., 2001. С. 11–13.
- ⁴ *Ефимов А.В.* К истории капитализма в США. М., 1934; *Ефимов А.В.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М., 1969.
- ⁵ *Манькин А.С., Сивачев Н.В.* Двухпартийная система в США: история и современность (некоторые методологические проблемы исследования) // Новая и новейшая история. 1978. № 3.
- ⁶ *Манькин А.С.* История двухпартийной системы США (1789–1980). М., 1981; Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современность: В 2 ч. М., 1988–1989.
- ⁷ См.: *Согрин В.В.* Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX в. М., 1995; *Согрин В.В.* Политическая история США: XVII–XX вв. М., 2001.
- ⁸ *Дубовицкий Г.А.* Эволюция демократической партии США (1830–1848). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1979; *Власова М.А.* Образование вигской партии в США. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986; *Романова Н.Х.* Реформы Э. Джексона, 1829–1837. М., 1988.
- ⁹ *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро. Происхождение и характер. М., 1959.
- ¹⁰ *Потокова Н.В.* Агрессия США против Мексики. 1846–1848. М., 1962; *Потокова Н.В.* Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки. 1821–1845. Ростов н/Д, 1986; *Ярыгин А.А.* Джеймс Н. Полк и политика экспансии США в 1845–1849 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1988; *Курилла И.И.* «Войти в круг великих держав». Дэниэл Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX в. Волгоград, 1997.
- ¹¹ См.: *Захарова М.Н.* Народное движение в США против рабства. 1831–1860. М., 1965. С. 34–35; *Косарев Б.Н.* О начале промышленного переворота в США // Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та. 1966. Вып. 58. С. 103–104; *Болховитинов Н.Н.* Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII – первая половина XIX в.) // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 128–199.
- ¹² *Шпотов Б.М.* Промышленный переворот в США: В 2 ч. М., 1991; *Супоницкая И.М.* Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998.
- ¹³ *Супоницкая И.М.* Ук. соч. С. 172.
- ¹⁴ *Cole A.Ch.* The Whig Party in the South. Washington, 1913; *Smith J.H.* The Annexation of Texas. New York, 1919; *Smith J.H.* The War with Mexico. Vol. 1–2, New York, 1919.
- ¹⁵ *Turner F.S.* The Frontier in American History. New York, 1920.
- ¹⁶ *Schlesinger Jr. A.M.* The Age of Jackson. Boston, 1945; *Van Deusen G.G.* The Jacksonian Era, 1828–1848. New York, 1959.
- ¹⁷ *Taylor G.R.* The Transportation Revolution, 1815–1860. New York, 1951; *North D.C.* The Economic Growth of the United States, 1790–1860. Englewood Cliffs (N.J.), 1961.
- ¹⁸ *Graebner N.A.* Empire on the Pacific: A Study in American Continental Expansionism. New York, 1955.

¹⁹ См., например: *Benson L.* The Concept of Jacksonian Democracy. New York as a Test Case. Princeton (N.J.), 1961; *Shade W.G.* Banks or No Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832–1865. Detroit, 1972; *Pessen E.* Jacksonian America; Society, Personality, and Politics. Homewood (Ill.), 1969.

²⁰ См., например: *Temin P.* The Jacksonian Economy. New York, 1969; *Rockoff H.* The Free Banking Era: A Re-Examination. New York, 1975.

²¹ См., например: *Wilson M.L.* Space, Time, and Freedom; the Quest for Nationality and the Irrepressible Conflict, 1815–1861. Westport (Conn.), 1974; *Howe D.W.* The Political Culture of the American Whigs. Chicago, 1979; *Ashworth J.* “Agrarians” and “Aristocrats”: Party Political Ideology in the United States, 1837–1846. London, 1983; *Kohl L.F.* The Politics of Individualism: Parties and the American Character in the Jacksonian Era. New York, 1989.

²² См., например: *Merk F.* Fruits of Propaganda in the Tyler Administration. Cambridge (Mass.), 1971; *Merk F.* Slavery and the Annexation of Texas. New York, 1972; *Sellers Ch.G.* James K. Polk: Continentalist, 1843–1846. Princeton (N.J.), 1966; *Pletcher D.M.* The Diplomacy of Annexation: Texas, Oregon and the Mexican War. Columbia (Mo.), 1977.

²³ *Sellers Ch.G.* The Market Revolution. Jacksonian America, 1815–1846. New York, 1991; *Morrison M.* Slavery and the American West. The Eclipse of the Manifest Destiny and the Coming of the Civil War. Chapel Hill (N.C.), 1997; *Watson H.L.* Andrew Jackson vs. Henry Clay: Democracy and Development in Antebellum America. Boston, 1998; *Holt M.F.* The Rise and Fall of the American Whig Party: Jacksonian Politics and the Onset of the Civil War. New York, 1999.

К главе I

¹ United States Historical Census Data Browser. Compiled by Inter-University Consortium for Political and Social Research (ICPSR). Published at <http://fisher.lib.virginia.edu/census/>; Population: 1790 to 1990 // U.S. Bureau of the Census. Published at <http://www.census.gov/population/censusdata/table-4.pdf>; *Taylor G.R.* Op. cit. P. 451; *North D.C.* Op. cit. P. 205, 284, 288.

² Посчитано по: *Rostow W.W.* Op. cit. P. 349–350; *Taylor G.R.* Op. cit. P. 79.

³ Eighth Census of the United States, 1860. Vol. 1–4. Washington, 1864–1866. Vol. 4. P. 291.

⁴ Посчитано по: Seventh Census of the United States. Vol. 4. Vol. 1–4. Washington, 1853–1854. P. 40, 82.

⁵ *Gibson C.* Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States: 1790 to 1990 // Population Division. U.S. Bureau of the Census. Washington, D.C. June 1998. Population Division Working Paper No. 27. Published at <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0027.html>

⁶ Посчитано по: United States Historical Census Data Browser.

⁷ Посчитано по: United States Historical Census Data Browser.

⁸ *Taylor G.R.* Op. cit. P. 79.

⁹ *North D.C.* Op. cit. P. 189.

¹⁰ Основные положения «Американской системы» изложены в речи Клея в палате представителей от 31 марта 1824 г. – *Annals of Congress*. 18th Cong. 1st sess. Col. 1962–2001.

¹¹ *Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897*. Vol. 1–10. Washington, 1968. Vol. 2. P. 442–462.

¹² Посчитано по: *Historical Statistics of the United States*. Colonial Times to 1870. Pt. 1–2. New York, 1989. Pt. 2. P. 766.

¹³ Посчитано по: United States Historical Census Data Browser.

- ¹⁴ *Gatell F.O.* Spoils of the Bank War: Political Bias in the Selection of Pet Banks // *American Historical Review*. Vol. 70. Iss. 71. October, 1964. P. 36, 43–44, 50.
- ¹⁵ U.S. Statutes at Large. Act of March 2, 1833. Vol. 4. Ch. 55. P. 629–631.
- ¹⁶ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 510.
- ¹⁷ U.S. Statutes at Large. Act of March 31, 1830. Vol. 4. Ch. 48. P. 390–392.
- ¹⁸ Выразителем первой точки зрения выступил Артур Шлезингер, второй подход аргументировано обосновал Питер Темин – *Schlesinger Jr. A.M.* Op. cit. P. 217–218; *Temin P.* The Economic Consequences of the Bank War // *Journal of Political Economy*. Vol. 76. Iss. 2. March–April 1968. P. 270–271.
- ¹⁹ U.S. Statutes at Large. Act of February 22, 1819. Treaty with Spain. Vol. 8. P. 252–273.
- ²⁰ *Ibid.* Act of October 20, 1818. Convention with Great Britain. Vol. 8. P. 248–250.
- ²¹ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 2. P. 217–220.
- ²² Посчитано по: Sixth Census of the United States, 1840. Vol. 1–4. Washington, 1841. Vol. 3. P. 367–368; Historical Statistics of the United States. Pt. 1. P. 430.
- ²³ Принципы функционирования двухпартийной системы США. Ч. 1. С. 8–12.
- ²⁴ *Morgan R.J.* A Whig Embattled: The Presidency under John Tyler. Hamden (Conn.), 1974. P. 149.
- ²⁵ *Holt M.F.* Op. cit. P. 115–116.
- ²⁶ *Cole A.Ch.* Op. cit. P. 53; *Sellers Ch.* Who Were the Southern Whigs? // *American Historical Review*. Vol. 59. Iss. 2. January 1954. P. 340–341; *History of U.S. Political Parties*. Vol. 1–4. New York, 1980. Vol. 1. 1789–1860. From Factions to Parties. P. 341.
- ²⁷ *Biddle N.* The Correspondence of Nicholas Biddle, Dealing with National Affairs, 1807–1844. Boston; New York, 1919. P. 256.
- ²⁸ Historical Statistics of the United States. Pt. 2. P. 1074.
- ²⁹ *Ibid.* P. 1074, 1076, 1080; Political Divisions of the House of Representatives (1789 to Present). Published at http://clerk.house.gov/histHigh/Congressional_History/partyDiv.php; Senate Statistics. Majority and Minority Parties (Party Division). Published at http://permanent.access.gpo.gov/lps12426/www.senate.gov/learning/stat_13.html
- ³⁰ *Clay H.* The Papers of Henry Clay. Vol. 1–11. Lexington (Ky.), 1959–1992. Vol. 9. P. 393–394, 424; Library of Congress. Papers of William Henry Harrison. Microfilm Edition. Series 3. Reel 3. Newspaper Extracts. Affinities Between Harrison and Abolitionism; General Harrison – The Constitution of the United States.
- ³¹ Niles' National Register. Vol. 56. June 29, 1839. P. 275; *Congressional Globe*. 27th Cong. 1st sess. Appendix. P. 224; *Clay H.* Op. cit. Vol. 9. P. 519; *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Vol. 1–14. Hanover (N.H.), 1974–1989. Series 1. Correspondence. Vol. 5. P. 134.
- ³² *Adams J.* The Works of John Adams. Vol. 1–10. Boston, 1850–1856. Vol. 1. P. 460.
- ³³ *Holt M.F.* Op. cit. P. 105–113.
- ³⁴ *Columbus Enquirer*. September 16, 1840. P. 1.
- ³⁵ Historical Statistics of the United States. Pt. 2. P. 1074, 1076, 1080; Political Divisions of the House of Representatives; Senate Statistics. Majority and Minority Parties.
- ³⁶ Library of Congress. Papers of William Henry Harrison. Microfilm Edition. Series 1. Reel 2. George Badger to Daniel Webster. February 17, 1841.
- ³⁷ *Tyler L.G.* The Letters and Times of the Tylers. Vol. 1–3. Richmond (Va.), 1884–1896. Vol. 2. P. 10.
- ³⁸ *National Intelligencer*. February 9, 1841. P. 4.
- ³⁹ *Ibid.* February 6, 1841. P. 4; *Clay H.* Op. cit. Vol. 9. P. 495–496.
- ⁴⁰ *National Intelligencer*. 1841. P. 3.
- ⁴¹ William Henry Harrison. 1773–1841. John Tyler. 1790–1862. Chronology, Documents, Bibliographical Aids. New York, 1970. P. 33.
- ⁴² *National Intelligencer*. March 25, 1841. P. 3.

К главе II

- ¹ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 22.
- ² University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of John MacPherson Berrien. Series 1. Folder 16. John Tyler to John Berrien. April 13, 1841; Henry Clay to John Berrien. April 20, 1841; George Badger to John Berrien. April 25, 1841; *Clay H.* Op. cit. Vol. 9. P. 519–523; *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 5. P. 108, 117–118.
- ³ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 43, 46.
- ⁴ Senate Journal. 27th Cong. 1st sess. August 19, 1841. P. 170–193.
- ⁵ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 63–68.
- ⁶ *Ewing Th.* Diary of Thomas Ewing, August and September, 1841 // American Historical Review. Vol. 18. Iss. 1. October 1912. P. 99; *Benton Th.H.* Thirty Years View or a History of the Working of the American Government for Thirty Years. Vol. 1–2. New York, 1854–1856. Vol. 2. P. 343, 346.
- ⁷ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 69, 71.
- ⁸ *Ibid.* P. 77.
- ⁹ Library of Congress. Papers of John Tyler. Microfilm Edition. Series 1. Reel 1. John Tyler to N. Beverly Tucker. July 28, 1841; *Mangum W.P.* The Mangum Papers. Vol. 1–5. Raleigh (N.C.), 1950–1956. Vol. 3. P. 182–184; *Graham W.A.* The Papers of William Alexander Graham. Vol. 1–8. Raleigh (N.C.), 1957–1992. Vol. 2. 1838–1844. P. 192; Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 48.
- ¹⁰ National Intelligencer. June 22, 1841. P. 3; Raleigh Register and North Carolina Gazette. June 15, 1841. P. 3; New York Tribune. June 18, 1841. P. 2.
- ¹¹ *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 5. P. 124–137; National Intelligencer. June 15, 1841. P. 3; June 17, 1841. P. 1, 3.
- ¹² Senate Journal. 27th Cong. 1st sess. August 19, 1841. P. 187–188.
- ¹³ Charleston Courier. August 14, 1841. P. 2.
- ¹⁴ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 260, 303.
- ¹⁵ Mobile Commercial Advertiser. August 16, 1841. P. 2.
- ¹⁶ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. Appendix. P. 364–366, 368–369; *Tyler L.G.* Op. cit. Vol. 2. P. 112.
- ¹⁷ Brownslow's Whig. August 25, 1841. P. 3; September 1, 1841. P. 3; New Orleans Bee. August 26, 1841. P. 2.
- ¹⁸ National Intelligencer. August 17, 1841. P. 3.
- ¹⁹ *Crittenden J.J.* Life of John J. Crittenden, with Selections From His Correspondence and Speeches. Vol. 1–2. Philadelphia, 1871. Vol. 1. P. 159.
- ²⁰ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 64–68.
- ²¹ House Journal. 27th Cong. 1st sess. September 10, 1841. P. 497–508.
- ²² *Eaton C.* Henry Clay and the Art of American Politics. Boston, 1957. P. 149.
- ²³ University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of John MacPherson Berrien. Series 1. Folder 16. John Berrien to John Sergeant. September 27, 1841; John Sergeant to John Berrien. October 12, 1841; Papers of Henry Alexander Wise. Microfilm. Facts Appearing on the Face of Correspondence of Ewing, Bell and Badger; *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 5. P. 178; *Ewing Th.* Op. cit. P. 103; Niles' National Register. Vol. 61. September 18, 1841. P. 33–34; September 25, 1841. P. 53–54.
- ²⁴ *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 5. P. 147–148, 179; *Ewing Th.* Op. cit. P. 104.
- ²⁵ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 417–418.
- ²⁶ *Ewing Th.* Op. cit. P. 105–106.

- ²⁷ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 372, 423.
- ²⁸ Brownslow's Whig. September 22, 1841. P. 3; New Orleans Bee. September 20, 1841; September 22, 1841. P. 2; Raleigh Register and North Carolina Gazette. September 14, 1841. P. 3.
- ²⁹ Boston Atlas. September 13, 1841. P. 2; September 15, 1841. P. 2; New York Tribune. September 11, 1841. P. 2; Cincinnati Gazette. September 16, 1841. P. 2; September 17, 1841. P. 2; Columbus Enquirer. September 22, 1841. P. 2; September 29, 1841. P. 3.
- ³⁰ Library of Congress. Papers of John Tyler. Microfilm Edition. Series 1. Reel 1. John Tyler to Thomas Cooper. October 8, 1841; John Tyler to Littleton Tazewell. October 11, 1841; Tyler to Littleton Tazewell. November 2, 1841.
- ³¹ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 205–207; Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. P. 34–39.
- ³² National Intelligencer. February 24, 1842. P. 3; February 26, 1842. P. 3.
- ³³ New York Tribunc. December 9, 1841. P. 2; Boston Atlas. December 28, 1841. P. 2; Cincinnati Gazette. December 20, 1841. P. 2; National Intelligencer. March 2, 1842. P. 2; Cincinnati Gazette. December 29, 1841. P. 2; December 31, 1841. P. 2; February 26, 1842. P. 2; February 28, 1842. P. 2.
- ³⁴ Charleston Courier. December 29, 1841. P. 2; Columbus Enquirer. December 22, 1841. P. 2; December 29, 1841. P. 2; February 9, 1842. P. 2; February 16, 1842. P. 2; March 9, 1842. P. 2; New Orleans Bee. December 16, 1841. P. 2; Brownslow's Whig. December 22, 1841. P. 1; Raleigh Register and North Carolina Gazette. December 21, 1841. P. 2; April 8, 1842. P. 2; Richmond Compiler. October 19, 1841. P. 2; Charleston Courier. December 11, 1841. P. 2.
- ³⁵ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. Appendix. P. 87.
- ³⁶ Из приверженцев первого подхода можно отметить Роберта Сигера, типичным представителем второй точки зрения является Артур Шлезингер – *Seager R. And Tyler Too: A Biography of John and Julia Gardiner Tyler*. New York, 1963. P. 151–175; *Schlesinger Jr. A.M. Op. cit.* P. 395.
- ³⁷ Congressional Globe, 27th Cong. 1st sess. Appendix. P. 354.
- ³⁸ Library of Congress. Papers of Martin Van Buren. Microfilm Edition. Series 2. Reel 25. Francis Blair to Martin Van Buren. September 27, 1841.
- ³⁹ National Intelligencer. April 2, 1841. P. 3.
- ⁴⁰ Ibid. May 18, 1841. P. 3.
- ⁴¹ Charleston Courier. February 14, 1842. P. 2.
- ⁴² National Intelligencer. April 2, 1841. P. 3
- ⁴³ Washington Globe. June 1, 1841. P. 3.
- ⁴⁴ Ibid. August 16, 1841. P. 3; September 3, 1841. P. 3; Richmond Enquirer. September 14, 1841. P. 3; Mobile Commercial Advertiser. August 25, 1841. P. 2; Philadelphia Public Ledger. September 21, 1841. P. 2.
- ⁴⁵ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. Appendix. P. 43–46, 52–72.
- ⁴⁶ New York Journal of Commerce. August 20, 1841. P. 2; December 16, 1841. P. 2.
- ⁴⁷ Senate Document No. 2. 27th Cong. 1st sess. P. 1–5.
- ⁴⁸ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 43, 47–48.
- ⁴⁹ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 364.
- ⁵⁰ Ibid. P. 365; National Intelligencer. June 1, 1841. P. 3.
- ⁵¹ Columbus Enquirer. September 22, 1841. P. 2.
- ⁵² Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 364–365; Cincinnati Gazette. September 17, 1841. P. 2.
- ⁵³ Richmond Enquirer. August 31, 1841. P. 3; New York Herald. September 2, 1841. P. 2.

- ⁵⁴ Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 365.
- ⁵⁵ Ibid. P. 369–370.
- ⁵⁶ U.S. Statutes at Large. Act of September 4, 1841. Vol. 5. Ch. 16. P. 453–458; Congressional Globe. 27th Cong. 1st sess. P. 388, 407.
- ⁵⁷ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. P. 235–236.
- ⁵⁸ House Journal. 27th Cong. 2nd sess. June 15, 1842. P. 974–975; House Journal. 27th Cong. 2nd sess. July 16, 1842. P. 1107–1109.
- ⁵⁹ National Intelligencer. March 19, 1842. P. 1; June 16, 1842. P. 1.
- ⁶⁰ Charleston Courier. July 7, 1842. P. 2.
- ⁶¹ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 180–189.
- ⁶² New York Tribune. August 11, 1842. P. 2; Boston Atlas. July 2, 1842. P. 2; Cincinnati Gazette. July 8, 1842. P. 2.
- ⁶³ Columbus Enquirer. August 17, 1842. P. 3.
- ⁶⁴ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. P. 894–896.
- ⁶⁵ *Crittenden J.J.* Op. cit. Vol. 1. P. 189–192.
- ⁶⁶ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. Appendix. P. 760.
- ⁶⁷ House Journal. 27th Cong. 2nd sess. August 22, 1842. P. 1385–1387.
- ⁶⁸ Senate Journal. 27th Cong. 2nd sess. August 27, 1842. P. 629.
- ⁶⁹ Columbus Enquirer. October 5, 1842. P. 3.
- ⁷⁰ Raleigh Register and North Carolina Gazette. August 30, 1842. P. 3; Brownslow's Whig. September 7, 1842. P. 1.
- ⁷¹ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. Appendix. P. 770–771; New York Tribune. August 11, 1842. P. 2.
- ⁷² Congressional Globe 27th Cong. 2nd sess. Appendix. P. 700–710.
- ⁷³ House Journal. 27th Cong. 2nd sess. August 22, 1842. P. 1385–1387; Senate Journal. 27th Cong. 2nd sess. August 27, 1842. P. 629.
- ⁷⁴ New York Herald. August 30, 1842. P. 2; Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. P. 953.
- ⁷⁵ Philadelphia Public Ledger. August 11, 1842. P. 2; September 8, 1842. P. 2; New York Herald. August 30, 1842. P. 2.
- ⁷⁶ U.S. Statutes at Large. Act of August 30, 1842. Vol. 5. Ch. 270. P. 548–567.
- ⁷⁷ Congressional Globe. 27th Cong. 2nd sess. P. 958.
- ⁷⁸ Historical Statistics of the United States. Pt. 2. P. 1080; Political Divisions of the House of Representatives; Senate Statistics. Majority and Minority Parties.
- ⁷⁹ Cambridge Economic History of the United States. Vol. 1–3. New York, 1996. Vol. 2. Long Nineteenth Century. P. 522; Niles' National Register. Vol. 61. November 27, 1841. P. 202; Classification of the Indebtedness of Each County to the State Bank and Branches Made Out for the Joint Examining Committee. Tuscaloosa (Al.), 1843. P. 6.
- ⁸⁰ *Goodrich C.* The Revulsion Against Internal Improvements // Journal of Economic History. Vol. 10. No. 2. November 1950. P. 145–148; *Taylor G.R.* Op. cit. P. 91.
- ⁸¹ American Review: A Whig Journal of Politics, Literature, Art and Science. Vol. 4. No. 3. September, 1846. P. 215, 227–228; Congressional Globe. 29th Cong. 1st sess. Appendix. P. 1134.
- ⁸² U.S. Statutes at Large. Act of July 30, 1846. Vol. 9. Ch. 74. P. 42–46.
- ⁸³ Congressional Globe. 29th Cong. 1st sess. P. 1158, 1165.
- ⁸⁴ Philadelphia Public Ledger. August 1, 1846. P. 4.
- ⁸⁵ Посчитано по: *North D.C.* Op. cit. P. v, 205.
- ⁸⁶ Посчитано по: *Rockoff H.T.* Varieties of Banking and Regional Economic Development in the United States, 1840–1860 // Journal of Economic History. Vol. 5. Iss. 1. March 1975. P. 165.

К главе III

- ¹ *Webster D.* The Writings and Speeches of Daniel Webster. Vol. 1–18. Boston, 1903. Vol. 2. Speeches on Various Occasions. P. 205.
- ² *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 6. P. 13–15.
- ³ *Tyler L.G.* Op. cit. Vol. 2. P. 254.
- ⁴ *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 1. Vol. 6. P. 15.
- ⁵ U.S. Statutes at Large. Act of August 9, 1842. Treaty with Great Britain. Vol. 8. P. 572–577.
- ⁶ Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations, 1784–1860. Vol. 1–4. Washington, 1940–1945. Vol. 3. 1836–1843. P. 690–692, 704–705.
- ⁷ *Webster D.* The Papers of Daniel Webster. Series 3. Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 842; *Adams J.Q.* Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of his Diary, 1795–1848. Vol. 1–12. Free Port (N.Y.), 1969. Vol. 9. P. 347, 351.
- ⁸ *Edwards P.L.* Sketch of the Oregon Territory, or Emigrant's Guide. Liberty (Mo.), 1842.
- ⁹ Report on the Territory of Oregon, by a Committee, Appointed at a Meeting of the Citizens of Columbus, to Collect Information in Relation Thereto. Columbus (Oh.), 1843. P. 21.
- ¹⁰ United States Magazine and Democratic Review. Vol. 12. No. 63. April 1843. P. 358.
- ¹¹ Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831–1860. Vol. 1–12. Washington, 1932–1939. Vol. 12. Texas and Venezuela. P. 293, 301–304, 310–311, 322; British Documents on Foreign Affairs. Part I. Series C. Vol. 2. Oregon and Texas, 1842–1848. London, 1986. P. 253–254, 258, 263–268; *Jones A.* Memoranda and Official Correspondence Relating to the Republic of Texas, its History and Annexation. New York, 1859. P. 247, 252.
- ¹² Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 12. P. 53–60, 64, 69, 324–325.
- ¹³ University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of Waddy Thompson. Folder 1. Waddy Thompson to Emma Thompson April 27, 1842; Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 8. Mexico. P. 139–142, 558.
- ¹⁴ Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 12. P. 70–72, 324–333; Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 316–318; *Jones A.* Op. cit. P. 336.
- ¹⁵ *Calhoun J.C.* The Papers of John C. Calhoun. Vol. 1–26. Columbia (S.C.), 1974–1984. Vol. 17. P. 383.
- ¹⁶ *Madisonian*. January 32, 1843. P. 2.
- ¹⁷ *Boston Atlas*. May 9, 1843. P. 3; *Niles' National Register*. Vol. 64. May 13, 1843. P. 173–175.
- ¹⁸ *Boston Atlas*. May 9, 1843. P. 3.
- ¹⁹ University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of Duff Green. Series 1. Folder 51. Duff Green to John Tyler. July 3, 1843; Folder 51. Duff Green to Abel Upshur. November 4, 1843; *Madisonian*. October 28, 1843. P. 2; October 30, 1843. P. 2; October 31, 1843. P. 2; November 15, 1843. P. 2; November 16, 1843. P. 2; November 22, 1843. P. 2.
- ²⁰ *Niles' Register*. Vol. 64. July 1, 1843. P. 284.
- ²¹ *Philadelphia Public Ledger*. November 14, 1843. P. 2; December 4, 1843. P. 2; *New York Herald*. November 10, 1843. P. 2; *New York Tribune*. November 11, 1843. P. 2; November 25, 1843. P. 2.
- ²² Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 258, 260–261.
- ²³ *New York Herald*. December 16, 1843. P. 2.

- ²⁴ Mobile Commercial Advertiser. February 23, 1844. P. 2.
- ²⁵ Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. 91.
- ²⁶ Cincinnati Gazette. March 22, 1844. P. 2.
- ²⁷ Boston Atlas. March 19, 1844. P. 2.
- ²⁸ Charleston Mercury. March 21, 1844. P. 2; March 25, 1844. P. 2; Cincinnati Gazette. March 22, 1844. P. 2; Mobile Commercial Advertiser. March 25, 1844. P. 2.
- ²⁹ Niles' National Register. Vol. 66. May 4, 1844. P. 157.
- ³⁰ *Clay H.* Op. cit. Vol. 10. P. 42–44.
- ³¹ Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. 497.
- ³² *Ibid.* P. 475–476, 685–686.
- ³³ Congressional Globe, 28th Cong. 1st sess. P. 647; *Adams J.Q.* Op. cit. Vol. 12. P. 22.
- ³⁴ *Walker R.J.* Letter of Mr. Walker of Mississippi, Relative to the Annexation of Texas. Washington, 1844. P. 11–14.
- ³⁵ Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. P. 721–722; *Ingersoll Ch.J.* Mr. C.J. Ingersoll's View of the Texas Question. Washington, 1844; *Wilkins W.* Mr. Wilkins's Address to the People of the 21st Congressional District of Pennsylvania. Washington, 1844.
- ³⁶ South in Danger. Read Before You Vote. Address of the Democratic Association, Washington, D.C. Washington, 1844.
- ³⁷ Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. 688, 696, 701–702.
- ³⁸ *Calhoun J.C.* Op. cit. Vol. 17. P. 356.
- ³⁹ Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 7. Great Britain. P. 6–25; Vol. 8. P. 143, 149–150, 578; Vol. 12. P. 44–46, 53, 62–63.
- ⁴⁰ *Ibid.* Vol. 7. P. 18–25; Vol. 8. P. 149–150, 586–587.
- ⁴¹ Цит. по: *Hietala Th.R.* Manifest Design: Anxious Aggrandizement in Late Jacksonian America. Ithaca (N.Y.), 1985. P.40.
- ⁴² Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. 699.
- ⁴³ Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 12. P. 64; *Tyler L.G.* Op. cit. Vol. 2. P. 285; Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. Appendix. P. 559, 720.
- ⁴⁴ University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Mangum Family Papers. Series 1.1. Folder 2. Willie P. Mangum to Wahan Webb. April 20, 1844; University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of Spencer Jarnagin. Folder 1. Spencer Jarnagin to Mary Jarnagin. April 19, 1844; Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. P. 652; Senate Executive Journal. 28th Cong. 1st sess. June 8, 1844. P. 312.
- ⁴⁵ Congressional Globe. 28th Cong. 1st sess. P. 653–657, 660–661, Appendix. P.474–486.
- ⁴⁶ Raleigh Register and North Carolina Gazette. May 21, 1844. P. 3.
- ⁴⁷ Charleston Courier. May 30, 1844. P. 2.
- ⁴⁸ Library of Congress. Papers of Martin Van Buren. Microfilm Edition. Series 2. Reel 27. Thomas Ritchie to Martin Van-Buren. March 20, 1844; Series 2. Reel 28. Silas Wright to Martin Van Buren. March 22, 1844; Alexander Walker to Martin Van Buren. April 25, 1844; Silas Wright to Martin Van Buren. April 29, 1844; Reel 28. Thomas Ritchie to Martin Van-Buren. May 5, 1844; Azariah Flagg to Martin Van Buren. May 7, 1844; Preston King to Martin Van Buren. May 7, 1844; Silas Wright to Martin Van Buren. May 26, 1844.
- ⁴⁹ Niles' National Register. Vol. 66. April 6, 1844. P. 93; May 25, 1844. P. 197; Charleston Courier. May 10, 1844. P. 2; Richmond Enquirer. May 24, 1844. P. 4.
- ⁵⁰ *Jackson A.* Correspondence of Andrew Jackson. Vol. 1–7. Washington, 1926–1935. Vol. 6. P. 201–202, 272, 283–287, 289–293, 298.
- ⁵¹ Washington Globe. April 15, 1844. P. 3.
- ⁵² New York Herald. May 1, 1844. P. 2.

- ⁵³ Cincinnati Enquirer. April 27, 1844. P. 2; May 3, 1844. P. 2; Mobile Commercial Advertiser. May 3, 1844. P. 2.
- ⁵⁴ North Carolina Standard. May 8, 1844. P. 2; May 15, 1844. P. 2; May 22, 1844. P. 3; May 29, 1844. P. 1-2; Democratic Signal. May 3, 1844. P. 3; Richmond Enquirer. April 30, 1844. P. 2.
- ⁵⁵ North Carolina Standard. May 22, 1844. P. 1; Charleston Mercury. May 7, 1844. P. 2.
- ⁵⁶ Niles' National Register. Vol. 66. June 1, 1844. P. 215.
- ⁵⁷ Library of Congress. Papers of Martin Van Buren. Microfilm Edition. Series 2. Reel 28. Azariah Flagg to Martin Van Buren. May 17, 1844.
- ⁵⁸ Ibid. Reel 28. Martin Van Buren to Benjamin Butler. May 5, 1844; Reel 29. Silas Wright to Martin Van Buren. June 3, 1844.
- ⁵⁹ Ibid. Reel 28. Silas Wright to Martin Van Buren. May 23, 1844.
- ⁶⁰ Niles' National Register. Vol. 66. June 1, 1844. P. 211, 216.
- ⁶¹ Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Niles' National Register. Vol. 66. June 1, 1844. P. 211, 217-218.
- ⁶² Niles' National Register. Vol. 66. June 1, 1844. P. 217-218.
- ⁶³ National Party Platforms, 1840-1960. Vol. 1-2. Urbana (Ill.), 1978. Vol. 1. P. 4.
- ⁶⁴ Richmond Enquirer. May 31, 1844. P. 3; Charleston Mercury. June 3, 1844. P. 2; Cincinnati Enquirer. June 7, 1844. P. 2.
- ⁶⁵ New York Herald. May 31, 1844. P. 2; June 1, 1844. P. 2; New York Journal of Commerce. May 31, 1844. P. 2; Washington Globe. May 29, 1844. P. 3.
- ⁶⁶ Library of Congress. Papers of Martin Van Buren. Microfilm Edition. Series 2. Reel 29. Martin Van Buren to Gensevoort Melville and others. June 3, 1844.
- ⁶⁷ Niles' National Register. Vol. 64. May 13, 1843. P. 175; *Webster D.* The Writings and Speeches of Daniel Webster. Vol. 13. Addresses on Various Occasions, Hitherto Uncollected. Boston, 1903 P. 280.
- ⁶⁸ *Giddings J.R.* A Letter from Hon. J.R. Giddings, upon the Duty of Anti-Slavery Men in the Present Crisis. Ravenna (Oh.), 1844. P. 14.
- ⁶⁹ Charleston Mercury. June 21, 1844. P. 2.
- ⁷⁰ South in Danger. P. 1-4.
- ⁷¹ *Lamar M.* Letter of Gen. Mirabeau B. Lamar, Ex-President of Texas, on the Subject of Annexation. Savannah (Ga.), 1844. P. 42-43.
- ⁷² New Orleans Bee. August 9, 1844. P. 1; Columbus Enquirer. August 29, 1844. P. 1.
- ⁷³ *Graham W.A.* Op. cit. Vol. 2. P. 514.
- ⁷⁴ *Clay H.* Op. cit. Vol. 10. P. 78-79, 89-91.
- ⁷⁵ *Mangum W.P.* Op. cit. Vol. 4. P. 145.
- ⁷⁶ Philadelphia Public Ledger. June 17, 1844. P. 2; Cincinnati Enquirer. August 29, 1844. P. 2.
- ⁷⁷ National Intelligencer. July 1, 1844. P. 4; Niles' National Register. Vol. 66. August 3, 1844. P. 371.
- ⁷⁸ Historical Statistics of the United States. Pt. 2. P. 1074; Political Divisions of the House of Representatives; Senate Statistics. Majority and Minority Parties.
- ⁷⁹ *Holt M.F.* Op. cit. P. 194-195.
- ⁸⁰ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 343-344.
- ⁸¹ U.S. Statutes at Large. Act of March 1, 1844. Vol. 5. Ch. 16. P. 797-798.
- ⁸² House Journal. 28th Cong. 2nd sess. January 25, 1845. P. 264-265; Senate Journal. 28th Cong. 2nd sess. February 27, 1845. P. 220
- ⁸³ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 387; Library of Congress. Papers of James Knox Polk. Microfilm Edition. Series 3. Reel 56. Memoranda of Acts of the Texan Congress Relating to the Territory West of the Nueces River. 1845.

- ⁸⁴ Ibid. Series 2. Reel 41. James Polk to John Slidell. September 17, 1845; John Slidell to James Polk. September 25, 1845; James Polk to John Slidell. October 3, 1845; Series 2. Reel 43. John Slidell to James Polk. November 26, 1845; Diplomatic Correspondence. Inter-American Affairs. Vol. 8. P. 172–193.
- ⁸⁵ Diplomatic Correspondence. Canadian Relations. Vol. 3. P. 281, 895–901, 967–975.
- ⁸⁶ *Polk J.K.* The Diary of James K. Polk During His Presidency, 1845–1849. Vol. 1–4. Hanover (N.H.), 1910. Vol. 1. October 21, 1845. P. 63; Library of Congress. Papers of James Knox Polk. Microfilm Edition. Series 2. Reel 42. James Buchanan to Richard Pakenham. October 25, 1845; Series 3. Reel 56. James Buchanan to Richard Pakenham. Draft in Polk's Handwriting. January 1846.
- ⁸⁷ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 395.
- ⁸⁸ Congressional Globe. 29th Cong. 1st sess. P. 432; Appendix. P. 426.
- ⁸⁹ University of North Carolina at Chapel Hill. South Historical Collection. Manuscript Department. Papers of Duff Green. Series 1. Folder 65. Duff Green to the Journal of Commerce. November 12, 1845; Congressional Globe. 29th Cong. 1st sess. Appendix. P. 475.
- ⁹⁰ *Polk J.K.* Op. cit. Vol. 1. January 4, 1846. P. 153–156.
- ⁹¹ Ibid. January 10, 1846. P. 158–161.
- ⁹² United States Magazine and Democratic Review. Vol. 16. No. 84. June 1845. P. 531; Vol. 17. No. 89. November 1846. P. 327.
- ⁹³ North American Review. Vol. 62. Iss. 130. P. 245. January 1846.
- ⁹⁴ *Polk J.K.* Op. cit. Vol. 1. May 9, 1846. P. 384–387; Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. 4. P. 442.
- ⁹⁵ U.S. Statutes at Large. Act of May 10, 1846. Vol. 9. Ch. 16. P. 9–10.
- ⁹⁶ House Journal. 29th Cong. 1st sess. May 11, 1846. P. 791–797; Senate Journal. 29th Cong. 1st sess. May 12, 1846. P. 287–289.
- ⁹⁷ Diplomatic Correspondence. Canadian Relations. Vol. 3. P. 229–230, 1034–1035, 1047.
- ⁹⁸ Senate Executive Journal. 29th Cong. 1st sess. June 12, 1846. P. 89.

К заключению

¹ *Thoreau H.D.* On the Duty of the Civil Disobedience // *Thoreau H.D.* Walden and Other Writings. New York, 1962.

² *Сунь-цзы.* Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. М., 2003. С. 15.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 11.

Приложение

Используемые сокращения:

А – 1820 год; В – 1830 год; С – 1840 год; D – 1850 год; E – 1860 год;
ΔСЕ – прирост за 1840–1850-е годы

Таблица П-1

Численность населения США в 1820–1860 годы*

Секции	Численность населения, тыс. чел.				
	А	В	С	D	E
Север					
Северо-Восток	4360	5542	6761	8627	10594
Северо-Запад	790	1470	2968	4900	8534
Юг	4488	5849	7334	9665	12315
в том числе рабы	1538	2009	2487	3204	3954
<i>Всего</i>	9638	12861	17063	23192	31443

Таблица П-2

Распределение крупных городов по секциям США
в 1840–1860 годы**

Секции	10 самых крупных городов			25 самых крупных городов			50 самых крупных городов			100 самых крупных городов		
	С	D	E	С	D	E	С	D	E	С	D	E
Северо-Восток	6	6	5	17	17	12	35	32	29	67	64	60
Северо-Запад	1	2	3	2	3	7	3	7	10	10	12	19
Юг	3	2	2	6	5	6	12	11	11	23	24	21

* Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Population: 1790 to 1990. Table 16 // U.S. Bureau of the Census. Published at <http://www.census.gov/population/censusdata/table-16.pdf>; Seventh Census of the United States. Vol. 4. P. 82; Eighth Census of the United States, 1860. Vol. 2. P. 247.

** Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Gibson C. Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States: 1790 to 1990 // Population Division. U.S. Bureau of the Census. Washington, D.C. June 1998. Population Division Working Paper No. 27. Published at <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0027.html>

Таблица П-3

Занятость населения США в 1840 год*

Секции	Занятое население, тыс. чел.	Население, занятое в сельском хозяйстве		Население, занятое в промышленности	
		Число занятых, тыс. чел.	Доля занятых, %	Число занятых, тыс. чел.	Доля занятых, %
Северо-Восток	1810	1140	63	500	28
Северо-Запад	740	595	80	110	15
Юг	2250	1980	88	190	9
<i>Всего</i>	4800	3715	77	800	17

Таблица П-4

Инвестиции в промышленность США в 1840–1860 годы**

Секции	Общие инвестиции в промышленность, млн. долл.			Инвестиции в промышленность на душу населения, долл.		
	С	Д	Е	С	Д	Е
Северо-Восток	186	375	661	27,5	43,5	62,5
Северо-Запад	28	55	173	9,5	11,5	19,5
Юг	53	95	165	5,5	10,0	13,5
<i>Всего</i>	267	525	999	15,5	23,0	32,0

* Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser. Compiled by Inter-University Consortium for Political and Social Research (ICPSR). Published at <http://fisher.lib.virginia.edu/census>

** Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser. Указаны текущие цены.

Таблица П-5

**Стоимость произведенных промышленных товаров в США
в 1850–1860 годы***

Секции	Стоимость произведенных промышленных товаров, млн. долл.	
	Д	Е
Северо-Восток	698	1214
Северо-Запад	136	355
Юг	171	287
<i>Всего</i>	1005	1856

Таблица П-6

**Общая протяженность каналов и железных дорог в США
в 1840–1860 годы****

Секции	Протяженность каналов, мили	Протяженность железных дорог, мили			
		С	Д	Е	ΔСЕ
Северо-Восток	1905	1657	5274	9500	7843
Северо-Запад	894	199	1303	10270	10071
Юго-Восток	459	1277	1909	5976	4699
Юго-Запад и Центральный Запад	68	195	393	4889	4694
<i>Всего</i>	3326	3328	8879	30635	27307

* Таблица составлена на основе данных, содержащихся в United States Historical Census Data Browser. Указаны текущие цены.

** Таблица составлена на основе данных, содержащихся в Taylor G.R. The Transportation Revolution, 1815–1860. New York, 1951. P. 79.

Схема 1. Территория Техасской республики в 1836-1845 годах

Схема 2. Территориальная экспансия США

в первой половине XIX века

Схема 3. Территориальные споры и разграничение в Орегоне между США и Великобританией в середине 1840-х годов

Summary

“Reforms and Expansion in American Policy” is a comprehensive study of the American society in the late 1830s and mid-1840s. That was a turbulent period in U.S. history. The nation faced two challenges – industrial and territorial. The industrial challenge meant the necessity to define the role of the federal government in social and economic life of the country. The territorial challenge involved the need for new lands and territorial acquisitions. These issues were not new, but never before had they sounded so violently disruptive. The economic crisis of 1837 and the subsequent recession coupled with the political confrontation between Congress and the executive after President Harrison's death in 1841. As a result the United States found itself at cross-roads with half remedies no longer acceptable.

The response to the industrial challenge lay in the choice between laissez-fair and governmentally stimulated capitalism. In 1841–1842 the key measures of Henry Clay's American System were introduced to Congress. They provided for a centralized control over banking, finances and currency via National Bank; internal improvements sponsored by federal and state governments; and high protective tariff. The program was aimed at stimulating the economy where it could not develop successfully without governmental support. If adopted, it would have extended industrial economy to the slaveholding South and the farming West, helping these sections to bridge the gap with the industrial North. The defeat of the American System meant that laissez-faire principles would dominate the American economy, and the federal government remained a mere bystander. Fast and unbalanced economic growth followed, but industrial development was limited almost exclusively to the Northeast.

To meet the territorial challenge the United States needed to decide whether it was still an expanding nation or should it be content with existing boundaries. The Americans were interested in new territories – Texas to the South, California to the West and Oregon to the Northwest, but they could not agree upon the ways and means of territorial acquisition. The Northerners objected to Texas being incorporated into the United States, while Oregon aroused little enthusiasm in the South. Acquisition of new territories would also cause problems abroad, either with Mexico or Great Britain, or with both. In the 1820s, 1830s and early 1840s the U.S. government tried to acquire territories through negotiation, but those attempts failed. It was a paradigm shift in American foreign policy, with diplomacy giving way to outright confrontation that prepared the way for expansion. As a result Texas was annexed to the United States; the war with Mexico ensued, bringing New Mexico and California; and Oregon was divided to the advantage of the Americans.

Содержание

Введение	3
Глава I. Американское общество на рубеже 1830–1840-х годов	14
§ 1. Социально-экономическое развитие США	14
§ 2. Внешнеполитические проблемы и подходы к их решению ..	28
§ 3. Межпартийная борьба на выборах 1840 года	36
Глава II. Судьбы социально-экономических преобразований в первой половине 1840-х годов	52
§ 1. На пути к новому Государственному банку США	52
§ 2. Регулирование тарифов и финансирование «внутренних улучшений»	70
§ 3. Перспективы развития американского капитализма	84
Глава III. Формирование внешнеполитического курса США в начале – середине 1840-х годов	97
§ 1. Американская дипломатия в начале 1840-х годов	97
§ 2. Борьба за Техас	105
§ 3. Проблема присоединения новых территорий в предвыборной кампании 1844 года	118
§ 4. США на пути континентальной экспансии	134
Заключение	147
Примечания	156
Приложение	166
Summary	173

Contents

Introduction	3
Chapter I. American Society in the Late 1830s and Early 1840s	14
§ 1. U.S. Social and Economic Development	14
§ 2. American Foreign Policy	28
§ 3. Party Politics in the Election of 1840	36
Chapter II. Approaches to Social and Economic Reforms in the First Half of 1840s	52
§ 1. Building a New National Bank of the USA	52
§ 2. Tariffs and Internal Improvements	70
§ 3. Patterns of Antebellum Economic Development	84
Chapter III. Making of American Foreign Policy in the Early and Mid-1840s	97
§ 1. American Diplomacy in the Early 1840s	97
§ 2. Fight for Texas	105
§ 3. Territorial Issues in the Election Campaign of 1844	118
§ 4. Continental Expansion in Action	134
Conclusion	147
Notes	156
Appendix	166
Summary	173

Монография

Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев

**РЕФОРМЫ И ЭКСПАНСИЯ
В ПОЛИТИКЕ США**

(конец 1830-х – середина 1840-х годов)

Ответственный редактор *П.Д. Алексеев*
Дизайн обложки *С.Б. Оказов*
Корректор *В.И. Острикова*
Компьютерная верстка *В.Г. Ковалевский*
Рис. *С.Б. Оказов*

ООО «Издательский дом “Проспект-АП”»
117133, г. Москва, ул. Теплый Стан, д. 27
Телефон: (095) 424-30-13; 8-916-248-55-72
E-mail: prospektap@umail.ru

Подписано в печать 15.01.2005.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура «Times».
Уч. изд. л. 9,24. Усл. печ. л. 11,0.
Тираж 1000. Заказ № 533.

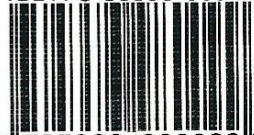
Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2, 953005 – книги, брошюры, литература учебная

ГП Псковской области «Великолукская городская типография»
Комитета по средствам массовой информации
182100, Псковская обл., г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, д. 78/12
Тел./факс (811-53) 3-62-95

ISBN 5-98398-009-2

9 785983 980099

118771

2 050001 118771 0

K-11-2-2-1

: WT 140